

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»**

На правах рукописи

ЛОСЕВА Ирина Эдуардовна

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ
ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ В ЛИРИКЕ ИОСИФА БРОДСКОГО**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук, доцент
Н.Г. Бабенко

Калининград

2025

Оглавление

Введение	4
Глава I. Теоретические основы исследования	10
§1 Проблематика категории модальности в современном языкознании	10
1.1. Иерархия типов языковой модальности в свете функционально-семантического подхода	10
1.2. Ситуативная модальность в свете функционально-семантического подхода	14
1.3. Языковая модальность как текстовая и текстообразующая категория. Объективная и субъективная текстовая модальность в художественном тексте	15
§ 2. Место модальности желательности и семантически связанных с ней категорий в структуре ФСП модальности	18
2.1. Семантический объем и спектр средств выражения модальности желательности	18
2.2. Модальность желательности и поэтический дейксис	23
2.3. Модальности желательности и императивности	28
2.4. Модальность желательности и оценка / оценочность, эмоциональность / эмотивность	31
Выводы	35
Глава II. Типология языковых средств выражения модальности желательности в языке поэзии Иосифа Бродского	38
§1. Семантические группы языковых средств выражения модальности желательности в лирике Иосифа Бродского 1957-1971 годов	38
1.1. Значение «собственно желания»	38
1.1.1. Грамматические средства выражения «собственно желания»	39
1.1.2. Лексические средства выражения «собственно желания»	43
1.2. Значение «желания, сопряженного с побуждением»	62
1.2.1. Грамматические средства выражения «желания, сопряженного с побуждением»	64
1.2.2. Лексические средства выражения «желания, сопряженного с побуждением»	72
1.3. Грамматические (синтаксические) средства выражения «желания, сопряженного со значениями условия, цели, сравнения»	75
1.4. Значение пожелания	77
§ 2. Семантические группы языковых средств выражения модальности желательности в лирике Иосифа Бродского 1972-1996 годов	79

2.1.	Значение «собственно желания».....	79
2.1.1.	Грамматические средства выражения «собственно желания».....	79
2.1.2.	Лексические средства выражения «собственно желания».....	84
2.2.	Значение «желания, сопряженного с побуждением».....	94
2.2.1.	Грамматические средства выражения «желания, сопряженного с побуждением».....	94
2.3.	Грамматические (синтаксические) средства выражения «желания, сопряженного со значениями условия, цели, сравнения».....	97
2.4.	Значение пожелания.....	99
	Выводы.....	101
Глава III. Комплексный анализ стихотворений Иосифа Бродского в аспекте модальности желательности как текстообразующей категории.....		105
§1.	Доминирующие черты художественной системы Иосифа Бродского.....	107
§2.	Комплексный анализ стихотворений Иосифа Бродского с модальной доминантой желательности 1957-1971 годов.....	111
§3.	Комплексный анализ стихотворений Иосифа Бродского с модальной доминантой желательности 1972-1996 годов.....	140
	Выводы.....	157
	Заключение.....	162
	Библиография.....	166
Приложение 1. Схемы.		
	Типология средств выражения модальности желательности в языке поэзии Иосифа Бродского 1957-1971 годов.....	189
Приложение 2. Диаграммы.		
	Языковые средства выражения семантических групп «собственно желание», «желание, сопряженное с побуждением», «желание, сопряженное с семантикой других категорий», «пожелание» в лирике Иосифа Бродского 1957-1996 годов.....	193

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию языковой экспликации **модальности желательности** в лирике Иосифа Бродского. Антропоцентрическая ориентированность современных лингвистических исследований и доминирование функционального подхода к анализу языковых категорий открывают возможность рассмотрения текста как сложного коммуникативного явления, в модальном пространстве которого реализуются интенции автора. Репрезентация желания выявляет ценностную картину мира субъекта речи, транслирует значимую в психолингвистическом, социолингвистическом и лингвофилософском плане информацию о его мировоззренческих установках. Особый научный интерес в этом аспекте представляет лирика Иосифа Бродского, в недостаточной мере исследованная в ракурсе «эгоцентрического» модуса желательности: не становился ранее предметом анализа текстообразующий потенциал ядерных и периферийных конститuentов микрополя модальности желательности, не предпринимались попытки выявления эволюции в выборе и использовании Бродским грамматических и лексических экспликаторов модальности желательности. Сказанным и обусловлена **актуальность настоящего исследования**. Комплексный анализ языковых средств выражения модальности желательности с позиций функциональной грамматики и лингвопоэтики, по нашему предположению, позволит объективировать представление о мировоззренческих установках и творческих интенциях, поэтических стратегиях Бродского на протяжении двух этапов его творчества: до и после эмиграции.

Объект исследования: язык поэзии Иосифа Бродского в аспекте функционально-семантической категории модальности.

Предмет исследования: грамматические и лексические средства выражения модальности желательности и их функционирование в лирике Иосифа Бродского.

Цель исследования: выявление и комплексное описание экспликаторов модальности желательности в лирике Иосифа Бродского с позиций функциональной грамматики и лингвопоэтики, определение их значимости в структурировании ценностной картины мира поэта.

В соответствии с поставленной целью были определены следующие **задачи исследования:**

- выборка из поэтических текстов Бродского примеров, эксплицирующих модальность желательности;

- квалификация и типологизация фактического материала исследования;

- структурирование фактического материала в виде функционально-семантического микрополя по принципу расположения конститuentов от центра к периферии согласно критерию возрастания-убывания доминирующего семантического признака – семантики желания;

- анализ соответствия грамматического и лексического материала семантическим группам «собственно желание», «желание, сопряженное с побуждением», «неосуществимое желание, обращенное к прошлому», «желание, сопряженное со значениями условия, цели, сравнения», «пожелание»;

- комплексный анализ отдельных стихотворений поэта с целью описания текстообразующей функции средств выражения модальности желательности;

- описание средств выражения модальности желательности как экспликаторов ценностной картины мира поэта.

Материалом исследования стал корпус стихотворений Иосифа Бродского 1957-1996 годов (около 1000 стихотворных текстов).

Достоверность результатов и обоснованность выводов исследования обеспечивается опорой на многоаспектную научную литературу, репрезентативностью фактического материала, использованием комплексной методики, адекватной цели и задачам исследования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые на материале лирики Иосифа Бродского структурировано

функционально-семантическое микрополе модальности желательности; впервые представлена полная гарнитура грамматических и лексических средств экспликации модальности желательности, входящих в поэтический грамматикон Бродского; впервые показана динамика выбора и применения экспликаторов модальности желательности на протяжении двух периодов творчества поэта; впервые произведен анализ стихотворений Бродского с модальной доминантой желательности; впервые при комплексном анализе отдельных стихотворений поэта осуществлена попытка сопряжения исследовательских подходов функциональной грамматики и лингвопоэтики.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что настоящее исследование вносит вклад в дальнейшую разработку теории модальности желательности как функционально-семантической категории, имеющей полевою структуру повышенной проницаемости и «восприимчивости»; расширяет и углубляет сведения о грамматических и лексико-грамматических средствах репрезентации модальности желательности в качестве «строительного материала» лингвопоэтики Бродского и репрезентантов индивидуальной ценностной картины мира поэта.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов, выводов и положений в курсах по функциональной грамматике русского языка, по лингвистическому анализу текста и в спецкурсах по стилистике художественного текста, в том числе – по исследованию поэтического наследия И. Бродского.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили положения, сформулированные в трудах:

- по описанию категории модальности по функционально-семантическому принципу: Беляева Е.И., Бондарко А.В., Ваулина С.С., Гулыга А.В., Зайнуллин М.В., Зеленщиков А.В., Корди Е.Е., Ляпон М.В., Макарова Н.П., Почепцов О.Г., Ткаченко А.И., Эслон П.А. и др.;

- по рассмотрению соотношения понятий модальность желательности, оптативность, дезидеративность: Адамсон И., Алтабаева А.Е., Беличова-Кржижкова Е., Бондарко А.В., Корди Е.Е. и др.;

- по комплексному филологическому анализу стихотворений Бродского, выявляющему мировоззренческие позиции поэта: Ахапкин Д.Н., Бетеа Д., Верхейл К., Зубова Л.В., Колобаева Л.А., Лосев Л.В., Полухина В., Ранчин А.М., Романов И.А., Романова И.В., Федотов О.И. и др.;

- по представлению базового для категории желательности концепта *желание* в научном дискурсе и в поэзии Бродского в аспекте культурологии и философии: Алтабаева Е.В., Бердяев Н.А., Гельфонд М.М., Грудзинская-Гросс И., Малахов П.Н., Мальцева А.П., Плеханова И.И., Твердислова Е. и др.

Апробация результатов. Результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на межвузовских Всероссийских и Международных конференциях: ежегодные научные семинары аспирантов БФУ им. И. Канта (Калининград, 2020–2024), Международная научная конференция «Модальность. Коммуникация. Текст» (Калининград, 2020), Международная научно-методическая сессия Русский язык: образование, наука, культура (Москва, 2022), Всероссийская научно-практическая конференция «По следам Нобелевской премии по литературе» (Петрозаводск, 2022), Международный форум Форум «Язык и культура в аспекте проблем языкового образования современной России» (Воронеж, 2023), Международная научная конференция Язык – текст – дискурс: функционально-семантический и структурный аспекты (Самара, 2024), Международная конференция «НОМО LOQUENS: ЯЗЫК – КОММУНИКАЦИЯ – КУЛЬТУРА» (Калининград, 2024), Международная конференция «Ваулинские чтения. Модальность: язык и текст в коммуникативном пространстве» (Калининград, 2025). Кроме того, результаты исследования были отражены в 8 публикациях, 4 из которых изданы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК.

На защиту выносятся **основные положения**, определяющие научную новизну и теоретическую значимость работы:

1. На современном этапе развития методологии функциональной грамматики представляется целесообразным и научно перспективным широкое понимание *модальности желательности* как функционально-семантической категории, в семантический объем которой входит *оптативность* (репрезентируется грамматическими средствами, выражает желание наступления ситуации вне зависимости от активной воли субъекта речи) и *дезидеративность* (репрезентируется лексическими средствами, транслирует активную волю говорящего).

2. Ядерная зона микрополя модальности желательности в языке поэзии Иосифа Бродского структурируется грамматическими (формой сослагательного наклонения в оптативном значении, инфинитивом в сочетании с грамматикализованной частицей *бы*) и лексическими (преимущественно личным глаголом *хотеть*, его дериватами, а также безличным глаголом *хотеться*) конститuentами.

3. К периферии микрополя модальности желательности относятся грамматические средства: инфинитив в сочетании с частицей *только* (*только жить*) или компаративом предикативного наречия *лучше* (*лучше знать*); формы глагола будущего времени со значением совместного действия (*споем*); формы императива второго (*подумай*) и третьего (*пусть подождут*) лица; лексические средства: глаголы с семантикой желания (*жаждать*), девербативы (*жажда*), наречия (*прочь*), устойчивые выражения (*Господь его храни*).

4. Для лирики Бродского характерна нечеткость субъект-субъектных границ. Субъектная структура стихотворений Бродского, репрезентирующая модальность желательности, отвечает моделям, согласно которым субъект речи (несобственно-личный, собственно-личный или ролевой) а) выражает собственное желание совершить действие; б) желает прямо или косвенно

побудить другого к действию; в) говорит о желании, испытываемом другим; г) адресует другому свое пожелание.

5. Высокочастотные в языке поэзии Бродского лексико-грамматические экспликативные модальности *хочу, хотел бы, хотелось, хотелось бы* в большинстве случаев употребления выражают желание совершить ментальное (*знать, думать* и др.) или речевое (*крикнуть, сказать* и др.) действие, эксплицируют желание сконцентрироваться на визуальном восприятии какого-либо объекта (*увидеть, посмотреть* и др.).

6. Модальность желательности, являясь текстовой и текстообразующей категорией, актуализируется средствами персонального, темпорального, локального видов дейксиса, средствами экспликации оценки и эмотивности, что задает векторы лингвопоэтического анализа лирических произведений.

7. Доминирование модальности желательности в полимодальном пространстве стихотворений Бродского позволяет выявить такие составляющие ценностной картины мира поэта, как *жизнь, язык, верность призванию, свобода личности, культурная память, семейный очаг, любовь*, текстовая репрезентация которых обнаруживает их облигаторную связь с модусами долженствования, достоверности / недостоверности, возможности / невозможности.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей список научной литературы из 220 наименований, а также двух приложений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Проблематика категории модальности в современном языкознании

1.1. Иерархия типов языковой модальности в свете функционально-семантического подхода

Семантическая категория модальности, репрезентированная в рамках высказывания, стала предметом исследования уже в 50-х годах XX века. В частности, в 1955 году Ш. Балли, предвосхищая идею о связи модальности с речевым аспектом языка, трактует ее как категорию, образованную в результате «активной операции говорящего субъекта» [Балли 1955: 44] и дробит семантическую основу предложения на диктум как объективную семантическую константу и модус как субъективную семантическую переменную.

Авторы «Русской грамматики» 1980 года трактуют объективную модальность как «отношение сообщаемого к действительности, т.е. значения реальности... и ирреальности» [Русская грамматика 1980 Т.2: 214], субъективную модальность – как «отношение говорящего к тому, что он сообщает» [Там же].

Важно отметить, что уже в середине прошлого века в исследованиях по грамматике русского языка подчеркивалась текстовая природа модальности как понятийной категории, которая «не описывается при помощи языка, а выявляется в нем самом, в его лексике и грамматическом строе» [Мещанинов 1945: 196], поскольку «каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности» [Виноградов 1975: 55].

Представителями Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики, сформировавшейся в 1970-е годы под руководством А. В.

Бондарко, был разработан функционально-семантический подход к описанию грамматики русского языка, основанный на понимании единства функционального и структурного аспектов речи и, как следствие, на анализе языковых фактов в контексте их речевой реализации.

Функционально-семантическое поле (ФСП) является ключевым понятием функциональной грамматики и понимается, нами вслед за А.В. Бондарко, как система «разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т.п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций» [Бондарко 1984: 21-22].

Основным принципом представления и анализа разноуровневых конститuentов функционально-семантического поля является их распределение от ядра к периферии, согласно параметру возрастания / убывания доминирующего семантического признака:

«а) сосредоточенность, максимальная концентрация специфических признаков, характеризующих данную группировку (центр) – разреженность таких признаков (периферия);

б) максимальная функциональная нагрузка (центр) – уменьшение функциональной нагрузки (периферия);

в) наибольшая специализация данного языкового средства для реализации определенной семантической функции (центр) – меньшая степень специализации (периферия);

г) регулярность, высокая частотность употребления (центр) – нерегулярность или меньшая регулярность, меньшая употребительность (периферия)» [Бондарко 1972: 20-35].

Также нами были учтены такие важные структурные признаки функционально-семантического поля, как «наличие конститuentов с доминантным (идентифицирующим) значением, постепенность перехода от центра к периферии, переходы поля на его границах в другие поля,

пересечение и частичное наложение входящих в его состав микрополей» [Ваулина 1991: 17].

В центре большинства функционально-семантических полей выделяется доминанта – грамматическая категория, наиболее ярко и точно эксплицирующая значение поля, вокруг которой группируются его ядерные элементы.

При определении доминанты микрополя целесообразно ориентироваться на такие значимые признаки, как выражение модального значения в «наиболее общем инвариантном виде, немаркированность с точки зрения жанрово-стилистической сферы употребления и эмоционально-экспрессивной окраски, наибольшая частотность по сравнению с другими конститuentами поля» [Ваулина 1991: 17].

К методологическим преимуществам функционально-семантического подхода относятся:

- возможность объяснения фактов языка в их речевой реализации, описания экстралингвистических ситуаций через средства их речевой репрезентации, то есть системное описание языковых единиц от значения к средствам репрезентации;

- описание картины функционирования языковой системы с учетом интеграции в нее разноуровневых языковых элементов с целью характеристики их семантического потенциала;

- полисистемность анализа: изучение диалектического единства не только элементов одной подсистемы, но и ряда подсистем в целом, учитывая факты их взаимообусловленности.

При функционально-семантическом подходе исследовательский фокус направлен на единицы языка, репрезентирующие поле в конкретных высказываниях, на «особенности взаимодействия ядерных и периферических элементов поля, соотношение их значений и функций» [Магдалинская 2015: 30] (см., например: [Адмони 1964; Бондарко 1971; Ваулина, Кукса 2011; Гулыга, Шендельс 1969; Коковина 2013; Новоженова 2010; Пробст 2014]).

Принципы анализа высказывания, разработанные представителями функциональной грамматики, открыли широкие перспективы для изучения средств языка, формирующих категорию модальности. По мнению М.А. Шевцовой, именно функциональный подход «позволяет свести в единую категорию систему разноуровневых средств выражения модальности» и «рассматривать эти средства как взаимообусловленные» [Шевцова 2011]. Как утверждает Г.А. Кривенко, «адекватный семантический анализ модальности возможен только при учете ее функционирования в речи, в коммуникации, высшей единицей которой является текст. Именно в тексте актуализируется значения всех модальных единиц, в результате синтеза и взаимодействия которых возникает модальный смысл текста, представляющий собой сложное явление, не равное простой сумме модальных значений единиц, составляющих текст» [Кривенко 2011: 51].

Описание категории языковой модальности по функционально-семантическому принципу представлено в работах таких исследователей, как Е.И. Беляева, С.С. Ваулина, А.В. Гулыга, М.В. Зайнуллин, А.В. Зеленщиков, М.В. Ляпон, Н.П. Макарова, О.Г. Почепцов, П.А. Эслон, а также в многочисленных исследованиях Калининградской школы языковой модальности под руководством С.С. Ваулиной, представители которой трактуют модальность как семантическую категорию, структурированную пропозициональной и прагматической составляющими (более подробно об этом см.: [Ваулина 1991: 7]). При этом ядро пропозициональной модальности составляет объективная модальность, репрезентирующая значения реальности / ирреальности, периферию – ситуативная (предметная) модальность, реализующаяся в функционально-семантических микрополях желательности, возможности, необходимости.

1.2. Ситуативная модальность в свете функционально-семантического подхода

В настоящий момент отсутствует единая исследовательская позиция относительно статуса модальных значений возможности, необходимости, желательности. Так, Е.В. Падучева, авторы «Функциональной грамматики» квалифицируют значения возможности и необходимости как составной элемент объективной модальности, а значение желательности – как компонент субъективной модальности (более подробно об этом см.: [Падучева 2009, 2019; Бондарко 1990]).

Другие исследователи [Бондаренко 1979; Небыкова 1981; Панфилов 1977] считают, что ядерные средства выражения значения желательности – глаголы *хотеть*, *желать* – «своими лексическими значениями не указывают на характер объективных связей и, следовательно, не выражают модальных значений» [Панфилов 1977: 40].

Подчеркивая особую связь модальности желательности с категорией оценки, В.А. Плуноян, говорит не только о том, что желательность всегда несет в себе положительную оценку, но и о том, что она «не принадлежит реальному миру (человек, как известно, может хотеть только того, чего не существует)» [Плуноян 2000: 316], то есть обладает определенной долей ирреальности.

При этом очевидно, что модальные категории желательности, возможности, необходимости объединяет их способность квалифицировать действие «путем установления соответствий между регистрируемым фактом и наличной действительностью» [Ломов 1977: 52] с точки зрения того, «каким способом подается этот факт – как возможный, необходимый или желательный» [Ваулина 1991: 15-16]. Данный тип модальных отношений исследователи определяют как «внутрисинтаксическую модальность» [Золотова 1973: 152], «лексическую модальность» [Бондарко

1971: 47], «потенциальную модальность» [Беляева 1985: 33], «предикативную модальность» [Беляева, Цейтлин 1990: 123].

Термин «ситуативная модальность», введенный в научный обиход Е.Е. Корди [Корди 1982], на наш взгляд, наиболее полно передает содержательные и формальные особенности рассматриваемого типа модальности и активно используется в современной научной литературе [Ваулина 1996; Кочеткова 1998; Лопатюк 2009; Островерхая 2004; Ткаченко 2011].

В настоящей работе мы придерживаемся мнения, согласно которому приоритетное положение в составе ситуативной модальности занимает значение возможности, тогда как необходимость и желательность являются условием реализации возможности, то есть превращения ее в действительность [Ваулина 1991: 15].

Таким образом, значения действительности, желательности, возможности и необходимости принадлежат ситуативной модальности. При этом функционально-семантические микрополя возможности, желательности и необходимости взаимно дополняют друг друга и частично пересекаются.

1.3. Языковая модальность как текстовая и текстообразующая категория. Объективная и субъективная текстовая модальность в художественном тексте

М.Я. Дымарский определяет текстообразование как грамматику текста, то есть область лингвистики, исследующую «собственно языковые закономерности организации текста» [Дымарский 2000: с. 259]. Актуализация внимания филологов к так понимаемому процессу текстообразования проявляется и в современных исследованиях художественных текстов в аспекте языковой модальности. Так, И.Р. Гальперин, говоря о субъективном типе модальности, разделяет

субъективно-оценочную модальность на фразовую и текстовую: «Если фразовая модальность выражается грамматическими или лексическими средствами, то текстовая, кроме этих средств, применяемых особым образом, реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста...» [Гальперин 2007: 115].

Солидаризируясь с И.Р. Гальпериным, Г.Я. Солганик говорит о том, что, будучи антропоцентричной по своей природе, субъективная модальность «играет важную роль и в процессе речепроизводства (текстообразования)» [Солганик 2010: 54].

Разделяя понятия «текстообразующая категория» и «нетекстообразующая категория», Е.Ю. Стратийчук отмечает, что «текстовая категория – это категория, которая проявляется на уровне текста», а текстообразующая – это категория, «участвующая в построении текста. Текстовая категория необязательно и не всегда выполняет текстообразующую функцию, тогда как текстообразующая категория всегда является одновременно и текстовой» [Стратийчук 2006: 9-10].

Таким образом, к текстообразующим категориям (наряду с персональностью, темпоральностью, локальностью и связностью) следует отнести и текстовую модальность как категорию, скрепляющую «все элементы содержания текста» [Валгина 2003: 29].

По мнению Л.Г. Бабенко, при анализе художественного текста «стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересекаемость и взаимодействие» [Бабенко Л. 2009: 134], что обуславливает остроту вопроса о соотношении объективной и субъективной модальности текста.

Ряд исследователей ставит под сомнение целесообразность выделения объективной модальности в художественном тексте, так как в нем только

воссоздается, изображается действительность и тем самым снимается оппозиция «реальность / ирреальность» [Гальперин 2007].

По мнению других исследователей, объективная модальность «определяет способ отношения сложного сигнификата текста, являющегося своеобразной суммой пропозиций, тесно связанных между собой в микротекстах высказываний, к референту текста — картине мира» [Сергунина 1990: 112]. Репрезентированная в художественном тексте объективная модальность — «это всегда уникальный вариант интерпретации действительности с точки зрения автора текста, представляющий собой индивидуально-авторскую картину мира» [Бабенко Л. 2009: 134]. Л.Г. Бабенко градуирует уровни соответствия содержания текста реальности, выделяя максимальный уровень, когда «изображаемые события в большей степени приближены к действительности», и минимальный уровень, «когда содержание произведений нацелено на будущее или воплощает фантазии, иллюзии и в меньшей степени соответствует реальности» [Там же]. По мнению исследователя, «субъективно-оценочная текстовая модальность является основой концептуального пространства текста, ибо она представляет собой мнение автора о мире, в основе которого всегда лежит познавательная оценка» [Бабенко Л. 2009: 134-135].

Тогда как субъективная модальность может быть репрезентирована в «авторском отношении к описываемому, которое проявляется в реализации категорий оценки, образности, эмотивности, экспрессивности, в специфике подачи содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации текста» [Там же: 134].

В настоящий момент некоторые лингвисты пришли к отказу от противопоставления объективной и субъективной модальности художественного текста. Так, П. Эслон говорит о том, что категория модальности представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного [Эслон 1997: 234-235].

Важно отметить, что «в процессе анализа текстовой модальности актуализируется ее понимание как «категории, выражающей, с одной стороны, отношение субъекта, автора к объекту, предмету речи, целевую установку автора (субъективная и коммуникативная модальности), а с другой стороны — отражающей, как говорящий (автор) квалифицирует действительность: как реальную или ирреальную, желаемую, возможную, необходимую и др. (объективная и ситуативная модальности)» [Ваулина, Кукса 2009: 520]. Итак, текстовая модальность — категория, обладающая объективной и субъективной составляющими.

§ 2. Место модальности желательности и семантически связанных с ней категорий в структуре ФСП модальности

2.1. Семантический объем и спектр средств выражения модальности желательности

Рассмотрение модальности как «одной из центральных антропоориентированных категорий языка» [Алтабаева 2003: 6] сформировалось в лингвистике относительно недавно – на рубеже XX-XXI веков [Алтабаева 2003; Корди 1990], что связано с перемещением фокуса лингвистических исследований на языковую личность и, как следствие, на ее коммуникативные интенции. В центре нашего исследования – модальность желательности, имеющая языковые средства репрезентации не только в ядре и периферийных областях пропозициональной модальности, но и в сегментах прагматической модальности, выражающих оценку, волеизъявление, эмоциональность и вопрос.

Терминологизированное в функциональной грамматике существительное *желательность* в системе русского языка принадлежит словообразовательному гнезду с вершиной *желать* (*желать* → *желательный* → *желательность*), как и девербатив *желание* (*желать* →

жела[ниј][э]) – имя базового ментального концепта ЖЕЛАНИЕ. Отвлеченность деадъектива *желательность* при его корневой общности с именем концепта *желание* предопределяет содержательную емкость понятия *модальность желательности*.

Репрезентация желательности эксплицируется в зоне пересечения объективной, ситуативной и субъективной модальностей.

В «Теории функциональной грамматики» желательность рассматривается как одно из значений, «образующих категорию коммуникативной рамки (или типов предложения по цели высказывания)» [Корди 1990: 171]. Коммуникативная рамка высказывания структурируется повествовательными, вопросительными и волеизъявительными предложениями, состоящими, в свою очередь, из императивных (повелительных или побудительных) и оптативных предложений, выражающих желание говорящего. Таким образом, желательность и побудительность рассматриваются авторами «Теории функциональной грамматики» как категориальные ситуации, структурирующие функционально-семантическое поле волеизъявления. Е.И. Беляева рассматривает оптативность, выражающую модальное значение желательности и директивную модальность как составные части более общей категории – модальности волеизъявления [Беляева 1985].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в современной теории синтаксиса не существует единого мнения о содержательной природе, категориальном статусе, типе структурной организации оптативных предложений [Алтабаева 2021: 128-129]. Так, предложения с семантикой желательности определяются исследователями как

- отдельный коммуникативный тип невопросительных предложений (более подробно об этом см.: [Русская грамматика 1979: 814–816]);

- один из типов простых предложений с ирреальной модальностью, противопоставленных предложениям с индикативно-модальными значениями [Лекант 2007: 97–100; Русская грамматика 1980, Т. 2: 99];

- компоненты микрополя оптативности, входящего, наряду с микрополем императивности, в ФСП волеизъявления [Бондарко 1990: 172].

Е.В. Алтабаева, считая, что желание соотносится с категорией желательности как «означаемое» и «означающее» [Алтабаева 2003], определяет категорию желательности как «эмоционально-волевое проявление потребности субъекта в том, чтобы осуществилось некое событие, предпочитаемое им всем остальным» [Алтабаева 2023: 28].

Необходимо отметить, что в рамках теории оптативности некоторые лингвисты дифференцируют значения оптатива-желания, исходящего от говорящего, и дезидератива-желания, присущего субъекту действия [Kurilowich 1964: 27-28]. Рассматриваемые категории моделируют различное отношение к ситуациям действительности: дезидератив транслирует активную волю субъекта (например, *Я хочу поехать на море*); оптатив же выражает желательность наступления той или иной ситуации, вне зависимости от воли говорящего (*Мне бы поехать на море*). Высказывания, обладающие модальным смыслом дезидеративности, эксплицируют «потенциальность желаемого действия», «интенциональность», «прикрепленность к Я-субъекту», «наличие склонности субъекта к действию» [Адамсон 2006: 73-74].

Средствами выражения дезидератива являются глаголы с семантикой желания, обладающие интенциональностью и «векторностью»: *хотеть, желать, стремиться, норовить* и так далее. Кроме того, к средствам выражения дезидератива относятся модальные модификаторы, оптативная семантика которых закреплена в корневых морфемах: девербативы – *желание, охота, стремление*; наречия – *охотно, желательно* и т.д.

Оптативность выражена в языке преимущественно на грамматическом уровне при помощи форм сослагательного (желательного) наклонения, а

также конструкцией инфинитив + частица бы (Ср.: *Лучше читали бы вы книги. Мне бы прочитать эту книгу*).

Нам представляется верным рассматривать как выражающее желательность любое высказывание, в котором модальное значение желательности получило лексическое (дезидеративность) или грамматическое (оптативность) выражение. Основано данное утверждение на том, что и оптативность, и дезидеративность «выражают семантически и функционально аналогичные типы модального значения желательности, за которыми стоит единый тип концептуализационного процесса в сознании языковой личности» [Алтабаева 2006: 32]. Подтверждением нашему мнению служит довольно частотное совмещение значений оптативности и дезидеративности в одной словоформе: *Я хотел бы поехать на море*.

Далее в работе мы трактуем желательность как широкую понятийную категорию, включающую в свой объем языковые средства выражения оптативности и дезидеративности. Исходя из данного утверждения, модальность желательности находит выражение как на грамматическом, так и на лексическом уровне. Это позволяет нам представить категорию модальности желательности в виде функционально-семантического микрополя, элементы которого могут быть распределены по ядерно-периферийному признаку.

Основанием указанного разделения является «взаимодействие грамматической категории, формы, конструкции, грамматического или лексического класса слов с другими единицами контекста на базе общности семантики – при наличии некоторого семантического инварианта в значениях языковых средств, относящихся к данному полю» [Бондарко 2001: 44]. К ядру поля желательности, в нашей интерпретации, относятся не только грамматикализованный показатель – форма сослагательного наклонения в оптативном значении, но и основной лексический экспликатор семантики желательности – модальный глагол *хотеть* (а также его дериваты).

Лексические средства выражения желательности распределяются нами по зонам ядра, приядерной области и периферии, поскольку при структурировании зон ФСП необходимо не только выявлять гарнитуру средств языка, используемых для передачи определенного содержания, но и учитывать проекцию этих средств в речи [Бондарко 2001: 44].

Я.И. Гин, говоря о необходимости представления совокупности грамматических и лексико-грамматических категорий языка в виде поля, элементы которого должны быть распределены по ядерно-периферийному признаку, отмечает, что к ядерным компонентам необходимо отнести «те категории и разряды, которые играют особенно важную роль в структуре художественного текста (шифтеры)» [Гин 1991: 106].

Я.И. Гин противопоставляет лексическое и грамматическое значения слов в поэтическом языке как «свободное» и «обязательное», «индивидуальное» и «категориальное», объясняя это тем, что «в сфере лексической полнее и ярче всего выражается авторская индивидуальность, грамматическое же значение в большей степени отражает “насилие” языка над художественной конструкцией» [Гин 1991: 105].

По замечанию Ю.Н. Караулова, грамматикон (грамматический фонд писателя) «тесно связан с лексиконом и до известной степени растворен в нем в силу лексикализации определенной», достаточно широкой, «части грамматических явлений» [Караулов 2010: 89]. Изучая структуру индивидуального лексикона на материале ассоциативных полей русского языка, исследователь утверждает, что в нем происходит почти полная лексикализация грамматики в лексиконе.

Считаем целесообразным привести положения из «языковой теории» Иосифа Бродского, отдельные тезисы которой поэт высказывал в многочисленных интервью, статьях и выступлениях. Так, Бродский, размышляя о «синтетизме» русского и «аналитизме» английского языка, маркировал лексическое значение слова как основное, грамматическое – как дополнительное. Таким образом, соглашаясь с приведенными выше

положениями и учитывая специфику анализируемого материала, считаем возможным в рамках данной работы распределять лексические средства выражения категории желательности (например, глаголы *хотеть, желать, стремиться, мечтать*; девербативы *желание, мечта, стремление, тяга* и т.д.) по зонам ядра, ближней и дальней периферии микрополя желательности в соответствии с их функциональной значимостью.

Представленная ниже классификация частных модальных значений желательности, предложенная Е.Е. Корди, будет применена к фактическому материалу настоящего исследования и тем самым верифицирована:

- 1) «собственно желание», характеризующееся перспективностью и гипотетичностью реализации желаемого действия;
- 2) «желание, сопряженное с побуждением»;
- 3) «неосуществимое желание, обращенное к прошлому»;
- 4) «значение желания, сопряженное со значениями условия, цели, сравнения»;
- 5) «значение пожелания» (более подробно об этом см.: [Корди 1990: 176]).

По замечанию Д.В. Берновой и С.Я. Гехтляр, подобная «многоплановость представления семантики в сознании носителей языка детерминирует его многоаспектную репрезентацию» [Бернова, Гехтляр 2015: 241], основу которой составляют как специализированные (грамматические), так и неспециализированные (лексико-грамматические) средства экспликации желательности.

2.2. Модальность желательности и поэтический дейксис

Е.В. Падучева называет модальность эгоцентрической категорией (более подробно об этом: [Падучева 2019: 92]), сближая понятия модальность и дейксис на основании их общего признака – эгоцентричности.

Поэтическая речь моделирует мир, в котором темпоральные и пространственные координаты дистанцированы от субъекта высказывания, а

говорящий при этом осуществляет референцию к многочисленным объектам, предметам и явлениям [Соколова, Захаркив 2025: 21]. Одним из инструментов референции являются дейктические средства языка (дейктики), характеризующие объект, предмет, явление «относительно координат речевой ситуации» [Янковская 2007: 167].

С.Д. Кацнельсон, говоря об общих особенностях дейктических слов, отмечал их неприменимую эгоцентричность или соотнесенность с субъектом речи. Имея в виду указанный критерий, дейксис следует квалифицировать как категорию, ориентированную на «внеязыковую действительность, отражаемую в содержании высказывания» [ЛЭС, 1990, с. 128] и проецируемую на художественный текст «через универсальные смыслы (человек, пространство, время); через точку зрения наблюдателя, имеющего определенную позицию в пространстве и во времени; через оппозицию *близко – далеко* по отношению к тексту со стороны наблюдателя; через сфокусированное значение антропоцентризма в тексте; через участие в создании хронотопа и пр.» [Серебрянская, 2005: 24].

Наиболее точно, по нашему мнению, указанный термин определил Дж. Лайонз: «Под дейксисом понимается локация и идентификация лиц, предметов, событий, процессов и действий, о которых говорят или к которым отсылают относительно пространственно-временного контекста, создаваемого и поддерживаемого актом высказывания и участием в нем, как правило, одного говорящего и, по крайней мере, одного адресата» [Лайонс 1978].

Несмотря на то, что рассматриваемая категория стала предметом пристального исследовательского интереса отечественных и зарубежных ученых (см., например: [Булыгина и др., 1997; Бюлер 1993; Демьянков 1994; Ковтунова 1986; Кубрякова 2004; Степанов 1981; Соколова, Захаркив 2025; Падучева 2009; Филлмор 1971]), в настоящий момент остаются нерешенными вопросы, связанные с типологией видов дейксиса и дейктиков.

Соглашаясь с утверждением Дж. Лайонза о центральном положении говорящего в ситуации общения, отметим, что именно фигура говорящего структурирует семантическое пространство высказывания. Субъект речи является центром триады «субъект – место – время» («я – здесь – сейчас»), что обуславливает различие персонального («я»), пространственного («здесь») и темпорального («сейчас») типов дейксиса.

В контексте нашего исследования особенного внимания заслуживают концепции Е.В. Падучевой и Ю.Д. Апресяна, в которых выделяются «первичный» (дейксис диалога, нормальной ситуации общения) и «вторичный» (нарративный, не связанный непосредственно с ситуацией общения) типы дейксиса. Для вторичного дейксиса поэтического текста характерно несовпадение времени и места речевого акта с описываемыми событиями и их хронологией.

Отметим, что, несмотря на отсутствие единой точки зрения на типологию разновидностей дейксиса, все дейктические слова обладают необычайной емкостью и в рамках конкретного высказывания могут «охватить любую точку пространства и времени, любую вещь и любое лицо» [Кацнельсон 2011: 5]. Дейктики имеют следующие признаки:

- ситуативность (зависимость от речевой ситуации, «вне которой значение таких слов расплывчато и неясно»);
- эгоцентризм (соотнесенность с субъектом речи);
- мгновенность, эфемерность, ситуативность референции (более подробно об этом см.: [Там же 2011: 5-6]).

Придерживаясь далее широкого подхода, мы будем различать следующие типы дейксиса:

- личный (персональный) дейксис (субъект речи устанавливает отношения с внеязыковой действительностью);
- локальный дейксис (репрезентирует отношения между местом, которое занимает субъект высказывания в момент речи, и пространством);

- темпоральный дейксис (соотношение времени речевого акта с иными временными категориями);
- модальный дейксис (субъект высказывания оценивает положение по отношению к возможным ситуациям);
- социальный дейксис (предполагает установление социального статуса говорящего по отношению к другим участникам коммуникации) (более подробно об этом: [Янковская, 2007:168]).

Личные и притяжательные местоимения, маркируя *персональный дейксис*, отражают «фундаментальные знания о предметном мире в виде триады» «субъект речи – объект речи – предмет речи» [Артемова 2017: 173], репрезентированные первым, вторым и третьим лицом соответственно. Указанные местоимения составляют оппозицию: участники коммуникации (первое и второе лицо) и лицо, вынесенные за рамки речевого акта (третье лицо).

При анализе поэтического текста особую роль играет транспозиция – «использование одной формы личных местоимений в функции другой» [Там же: 178], обусловленная как семантической емкостью личных местоимений, так и поэтической стратегией автора. В результате лексическая единица приобретает дополнительные смыслы, решая ряд новых прагматических задач и актуализируя ценностный, эмотивный, социокультурный уровни поэтического текста.

Пространственная локализация в произведении выстраивается посредством системы местоименных наречий, репрезентирующих статические (*здесь, там, тут*), динамические (*туда, сюда, отсюда*), локально-неопределенные (*где-то, куда-нибудь, где-либо*) и локально-обобщенные (*всюду, везде, повсюду*) отношения.

Ряд наречий репрезентирует отрицательную пространственную соотнесенность: *никуда, нигде, ниоткуда*. Отметим, что средством репрезентации *локального дейксиса* могут стать и предложно-падежные

формы имен существительных. При этом пространственным ориентиром, центром высказывания, как было отмечено ранее, является субъект речи.

По замечанию О.Е. Минеевой, «художественное время в тексте моделируется с помощью комплекса взаимодействующих средств различных уровней: композиции, морфологии, лексики, разного рода повторов, стилистических приемов» [Минеева 2013: 92].

К дейктическим средствам художественного текста относится не только собственно темпоральная лексика и видовременные глагольные формы, передающие «временные отношения эксплицитно и регулярно в своем первичном кодовом значении», но в большей степени – «лексические средства, лишь имплицитно сигнализирующие отнесенность к тому или иному временному плану» [Там же], приобретающие темпоральное значение в определенном контексте и зачастую имеющие статус слова-символа. В частности, репрезентантом временных отношений могут стать средства экспликации пространственной локализации.

Из вышесказанного следует, что хронотоп как существенная взаимосвязь «временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975: 234], отражающая неразрывность времени и пространства и определяющая «образ человека в литературе» [Там же: 235], может быть репрезентирован темпоральными и локальными дейктическими средствами. Итак, смена пространственно-временных координат репрезентируется временными глагольными формами и наречиями места. Указанная взаимосвязь будет проанализирована в третьей главе нашего исследования.

К средствам выражения *социального дейксиса* (сам термин мы, вслед за Ч. Филлмором, понимаем как «приемы, при помощи которых высказывания, производимые говорящими, создают или отражают информацию о личности собеседников, природе социального контекста или социальных отношениях между партнерами» [Цит. По Соколова, Захаркив: 2025]) будем обращаться

по мере необходимости, если это войдет в перечень задач при анализе конкретного поэтического текста.

Как было отмечено ранее, по мнению Е.В. Падучевой, дейксис наряду с модальностью структурирует категорию эгоцентрических языковых элементов («шифтеров» по О. Есперсену и Р.О. Якобсону), предполагающих «отсылку к говорящему субъекту или к каким-то его аналогам» [Падучева 2009: 464]. К эгоцентрическим элементам языка исследователь относит дейктические слова (*я, ты, здесь, там, сейчас, тогда, этот, тот*) и грамматические категории (*время и вид*), а также маркеры субъективной модальности (*вводные слова и конструкции, оценочную лексику* и т.д.).

В нашем исследовании модальность желательности рассматривается в ее взаимоотношениях со средствами репрезентации дейктических языковых единиц, поскольку входит «в семантическое поле эгоцентричности / субъективности, наряду с дейксисом» [Савватеева 2023: 122].

Дейксис трактуется нами как категория, структурирующая пространство поэтического текста и тесно сопрягающаяся с текстовой модальностью желательности благодаря соположенности с субъектом речи.

2.3. Модальности желательности и императивности

Оптативные и императивные предложения как самостоятельные коммуникативные типы, имея собственный набор модальных значений, все же сближаются по следующим признакам: ирреальный тип модальности, семантика волеизъявления и желания, адресованность, временная неопределенность. Еще В.В. Виноградов отмечал, что форма повелительного наклонения может выражать «разнообразные модальные значения, близкие к кругу значений условно-желательного наклонения» [Виноградов 2001: 485]. В связи с этим считаем правомерным рассмотреть вопрос о возможности передачи императивом оптативных значений.

Феномен желательности, «включающий в себя в качестве базового компонента понятие “желание” и коррелирующий с понятиями “волеизъявление” и “волеизъявление”» [Дреева, Фарниева 2023: 199], до настоящего времени не имеет однозначного определения.

В частности, предложения, передающие желание, обращенное к слушателю, могут приобретать вторичное значение или прагматическую функцию выражения побуждения [Парменова 1975]. Ориентируясь на побуждение как имплицитный маркер желательности, авторы «Теории функциональной грамматики» относят оптативные предложения к типу предложений по цели высказывания: повествовательным, вопросительным, волеизъявительным (более подробно об этом: [Бондарко 1990: 170-172]). Волеизъявительные предложения подразделяются на «императивные (повелительные или побудительные), целью которых является побудить кого-либо к совершению... действия», и оптативные, «выражающие желание говорящего, чтобы имела место обозначаемая ситуация» [Там же: 172].

Иными словами, императив и оптатив, репрезентируя единую цель – изъявление воли субъекта речи, побуждение адресата высказывания к действию, понимаются как два подтипа одного коммуникативного типа на основе их функционально-семантического сходства.

В то же время императив и оптатив, по мнению ряда исследователей, представляют собой бинарную оппозицию в плане адресованности / неадресованности волеизъявления субъекта речи: адресованное волеизъявление репрезентирует значение побудительности, неадресованное – оптативности.

Однако, существует точка зрения, опровергающая релевантность признака адресованности / неадресованности волеизъявления (см., например: [Беличова-Кржижкова 1984; Алтабаева 2003]. Е. Беличова-Кржижкова отмечает, что в ряде адресованных предложений с семантикой желательности есть значение *косвенного побуждения* [Беличова-Кржижкова 1984: с. 58-59]. Средством репрезентации адресованного оптатива может

стать как императив (*Читай!*), так и оптативные конструкции (*Читал бы ты больше!*).

Е.А. Алтабаева отмечает, что ситуацию обращения к лицу «не всегда допустимо трактовать как собственно побуждение» [Алтабаева 2003: 79]. Предложения с семантикой желательности при наличии субъекта-адресата «по своим семантическим особенностям более близки к оптативным, чем к побудительным» [Там же: 180]. В частности, в ряде конструкций с модальностью желательности и субъектом, выраженным местоимением второго и третьего лица, можно констатировать оттенок косвенного побуждения: *Позвонил бы ты ей. Ты бы ей позвонил.* [Там же: 178]. Исследователь заключает, что «наличие субъекта-адресата и добавочного побудительного значения разной степени интенсивности на фоне основного – оптативного – позволяют считать подобные предложения синкретичными, совмещающие в своей грамматической семантике значения желательной и побудительной модальностей» [Там же]. Принадлежность высказывания к оптативному или побудительному типу модальности в подобных примерах регулируется коммуникативно-прагматическими факторами: интонацией и порядком слов.

Кроме того, различие между императивом и оптативом заключается в следующем:

- оптативное высказывание не содержит семантического компонента каузации;
- в оптативной ситуации субъект желаемого действия может быть как одушевленным, так и неодушевленным,
- императивная ситуация предполагает только одушевленного исполнителя [Бондарко 1990: 173].

Императивные высказывания отличаются большей категоричностью. Оптативные предложения являются менее категоричными и могут не быть ориентированы на ответную реакцию слушающего [Мразек 1958: 3]. В ряде императивных высказываний с субъектом, выраженным местоимением

второго лица, наблюдается отсутствие прямого побуждения (*Пронади ты пронадом!*).

Кроме того, по мнению ряда ученых, оптативная модальность, одновременно репрезентирующая семантику косвенного побуждения, присуща аналитическим формам повелительного наклонения (описательного императива) с частицей *пусть* [Беличова-Кржижкова 1984: 59]. С семантикой желательности указанные конструкции сближаются по признаку отсутствия адресованности, а также по преобладанию в высказывании значения сильного желания: *Пусть все будут здоровы!*

На наш взгляд, представляется целесообразным определять конструкции с описательным императивом как побудительно-оптативные, тяготеющие в большей степени к побудительности или оптативности в зависимости от типа субъекта – лица или предмета [Алтабаева 2003: 405-406].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что между оптативностью и императивом существует зона «модального синкретизма», которую маркирует императив в оптативном значении. Модальное значение желательности / побуждения получает свою актуализацию в зависимости от коммуникативно-прагматических установок.

К дифференциальным признакам побудительно-оптативных высказываний относятся:

- значение косвенного побуждения (адресат – сам говорящий, собеседник);
- обобщенно представленный адресат.

2.4. Модальность желательности, оценочность / оценка и эмотивность / эмоциональность

Предварительно необходимо отметить, что в исследованиях по аксиологической проблематике термины «оценочность» и «оценка» либо

используются в качестве синонимичных, либо расподобляются содержательно и функционально. В настоящей работе в качестве рабочей принята первая точка зрения.

Вопрос о соотношении, взаимоположении категорий модальности (в частности – модальности желательности) и оценки получил широкое освещение в научных трудах (см., например: [Ваулина 2009; Виноградов 1975; Золотова 1973; Краснова 2002; Маркелова 1996]), но и сегодня остается спорным.

Так, Г.В. Колшанский, отмечая модальность как более широкую в сравнении с оценкой категорией, считает, что «модальность проявляется как выражение отношения человека к высказываемому утверждению о событиях... и образует как бы двойственную природу высказывания — утверждение о чем-то и одновременно оценка этого утверждения» [Колшанский 2005: 91]. Л.М. Васильев также полагает, что объем значения модальности шире, чем семантический объем оценки, но «некоторые собственно модальные значения (например, значение необходимости, возможности и т.п.) могут быть истолкованы и как оценочные, ибо выражают оценочные суждения о «положении дел»» [Васильев 1996: 57].

В главе «Оценка и другие модальности» монографии Е.М. Вольф «Функциональная семантика оценки» модальность желания определяется как «основная модальность, связанная с оценочной семой «+» [Вольф 2002: 122, 125]: «при предикатах желания событие оценивается как положительное для субъекта желания, при выражениях нежелания – как отрицательное» [Там же].

Г.Я. Солганик отмечает, что «субъективная модальность включает в себя и оценочное отношение (истинность/неистинность, важность / неважность, хорошо/плохо и др.)» [Солганик 2010: 45].

Н.Ю. Шведова в статье «Общие сведения о модальности и обзор субъективно-модальных значений» отмечает, что «собственно оценочные значения целиком лежат в сфере субъективной модальности» [Русская

грамматика 1980, Т. 2: 216]. Подобным образом характеризует соотношение модальности и оценки А.В. Опарина: «оценка — это не вид модальности, а модальность» [Опарина 2004: 8].

Н.Д. Арутюнова, напротив, исследуя спектр оценочных значений, в числе прочих выделяет и модальность оценки [Арутюнова 1988: 11].

А.В. Бондарко понимает оценочность «как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью» [Бондарко 1996: 41]. Т.В. Маркелова «разводит» категории оценки и модальности их в функционально-семантическом и системно-структурном аспектах, основывая свое мнение на моноцентризме ФСП модальности и полицентризме ФСП оценки (более подробно об этом см. [Маркелова 1996]).

С.С. Ваулина дифференцирует понятия *оценка* и *оценочность* следующим образом: оценочность, как более широкая категория, является «важнейшим движущим компонентом в процессе познания и в языковой интерпретации познавательных фактов» [Ваулина 2009: 8], тогда как оценка является более узким понятием, «может как соотноситься с категорией модальности... так и выражать “ряд общеоценочных и частнооценочных значений”» [Там же].

Далее в нашей работе термины «оценочность» и «оценка» интерпретируются как синонимичные, а именуемые ими категории – как пересекающиеся с категорией модальности.

По замечанию В.В. Виноградова, «с категорией модальности соприкасаются и даже частично переплетаются ... разные виды и типы *эмоциональной экспрессии* (например, возмущения, восхищения, угрозы и т.п.)» [Виноградов 1975: 60], но при этом следует видеть различие между «разными эмоциональными формами выражения реакций на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности» [Там же].

Определение оценки, данное Р.М. Якушиной, выявляет связь между понятиями «оценка» и «ценность»: оценка – это «отношение носителей языка

к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям» [Якушина 2003: 12]. В.И. Карасик определяет ценности как «наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения» [Карасик 2019: 22]. При этом «понятие ценности связано лишь с положительным значением, что и отличает ценность от оценки» [Блох, Ильина 1986: 16] и предопределяет наличие противопоставления ценности и антиценности.

В смысловой структуре текста между оценочностью (как уже было отмечено, тесно связанной с модальностью желательности) и эмотивностью существует взаимосвязь: «Наблюдения над конкретными текстами позволяют утверждать, что всегда отмечается примат эмотивности в разного рода комбинациях с оценочностью, образностью, интенсивностью, стилистической маркированностью, структурно-композиционными особенностями и планом подтекста» [Маслова 1991: 186]. Развивает данную мысль утверждение, согласно которому эмотивность присутствует в высказываниях, содержащих оценочный элемент: «эмотивность отождествляется с оценочностью, подразумевает отношения, связанные с эмоциями» [Вольф 2002: 39]. Н.А. Лукьянова отмечает, что оценочность и эмоциональность «не составляют двух разных компонентов значения, они едины, как неразрывна оценка и эмоция на внеязыковом уровне» [Лукьянова 1986]. И.Б. Голуб отмечает не тождественность, но тесную связь эмотивности и оценки [Голуб 1986: 102–103].

Представители другой точки зрения указывают на необходимость дифференциации понятий «оценочность» и «эмоциональность», акцентируя внимание на том, что оценка является категорией рациональной, денотативной [Васильев 1985: 5], тогда как эмоциональность – иррациональной.

Л.А. Киселева говорит об оценке как интеллектуальной категории, которая «апеллирует к оценочным установкам адресата» [Киселева 1978: 20],

эмоциональную оценку автор трактует как информацию «о явлениях собственно эмоциональной сферы психики, обращенную к эмоциональной сфере психики адресата» [Там же].

Анализ точек зрения на функционально-структурную иерархию понятий «эмотивность» и «эмоциональность» демонстрирует отсутствие единого понимания отношения единиц языка к проблеме выражения эмоций и эмотивного компонента в семантике слова.

По мнению В.И. Шаховского, «для определения лингвистического статуса текстовой эмотивности представляется важным разграничение эмоциональности (как качества языковой личности автора текста) и эмотивности текста (как его имманентной характеристики)» [Шаховский 2008: 182, 183]. Эмотивность – функционально-семантическая категория, служащая для «внешней трансляции эмоционального состояния языковой личности ... » [Там же].

Выводы

Модальность художественного текста является не только текстовой, но и текстообразующей категорией. С одной стороны, она тесно сопряжена с прагматическим модальным пластом, представленным средствами репрезентации субъективной модальности, вопроса и волеизъявления. С другой стороны, модальность художественного текста может быть репрезентирована компонентами ситуативной модальности: функционально-семантическими микрополями желательности, возможности, необходимости, находящимися на периферии значений пропозициональной модальности.

Необходимо отметить диффузность микрополей ситуативной модальности, в результате которой образуется зона «модального синкретизма», имеющая, в силу привязки к субъекту высказывания, отношение к авторской картине мира.

Предметом нашего исследовательского внимания стали средства репрезентации *модальности желательности* – одной из разновидностей

ситуативной модальности, репрезентирующей желания субъекта речи и относимой рядом ученых по данному признаку к области субъективной модальности (см., например: [Бондарко 1990; Падучева 2019]).

Категория «модальность желательности» трактуется в настоящей работе как широкое понятие, в объем которого входят такие лингвистические категории, как дезидеративность, эксплицируемая лексическими средствами, и оптативность, эксплицируемая грамматическими средствами, а также варианты их контаминации. Таким образом, модальность желательности может быть представлена на грамматическом и лексическом уровнях.

Средства репрезентации модальности желательности распределяются в виде функционально-семантического поля по принципу возрастания-убывания доминирующего семантического признака – желания.

Семантика желательности градуирована, согласно типологии Е. Е. Корди, на «собственно желание», «желание, сопряженное с побуждением», «неосуществимое желание, обращенное к прошлому», «желание, сопряженное со значениями условия, цели, сравнения», «пожелание».

В настоящем исследовании модальность желательности как эгоцентрическая категория рассматривается посредством лингвистического анализа экспликаторов персонального, темпорального, локального типов дейксиса, обладающими тексто- и смыслопорождающими возможностями и эксплицирующими авторскую картину мира.

В ряде случаев императивные формы глагола рассматриваются нами как выражающие побудительно-оптативный тип модальности. Это касается конструкций с описательным императивом, императивом, обращенным к самому себе, обобщенно-представленному адресату или не-лицу.

Термины «оценка» и «оценочность» трактуются нами как синонимичные. Однако в качестве рабочего в настоящем исследовании используется термин «оценка». При этом «оценка» понимается как категория, тесно связанная с категорией модальности желательности и репрезентирующая ряд обще- и частнооценочных суждений.

«Эмоциональность» понимается как психическая категория, описывающая чувства и эмоции говорящего, «эмотивность» – как лингвистическая категория, эксплицирующая языковыми средствами чувства и эмоции. Таким образом, «эмоциональность» отражает психологическое состояние субъекта речи, «эмотивность» – вербально репрезентирует эмоциональность.

Категории «оценка» и «эмоциональность» («эмотивность» соответственно) дифференцируются по признаку рациональности и интеллектуальной маркированности первой и иррациональности второй.

ГЛАВА II. ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО

§ 1. Семантические группы средств выражения модальности желательности в лирике Иосифа Бродского 1957-1971 годов

1.1. Значение «собственно желания»

Еще раз отметим, что ряд лингвистов дифференцирует значения оптатива-желания, исходящего от говорящего, и дезидератива-желания, присущего субъекту действия [Kurilowich 1964, Адамсон 2006]. Придерживаясь широкого подхода к определению объема категории желательности, считаем модальность желательности категорией, включающей в себя средства выражения как желания-оптатива, так и желания-дезидератива, из чего следует, что модальность желательности может быть выражена на грамматическом и лексическом уровнях.

Описание языковых средств репрезентации модальности желательности в настоящей работе проводится на поэтическом материале с учетом выделения двух этапов творчества Бродского: до 1972 года и после него (до отъезда поэта за границу и в период эмиграции). Такое хронологическое деление фактического материала исследования создает условия для сопоставления разновременных корпусов стихотворений по спектру используемых поэтом языковых средств выражения модальности желательности, по частотности их употребления.

В первом подпараграфе главы рассматривается значение «собственно желания» как центрального содержательного компонента микрополя желательности. «Собственно желание», являясь антропоцентрическим по своей сути, обладает повышенной психологичностью, имеет прямое

отношение к природе человеческих желаний, которые всегда индивидуальны и личностно ориентированы [Дреева, Фарниева 2023: 199] и потому способны репрезентировать картину мира говорящего. «Понимание природы желания очень важно для понимания многих сторон жизни. Благодаря ему формируется наше отношение к миру, определяются наши ценности и приоритеты» [Малахов 2023].

1.1.1. Грамматические средства выражения «собственно желания»

Грамматическими средствами выражения модальности желательности в лирике первого этапа творчества Бродского, структурирующими **ядерную зону** микрополя желательности, являются:

- *формы сослагательного наклонения в оптативном значении* (л-форма + грамматикализованная частица *бы/б*);

- *формы «несобственно сослагательного наклонения»* [Щербакова 2015] (инфинитив + грамматикализованная частица *бы/б*) (см. Приложение 1, Схема 1).

Выражение желательности при помощи формы сослагательного наклонения в оптативном значении в поэтическом языке исследуемого периода творчества Бродского является нечастотным: автор использует указанную конструкцию в шести стихотворениях (Сонет «Так я хотел бы в этот бедный час...», «Северная почта», «Феликс», «Ничем, певец, твой юбилей ...», «Письмо в бутылке», «Из школьной антологии»¹).

Приведем примеры:

Сонет

Так я *хотел бы* в этот бедный час,
приехать на окраину в трамвае,
войти в твой дом,
и если через сотни лет

Письмо в бутылке

И вот, отправляясь навек на дно,
хотелось бы твердо мне знать одно,
поскольку я не вернусь домой:
куда указуешь ты, вектор мой?

¹ Здесь и далее стихотворения Бродского приводятся по изданию: Сочинения Иосифа Бродского: [в 7 т.] / под ред. Я.А. Гордина. СПб: Пушкинский фонд, 2001. 304 с. Том 1–4.

придет отряд раскапывать наш город,
то я *хотел бы*, чтоб меня нашли
оставшимся навек в твоих объятьях,
засыпанного новой золою.

[Бродский 2001, Т.1: 188]

Хотелось бы думать, что пел не зря.

<...>

Хотелось бы думать, верней - мечтать,
что кто-то будет шары катать,
а некто - из кубиков строить дом.
Хотелось бы верить (увы, с трудом),
что жизнь водолаза пошлет за мной,
дав направление: "мир иной"

[Бродский 2001, Т.2: 71-75]

В стихотворениях, фрагменты которых приведены выше, модальный фон желательности создается повтором форм сослагательного наклонения лексически модальных глаголов *хотеть* и *хотеться*: *хотел бы* (приехать, войти), *хотелось бы* (знать, думать, мечтать, верить). Семантика желательности в этом случае получает двойную репрезентацию: грамматическую и лексическую. Иначе говоря, в этих формах одновременно представлены и оптатив, и деизидератив².

Ничем, певец, твой юбилей ...

Итак, приступим. Впрочем, речь
такая вещь, которой, Саша,
когда б не эта бедность наша,
мы *предпочли бы* пренебречь.
<...>

А ты – ты думаешь сейчас:
спустить бы с лестницы их всех,
задернуть шторы, *снять* рубашку,
достать перо и промокашку,
расположиться без помех
<...>

[Бродский 2001, Т.2: 368-370]

В отрывке из стихотворения «Ничем, певец, твой юбилей ...» выражение желательности эксплицируется посредством формы сослагательного наклонения *предпочли бы* и форм «несобственно сослагательного» наклонения, представленного сочетанием инфинитива и формообразующей частицы *бы/б* (*спустить бы* и др.). Для последней грамматической конструкции значение желательности является инвариантным, доминирующим на фоне остальных модальных значений [Алтабаева 2003:

² Комплексный анализ стихотворений «Сонет (Мы снова проживаем у залива...)» и «Письмо в бутылке» представлен в III главе диссертации.

148]. Отсутствие у инфинитива форм лица обуславливает способность формы «инфинитив + бы/б»

- а) «деконкретизировать», обобщенно представлять субъекта действия;
- б) интенсифицировать выражаемую глагольной формой оптативность;
- в) актуализировать стилистические коннотации экспрессивности и разговорности.

Конструкция «*инфинитив + бы/б*» (см. Приложение 1, Схема 2), передающая значение «собственно желая», употребляется в восьми стихотворениях поэта (и употреблена восемь раз).

Псковский реестр

*не спутать бы азарт,
и страсть...*

[Бродский 2001, Т.2: 53]

Румянцевой победам

под жерла гаубиц морских,
под Ваши взгляды
мои волнения и стих
попасть бы рады ...

[Бродский 2001, Т.2: 57]

Брожу в редющем лесу ...

*Хлебнуть бы что-нибудь вдали
за Вашу радость,
но расстояния нули,
увы, не градус ...*

[Бродский 2001, Т.2: 67]

Речь о пролитом молоке

Ходит девочка, эх, в платочке.
Ходит по полю, рвет цветочки.
Взять бы в дочки, эх, взять бы в дочки

[Бродский 2001, Т.2: 189]

Ну как тебе в грузинских палестинах...

Суметь бы это спутать с забываньем,
прибытие — с далеким пребываньем
и с собственным своим небытием

[Бродский 2001, Т.2: 350]

Из школьной антологии

Сойти б сейчас. Но ехать далеко.

[Бродский 2001, Т.328]

Формы «инфинитива сослагательного наклонения» [Сай 2015: 364] в приведенных примерах используется автором не только как экспликатор желания лирического субъекта (*Сойти б* сейчас. Но ехать далеко; *не спутать бы* азарт, / и страсть), но и (вкупе с маркированными соответствующим образом компонентами контекста) выступает как средство передачи авторской иронии (под жерла гаубиц морских, / под Ваши взгляды /

мои волнения и стих / *попасть бы рады; хлебнуть бы* что-нибудь вдали / за Вашу радость, / но расстояния нули, / увы, не градус).

Периферийные средства выражения «собственно желания» представлены:

- конструкцией, компонентами которой являются смысловая ограничительная частица *только* + *инфинитив* (конструкция употреблена в двух стихотворениях; см. Приложение 1, Схема 2). Причем в контекстах стихотворений, строки из которых приведены ниже, частица *только* и прием повтора синтагм наводит на конструкцию *только* + *инфинитив* коннотацию высокой степени интенсивности действия.

Проплывают облака

Где-то льется вода, *только плакать и* *Только жить, только жить*, подпирая *петь*, вдоль осенних оград...

[Бродский 2001, Т.1: 78]

Письма к стене

твой холод плечом.

[Бродский 2001, Т.2: 21]

- аналитическими (с использованием глаголов-связок *быть, стать*) и синтетическими формами глагола будущего времени совместного действия, употребленными поэтом в шести стихотворениях (см. Приложение 1, Схема 2):

Пророчество

Мы *будем жить* с тобой на берегу,
отгородившись высоченной дамбой
от континента, в небольшом кругу,
<...>

[Бродский 2001, Т.2: 125]

Одной поэтессе

Оставим счета. Я давно в неволе.
Картофель ем и сплю на сеновале

[Бродский 2001, Т.2: 135]

В стихотворении «Пророчество» аналитическая форма будущего времени совместного действия *будем жить* в союзе с другими компонентами контекста выражает желание-мечту лирического субъекта иметь семейный очаг, защищенный от опасностей и бед внешнего мира³.

³ Комплексный анализ стихотворения «Пророчество» представлен в III главе диссертации.

В стихотворении «Одной поэтессе» грамматической формой простого будущего времени совместного действия *оставим* выражены модусы и желательности, и побуждения.

1 сентября 1939 года

Достань стаканы
и *выьем* водки за улан, стоящих
на первом месте в списке мертвецов

[Бродский 2001, Т.2: 208]

В стихотворении «1 сентября 1939 года» форма простого будущего времени совместного действия *выьем* эксплицирует два желания: одно – в пределах стереотипного побудительного словосочетания *выьем водки* ('хочу выпить с тобой водки'), второе – контекстуально поддержанное фразой, содержащей обстоятельство цели: *выьем водки за улан* ('хочу, чтобы мы восславили улан тостом').

- аналитической формой будущего времени:

Памяти Т.Б.

помни: в Две Тысячи Первом лете,
с риском быть вписанным в святотатцы,
стану просить, чтоб расширить святцы.

[Бродский 2001, Т.2: 236]

Рискуя быть признанным святотатцем, субъект речи хочет включить имя Т.Б. в перечень святых всех времен: *стану просить*, чтоб расширить святцы.

1.1.2. Лексические средства выражения «собственно желания»

К лексико-грамматическим средствам, структурирующим **ядерную зону** микрополя желательности, мы относим индикатив с лексическим показателем желательности: индикативные формы глагола *хотеть*, характеризующиеся емкостью модальной семантики, и дериваты модального глагола *хотеть*.

Отметим, что в четырехтомном «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (далее – МАС) глагол *хотеть* имеет несколько лексико-семантических вариантов, из которых для нас актуальны следующие:

Хотеть (1) – ‘испытывать желание, охоту, ощущать, потребность, необходимость в чем-либо’;

Хотеть (2) – ‘иметь намерение (делать что-либо)’ [МАС. Т. 4: 622].

Первый лексико-семантический вариант глагола *хотеть* описывает инволютивное состояние субъекта (обладает семантикой *оптативности*); второй вариант подразумевает векторность, направленность действия, сопоставляясь тем самым со значением *дезидеративности*. По справедливому замечанию И. Адамсон, «такое разделение часто выглядит абстракцией, поскольку состояние, квалифицируемое как инволютивное в своей основе, может стать мотивом для деятельности на пути реализации желаемого» [Адамсон 2006: 67].

Глагол *хотеть* как ядерный элемент ФСП желательности (см. Приложение 1, Схема 3) используется автором в 14 стихотворениях (употреблен 16 раз).

Отметим, что выражение желательности при помощи лексических средств по частотности равно грамматическим средствам выражения указанной категории.

Посредством конструкций с глаголом *хотеть* эксплицируются следующие типы желаний:

- желание речевых действий:

Разговор с небожителем

Вот эту фразу
хочу я прокричать

[Бродский 2001, Т.2: 365]

- желание ментального действия:

**Подражая Некрасову, или Любовная
песнь Иванова**

И горло *хочет* громко *крикнуть*: Суки!
Но почему-то говорит: Прости.

[Бродский 2001, Т.2: 238]

**Ты поскачешь во мраке, по
бескрайним холодным холмам ...**
Кто там скачет в холмах... *я хочу это
знать, я хочу это знать.*

[Бродский 2001, Т.1: 210]

Посвящается Ялте
С какой целью? Просто мы давно
хотели сесть и *разобрать* совместно
один этюд Чигорина. И все.

[Бродский 2001, Т.2: 293];

- желание субъекта сконцентрироваться на визуальном восприятии:

В темноте у окна
Засвети же свечу
на краю темноты.
Я увидеть хочу
то, что чувствуешь ты.

[Бродский 2001, Т.1: 140]

Посвящается Ялте
Но, к сожалению, в тот вечер
он, позвонив, сказал, что не придет.
А жаль! Я так *хотел* его *увидеть*.

[Бродский 2001, Т.2: 293]

Разговор с небожителем
Вот эту фразу
хочу я прокричать и *посмотреть*
вперед — раз перспектива умереть
доступна глазу.

[Бродский 2001, Т.2: 365]

- желание модального субъекта осуществить движение, перемещение:

Einem alten architekten in Rom
Так астронавт, пока летит на Марс,
захочет ближе *оказаться* дома.

[Бродский 2001, Т.2: 83]

Витезслав Незвал
На Карловом мосту ты снова сходишь
и говоришь себе, что снова *хочешь*
пойти туда, где город вечерами
тебе в затылок светит фонарями.

[Бродский 2001, Т.1: 46]

- физиологические желания субъекта речи:

Из «Школьной антологии»
Хотелось пить. Я двинул наугад
по переулкам, уходившим прочь
от порта к центру, и в разгаре ночи
набрел на ресторанцию «Каскад».

[Бродский 2001, Т.2: 326]

Посвящается Ялте
А я *хотел* мороженого
[Бродский 2001, Т.2: 302]

**На 22-е декабря 1970 года
Якову Гордину от Иосифа Бродского**
Опасность эту четко зря,
хочу иметь вино в бокале!

[Бродский 2001, Т.2: 373]

- желание модального субъекта осуществить социативное действие:

Письмо генералу Z

Генерал! Пусть меня отдадут под суд!
Я вас *хочу* ознакомить с делом:
сумма страданий дает абсурд;
пусть же абсурд обладает телом!

[Бродский 2001, Т.2: 223]

Сумев отгородиться от людей ...

Сумев отгородиться от людей,
я от себя *хочу отгородиться*

[Бродский 2001, Т.2: 173]

- желание модального субъекта заниматься какой-то деятельностью:

Из «Школьной антологии»

Что если я *хочу*, то я *могу*.

[Бродский 2001, Т.2: 314]

(более подробно об аспектах классификации см.: [Адамсон 2006: 75-102]).

Наиболее частотными семантическими типами желательности в приведенных отрывках являются: желание субъекта сконцентрироваться на сенсорном восприятии, желание субъекта произвести ментальное, речевое, социативное действие. Таким образом, мы можем наблюдать использование ядерного глагола *хотеть* в его различных лексических валентностях, способствующих экспликации физиологических желаний субъекта, желания движения в пространстве, сенсорных и ментальных желаний с очевидным преобладанием последних.

Не всегда употребление глагола *хотелось* отвечает какому-либо пункту представленной выше классификации. Например, в стихотворении «Тебе, когда мой голос отзвучит...» предикат неконтролируемого волитивного состояния возвратный глагол *хотелось*, употребленный в дативной модели, становится компонентом поэтического иносказания, определения чего-то, не поддающегося описанию:

«Тебе, когда мой голос отзвучит...»

случайный, сонный взгляд на циферблат
напомнит нечто, тикавшее в лад
невесть чему, сбивавшее тебя
с привычных мыслей, с хитрости, с печали,
куда-то торопясь и торопя

настолько, что порой ночами
хотелось вдруг его *остановить*

[Бродский 2001, Т.2: 61]

Это неидентифицируемое «нечто», что-то, не поддающееся ни именованию, ни конкретному описанию, может быть контекстуально интерпретировано как желание освободиться от повторяющихся (*порой ночами*) всплесков сильного, неизжитого чувства или воспоминания о нем. Желание избавиться от того, от чего избавиться невозможно. Более того – от чего, вероятно, субъект внезапно возникающего (*вдруг*) желания *остановить* переживание и не хочет освободиться.

Периферийные зоны значения «собственно желания» структурирует ряд глаголов с семантикой желательности (см. Приложение 1, Схема 3). В частности, в зону **ближней периферии** входят:

- глагол *стремиться* (употреблен четыре раза):

Из «Школьной антологии»
Он в сумерках *стремится* к рубежам

[Бродский 2001, Т.2: 319]

Прощайте, мадемуазель Вероника
Падает свет на пустые стены
И на цветы у окна, чьи тени
Стремятся за раму продлить квартиру
И вместе всё создает картину

[Бродский 2001, Т.2: 205]

Речь о пролитом молоке
Шарик обычно *стремится* в лузу.
Я, вероятно, терзаю Музу

[Бродский 2001, Т.2: 182]

Второе Рождество на берегу ...
Что, боги, - если бурое пятно
в окне символизирует вас, боги, -
стремились вы нам высказать в итоге?

[Бродский 2001, Т.2: 416]

В приведенных выше отрывках глагол *стремиться* демонстрирует ряд лексико-семантических вариантов, обладающих семантикой желательности:

- ‘обращаться, устремляться мыслями, чувствами к кому-, чему-л., куда-л.’ («Из «Школьной антологии»);

- ‘стараться достичь чего-л.’ («Прощайте, мадемуазель Вероника»);

- ‘стараться попасть куда-л., быть где-л.’ [МАС. Т. 4: 287] («Речь о пролитом молоке»).

В стихотворении «Второе Рождество на берегу ...» глагол *стремиться* является контекстуальным синонимом глагола *хотеть* – ядерного средства репрезентации модальности желательности: *стремились* (= хотели) *вы нам высказать в итоге...*

Дополнительный оттенок желания глаголам, расположенным на периферии функционально-семантического поля, добавляет частотное их употребление в ближайшем поэтическом контексте с инфинитивами (см. далее: *жаждешь отделить, жаждут казнить, норовлю увидеть, норовит взобратся, пытаться единить, пытаются настичь, постараюсь сохранить, стараюсь настаивать* и др.), основная функция которых, по замечанию В.П. Сухотина, «заключается в выражении значений “косвенных наклонений”» [Сухотин 1940: 12] – значений ситуативной модальности значений, согласно современной терминологии. Исследователь отмечает, что приглагольные инфинитивы «выражают такое явление (действие или состояние), которое... мыслится возможным, необходимым, желаемым или требуемым» [Там же].

- *рваться* (глагол употребляется четыре раза):

Из «Школьной антологии»

Он *рвется* в инженеры, к чертежам
[Бродский 2001, Т.2: 319]

Из «Школьной антологии»

Знал химию и *рвался* в институт
[Бродский 2001, Т.2: 319]

Новые стансы к Августе

Да, сердце *рвется* все сильнее к тебе,
и оттого оно — все дальше.
[Бродский 2001, Т.2: 93]

Осень в Норенской

...бабы стригут сапогами к дому, *рвутся*
на свои топчаны.
[Бродский 2001, Т.2: 351]

В приведенных стихотворных контекстах глагол *рваться* означает ‘*стремиться* куда-л., к кому-л., чему-л.’ [МАС. Т. 3: 688]. Лексико-семантические варианты глагола *стремиться*, как было отмечено выше, обладают семантикой желательности.

- *жаждать* ('сильно, страстно *желать* чего-л.' [МАС. Т. 1: 469])

употребляется два раза:

Прощальная ода

Будто вижу, как ты – словно от сна
немая – *жаждешь* сном отделить корни
сии от кроны

[Бродский 2001, Т.2: 15]

Песня пустой веранды

Оттого что Сам Бог, предваряя Свой
Страшный Суд, *жаждет* казнить
нас тут.

[Бродский 2001, Т.2: 218]

- *норовить* ('стремиться сделать что-л.' [МАС. Т. 2: 509]). Глагол употреблен три раза в трех стихотворениях:

Из ваших глаз пустившись в дальний

путь ...

Из ваших глаз пустившись в дальний
путь,
все *норовлю* — воистину вдали!
увидеть вас <...>

[Бродский 2001, Т.2: 120]

Post aetatem nostram

Большая муха <...>

медленно ползет
через провалы, выступы, ущелья
к вершине и, минуя жерло рта,
взобраться *норовит* на кончик носа.

[Бродский 2001, Т.2: 398]

Посвящается Ялте

Солдаты –
такой народ – все время *норовит*
начальство охмурить.

[Бродский 2001, Т.2: 300]

- *требовать* (глагол употреблен дважды в двух стихотворениях):

Элегия

И зачем мой слух
уже не отличает лжи от правды,
а *требует* каких-то новых слов.

[Бродский 2001, Т.2: 249]

Конец прекрасной эпохи

Потому что искусство поэзии *требует*
слов.

[Бродский 2001, Т.2: 311]

Глагол *требовать* в приведенных стихотворных контекстах эксплицирует семантику желательности, будучи употребленным в лексико-семантическом варианте 'иметь *потребность* в чем-л.' [МАС. Т. 4: 402], а *потребность* детерминируется желанием.

Представленные ниже средства репрезентации значения «собственно желания», являясь нечастотными и малопродуктивными, используются поэтом крайне редко – по одному разу (см. Приложение 1, Схема 3):

- причастие *желавший*:

Чаша со змейкой

я, в сущности, *желавший* защитить
зрачком недостающее звено ...

[Бродский 2001, Т.2: 65]

- наречие *охотно* ('с охотой, с большим желанием, удовольствием'
[МАС. Т. 2: 729]):

Феликс

Хоть мнение о Феликсе. — «*Охотно*»

[Бродский 2001, Т.2: 158]

Зону **дальней периферии** структурируют:

- *девербатив желанье* (употребляется четыре раза):

Посвящается Ялте

При том условии, конечно, что *желанье*
увидеться с приятным человеком
не называют целью.

[Бродский 2001, Т.2: 293]

Инструкция заключенному

В одиночке *желание* спать
Исступленья смиряет кругами, потому
что нельзя исчерпать
даже это пространство шагами.

[Бродский 2001, Т.2: 23]

В горчичном лесу

Кто-то, вниз опустивши лицо,
от калитки, все пуще и злее
от *желанья* взбежать на крыльцо,
семенит по размякшей аллее

[Бродский 2001, Т.1: 248]

Открытка с тостом

Желание горькое — впрямь!
свернуть в вологодскую область,
где ты по колхозным дворам
шатаешься с правом на обыск

[Бродский 2001, Т.2: 335]

- *девербативы стремление* ('решительная *устремленность* к чему-л.'
[МАС. Т. 4: 287]), *надежда* ('ожидание чего-л. *желаемого*' [МАС. Т. 2: 343])
употреблены дважды и в двух стихотворениях:

Твой локон не свивается в кольцо
Твой локон не свивается в кольцо,
и пальца для него не подобрать
в *стремлении* очерчивать лицо,
как ранее очерчивала прядь,
в *надежде*, что нарвался на растяп ...

[Бродский 2001, Т.2: 37]

Памяти Т.Б.
Оттого и плачу,
что неглубоко *надежду* прячу,
будто слышишь меня и видишь...

[Бродский 2001, Т.2: 234]

- девербатив *жажда* ('сильное, страстное *желание* чего-л.' [МАС. Т. 1: 469]), употреблен два раза в двух стихотворениях:

Большая элегия Джону Донну
Подобье птиц, он спит в своем гнезде,
свой чистый путь и *жажду* жизни
лучшей раз навсегда доверив той звезде,
которая сейчас закрыта тучей.

[Бродский 2001, Т.1: 235]

Разговор с небожителем
И *жажда* слиться с Богом, как
пейзажем.

[Бродский 2001, Т.2: 363]

- девербатив – предикативное наречие *охота* ('*желание* чего-л.' [МАС. Т. 2: 729]):

Из «Школьной антологии»

Охота, в общем, в следующий класс.

[Бродский 2001, Т.2: 319]

- девербатив – существительное *попытка* (контекстуальный синоним девербатива *желание*):

Загадка ангелу

И ветер шелестит в *попытке*
жасминовую снять вуаль
с открытого лица калитки.

[Бродский 2001, Т.1: 192]

- глаголы НСВ и СВ *предпочитать/предпочесть* (использованы четыре раза):

Из «Школьной антологии»
И он *предпочитает* вечеринки.

[Бродский 2001, Т.2: 320]

К стихам
Но из двух оправ — я эту
смело *предпочел* сему перлу.

[Бродский 2001, Т.2: 191]

Они вдвоем глядят в соседний сад

пустой участок *предпочест* раките

[Бродский 2001, Т.1: 200]

Неоконченное

как трезвый человек
тяжелым рассуждениям о смерти
предпочитает толки о болезни

[Бродский 2001, Т.2: 378]

Видовые формы глагола *предпочитат* означают ‘отдать преимущество’ [МАС. Т. 3: 369] и в приведенных стихотворных контекстах приобретают семантику желательности: субъект речи отдает преимущество тому, к чему испытывает «хотение» (хочет развлекаться; хочет, чтобы оправа была достойна перла; хочет говорить о жизни, а не о смерти).

- Глаголы НСВ *ожидать, ждать* (‘надеяться на что-л.’ [МАС. Т. 1: 474]) употреблены четыре раза:

Загадка ангелу

что сети в темноте повисли
пустыми в этой глубине,
но всё же *ожидают* всплыть

[Бродский 2001, Т.1: 191]

Новые стансы к Августе

А если ты улыбку *ждешь* — стой!
Я улыбнусь

[Бродский 2001, Т.2: 93]

Перед памятником А.С. Пушкину в

Одессе

И он, видать,
здесь *ждал* того, чего нельзя не ждать
от жизни: *воли*

[Бродский 2001, Т.2: 339]

Сонет

здесь, в матовом чаду полуподвальной
кофейни, где багровые юнцы
невесть чего *ждут* от своих красавиц

[Бродский 2001, Т.2: 392]

Значению глаголов *ждать/ожидать* присуща имплицитная семантика желательности, актуализируемая посредством ближайшего стихотворного контекста: ожидать всплыть (‘хотеть, надеяться всплыть’), ждать улыбки (‘хотеть, чтобы другой улыбнулся’), ждать воли (‘желать обрести волю’) и т.д.

- глагол *пытаться* (‘делать попытку, стараться, пробовать что-л. сделать’ [МАС. Т. 3: 569]) употреблен четыре раза:

Мои слова, я думаю, умрут ...

Поэта долг – *пытаться* единить
края разрыва меж душой и телом
[Бродский 2001, Т.1: 267]

Неоконченный отрывок

Бегущий лес *пытается* настичь
Бегущие поля
[Бродский 2001, Т.2: 149]

Для школьного возраста

Ты знаешь, с наступленьем темноты
пытаюсь я прикидывать на глаз,
отсчитывая горе от версты,
пространство, разделяющее нас
[Бродский 2001, Т.2: 29]

Шиповник в апреле

Шиповник каждую весну
пытается припомнить точно
свой прежний вид
[Бродский 2001, Т.2: 407]

Глагол *пытаться* (как и синонимичный ему глагол *стараться*) содержит имплицитную семантику желания: *пытаться* означает ‘прилагать усилия для достижения чего-либо желаемого’.

- глаголы НСВ и СВ *стараться* / *постараться* (употреблены три раза в трех стихотворениях):

Письма к стене⁴

Постараюсь навек *сохранить* этот
вечер в груди
[Бродский 2001, Т.2: 21]

Посвящается Ялте

Да, верно, и *стараешься* *представить*,
Что там творится
[Бродский 2001, Т.2: 302]

Отрывок

Я не гожусь ни в дети, ни в отцы.
Я не имею родственницы, брата.
Соединять начала и концы
занятие скорей для акробата.
Я где-то в промежутке или вне.
Однако я *стараюсь*, ради шутки,
в действительности стоя в стороне,
настаивать, что «нет, я в промежутке»

[Бродский 2001, Т.2: 101]

⁴ Комплексный анализ стихотворения «Письма к стене» представлен в III главе диссертации.

Степень проявленности семантики желания в глаголах *стараться* и *постараться* обуславливается их контекстным окружением: так, элементы ближайшего контекста в стихотворении «Письма к стене» (*навек сохранить, в груди* = ‘в сердце, в душе’) предопределяют семантизацию глагола намерения *постараюсь* как глагола интенсивного желания.

В стихотворении «Посвящается Ялте» желательность глагола *стараешься* иницирована не эмоциональной, а рациональной потребностью персонажа *представить, что там творится*.

В стихотворении «Отрывок (Sad man jokes his own way)» семантика желания у глагола *стараться* практически не проявлена: здесь *стараюсь* значит ‘прилагаю усилия к чему-либо’ [МАС. Т. 4: 343]. В нашем случае – ‘прилагаю усилия к тому, чтобы за ширмой шуток и под защитой самоиронии скрыть глубокие размышления о коренных вопросах бытия’.

Кроме того, в текстах поэта были использованы глаголы, расположенные на дальней периферии микрополя и употребленные один-два раза. К ним относятся:

- *решиться* (‘остановиться на каком-либо намерении в результате размышления, обдумывания чего-л.’ [МАС. Т. 3: 715]). В глаголе *решиться* семантика желания проявляется как внутренний импульс к тому, чтобы сделать трудный выбор, предпочесть что-то вопреки чему-то.

Большая элегия Джону Донну
«Не вы ль *решились* спящий мой собор
покинуть вдруг? Не вы ль? Не вы ль?»

[Бродский 2001, Т.1: 233]

- *велит* (употреблен в побудительно-оптативном значении ‘приказывать’ [МАС. Т. 1: 146]):

Другу-стихотворцу
так как *велит* натуральность
то, от чего уж не деться, —
взгляды, подобные сверлам,
радовать правдой, что сердце
в страхе живет перед горлом

[Бродский 2001, Т.1: 237]

- *собираться* (контекстуальный синоним глагола *хотеть*):

Песня

Собирались лечь, да простыла печь

[Бродский 2001, Т.2: 95]

- *выбирать* (в приведенном контексте означает ‘предпочитает, хочет забрать себе’):

На смерть Т.С. Элиота

смерть *выбирает* не красоты слога,
а неизменно самого певца

[Бродский 2001, Т.2: 115]

- *решить* (‘прийти к какому-л. выводу’ [МАС. Т. 3: 715], в цитируемых фрагментах – ‘захотеть сделать что-либо’): настичь неприятеля («Литовский дивертисмент»), начать колоситься («Остановка в пустыне»).

Литовский дивертисмент

Кого он, стиснув меч в ладони,
решил настичь? Предмет погони
скрыт за пределами герба.

[Бродский 2001, Т.2: 419]

Остановка в пустыне

«Ты, сеятель, храни свою соху,
а мы *решим*, когда нам колоситься»

[Бродский 2001, Т.2: 168-169]

- *надеяться* (‘иметь надежду, рассчитывать на что-л.’ [МАС. Т. 2: 344], то есть ‘рассчитывать на желаемое’: избавление от необходимости объясняться («Сумерки. Снег. Тишина»), спасение мира от ядерной катастрофы («Письмо в бутылке»).

Сумерки. Снег. Тишина. Весьма ...

Сумерки, снег, наконец, сама
тишина — избавит меня, *надеюсь*,
от необходимости — прости за дерзость
— объяснять самый факт письма

[Бродский 2001, Т.2: 174]

Письмо в бутылке

Надеюсь я также, что некий швед
спасет от атомной бомбы свет

[Бродский 2001, Т.2: 72]

- *помышлять* ('мечтать о чем-л.' [МАС. Т. 3: 286]). В контексте строки может быть интерпретировано так: 'похоже, мне хочется взбунтоваться'

Речь о пролитом молоке

Я *помышляю* почти о бунте

[Бродский 2001, Т.2: 189]

- *спешить* ('стараться сделать, исполнить что-л. как можно скорее, торопиться' [МАС. Т. 4: 222]) является контекстуальным синонимом глагола *хотеть* ('очень хотеть произнести'):

Из «Школьной антологии»

Слов больше, чем предметов, и слова
найдутся для всего. И для дороги.
И он *спешил* их все *произнести*

[Бродский 2001, Т.2: 322]

- *просить* ('добиваться чего-л. у кого-л.' [МАС. Т. 3: 520]), имплицитная семантика желательности: 'добиваться желаемого': в данном случае, очевидно, 'очень хотеть лакомства'.

Post aetatum nostrum

победитель *просит* яйцо
вкрутую и щепотку соли

[Бродский 2001, Т.2: 397]

- *желать/пожелать* (синонимы глаголов *хотеть/захотеть* [Словарь синонимов русского языка: 120, 346]):

Речь о пролитом молоке

Она *желает* объединиться

[Бродский 2001, Т.2: 182]

Памяти Т.Б.

что и для них, чьи глаза от плача
ты *пожелала* сберечь, задача
неразрешима

[Бродский 2001, Т.2: 230]

- *просить* (контекстуальный синоним глагола *хотеть*):

Холмы

прошу отнести их к берегу,
вверить их небесам

[Бродский 2001, Т.1: 217]

Письмо генералу Z

Пусть мне прилепят бубновый туз
между лопаток – *Прошу* отставки!

[Бродский 2001, Т.2: 222]

- причастие *метивший* (в указанном контексте трактуется как *хотевший*):

Неоконченное

совсем недавно *метивший* в пророки

[Бродский 2001, Т.2: 379]

- деепричастие *надеясь* (ср. деевбратив *надежда* – ‘ожидание чего-л. желаемого, соединенное с уверенностью в возможности осуществления’ [МАС. Т. 2: 343]):

Загадка ангелу

К поверхности из двух пустот
два невода ползут отвесно,
надеясь: крест перенесёт
и спустит их в другое место

[Бродский 2001, Т.1: 191]

- деепричастия *желая, предпочитая*:

Китаец так походит на китайца ...

Желая деве сделать впечатленье,
цветочных чашечек дарю скопленье,
предпочитая исключенью – массу

[Бродский 2001, Т.2: 152]

Фламарион

Огонь, *предпочитая* сам
смерть – запустенью,
все чаще шарит по лесам
моею тенью

[Бродский 2001, Т.2: 162]

- деепричастие *норовя* (*норовить* – синоним *стремиться* [Словарь синонимов русского языка: 482]):

Anno Domini

Враг отступает. Жидкий свет зари,

чуть занимаясь на Востоке мира,
вползает в окна, *норовя* взглянуть
на то, что совершается внутри

[Бродский 2001, Т.2: 215]

- деепричастие *нуждаясь* (форма глагола нуждаться — ‘испытывать потребность в ком-, чем-л.’ [МАС. Т. 2: 514]); потребность — ‘желание, жажда чего-л.’ [МАС. Т.3: 458]

Конец прекрасной эпохи

Время создано смертью. *Нуждаясь* в телах и вещах,
свойства тех и других оно ищет в сырых овощах.

[Бродский 2001, Т.2: 311]

- деепричастие *стремясь*:

Сознание, как шестой урок ...

Однако же, *стремясь* вперед,
так тяжек напряженный взор,
так сердце сдавлено, что рот не пробует
вдохнуть простор

[Бродский 2001, Т.2: 354]

Шиповник в апреле

Стремясь предохранить мундир,
вернее — будущую зелень, бутоны,
тень...

[Бродский 2001, Т.2: 408]

В стихотворении «Сознание, как шестой урок...» *стремясь* обладает имплицитной семантикой желания: тяготы, испытываемые героем стихотворения (*тяжек взор, сердце сдавлено*), не отменяют его желания идти вперед. Анализ словарной статьи глагола *стремиться* позволяет констатировать в этом случае синсемию первого и третьего лексико-семантических вариантов глагола: форма глагола *стремиться* — 1. ‘быстро двигаться, направляться куда-л.’; 3. ‘стараться достичь чего-л., настойчиво добиваться чего-л.’ [МАС. Т. 4: 392].

В стихотворении «Шиповник в апреле» деепричастие *стремясь* синонимично *желая*. В этом примере наблюдается моносемантизация глагола *стремиться*: он функционирует в третьем лексико-семантическом варианте: 3. ‘стараться достичь чего-л., настойчиво добиваться чего-л.’ [МАС. Т. 4: 392].

- деепричастие *тяготя* (синонимично деепричастию *предпочитая* [Словарь синонимов русского языка: 507]). В стихотворении «Неоконченное» ‘*друг* хочет польстить *невесть кому*, но предпочитает делать это скрытно’ – так можно интерпретировать нижеприведенные строки:

Неоконченное

Друг, *тяготя* к скрытым формам лести
невесть кому...

[Бродский 2001, Т.2: 378]

- деепричастие *задумав* (контекстуальный синоним деепричастия *захотев*): ‘грек, желая перейти границу, ищет способ сделать это’.

Post aetatum nostram

Задумав перейти границу,
грек достал вместительный мешок и после
в кварталах возле рынка изловил
двенадцать кошек (почерней).

[Бродский 2001, Т.2: 404]

Представленные ниже средства экспликации значения собственно желания также являются малочастотными в контексте творчества Бродского первого периода (см. Приложение 1, Схема 3):

- устойчивые выражения (употреблены автором семь раз):

Посвящается Ялте

Событие, увы, не происходит
впрочем, *слава Богу*

[Бродский 2001, Т.2: 292]

Посвящается Ялте

Да, *слава Богу*. Наконец, плывем

[Бродский 2001, Т.2: 305]

В «детективном» стихотворении «Посвящается Ялте» устойчивое выражение *слава Богу* употребляется дважды: в начале повествования и ближе к финалу. При первом употреблении (*Событие, увы, не происходит /*

впрочем, слава Богу) эмотивное словосочетание выражает желание субъекта речи, чтобы возможное преступление не стало реальным. При втором употреблении (*Да, слава Богу. Наконец, плывем*) семантика желания «наведена» на междометное словосочетание рассказом о реальном убийстве: субъект речи хочет как можно скорее покинуть место в реальности свершившегося преступления.

Сонет

Сначала вырастут грибы. Потом
Пройдут дожди. *Дай Бог*, чтоб кто-
нибудь под этими дождями смог
промокнуть.

[Бродский 2001, Т.2: 392]

По дороге на Скирос

Дай Бог тогда, чтоб не было со мной
двуострого меча

[Бродский 2001, Т.2: 199]

В «Сонете» 1970 года написания речевой формулой *дай Бог* выражается желание лирического субъекта наблюдать и приветствовать естественный ход жизни природы и человека.

В стихотворении «По дороге на Скирос» выражение *дай Бог* эксплицирует желание-предостережение не иметь оружия, вступая в провокативно-агрессивный мир городской окраины.

Лесная идиллия

Она: Ах, любезный пастушок,
у меня от жизни шок.

Он: Ах, любезная пастушка,
у меня от жизни — юшка.

Вместе: Руки мёрзнут. Ноги зябнуть.
Не пора ли нам дерябнуть.

[Бродский 2001, Т.2: 343]

- предикативное наречие *пора* в сочетании инфинитивом в функции подлежащего выражает семантику желания и в то же время является компонентом темпорального дейксиса: *пора дерябнуть* означает 'хочется выпить, время пришло'.

- краткое прилагательное *согласна*:

Post aetatum nostrum

Светильник гаснет, и фитиль чадит
уже в потемках. Тоненькая струйка
всплывает к потолку, чья белизна
в кромешном мраке в первую минуту
согласна на любую форму света.
Пусть даже копоть.

[Бродский 2001, Т.2: 403]

Белизна потолка (субъект желания) *согласна*, то есть хочет света (даже коптящего), ждет поддержки от гаснущего светильника, нуждается в свете, боясь утонуть в *кромешном мраке*. Вне анализируемого контекста краткое прилагательное *согласна* может как иметь семантику желания, так и не иметь таковой.

Приведенный перечень средств экспликации значения «собственно желания» отражает преобладание лексико-грамматических периферийных средств выражения желания над грамматическими (см. Приложение 2, Диаграмма 1). В указанный спектр средств выражений желательности входят «векторные» глаголы с выраженной семантикой желательности (*стремиться, рваться, норовить*), глаголы, эксплицирующие крайнюю интенсивность желания (*жаждать*), инволютивные глаголы (*ожидать, надеяться*).

Примечательно, что используемые поэтом девербативы в большинстве своем образованы от наиболее часто употребляемых глаголов с семантикой желания – *желание, жажда, стремление, попытка, надежда*. Остальные средства экспликации значения «собственно желания» характеризуются низкой частотностью.

Факт использования Бродским в анализируемый период творчества преимущественно лексических средств выражения семантики «собственно желания» требует интерпретации. На наш взгляд, лексические средства репрезентации модальности желательности (*хотеть, стремиться, рваться, норовить, жаждать* и др.), являясь маркером дезидеративности,

экспрессивно представляют «желание желать» лирического субъекта. При помощи глаголов с интенциональной семантикой поэт создает психологический портрет лирического субъекта – активной и динамичной в своих желаниях личности, стремящейся к ментальным, вербальным, визуальным, двигательным, социативным действиям.

Преобладание дезидеративных средств может быть связано и с разностью ролей грамматической и лексической составляющих поэтического текста: главная задача грамматических средств – поддержание «связи с традицией», а лексических – «в продолжении традиции и в создании новизны» [Гин 1991: 106]. Используя преимущественно лексические средства репрезентации значения «собственно желания», поэт работает над расширением своего поэтического лексикона.

1.2. Значение «желания, сопряженного с побуждением»

Высказывания, передающие желание, обращенное к слушателю, могут приобретать вторичное значение или прагматическую функцию выражения побуждения [Парменова 1975]. Как отмечает Е.А. Алтабаева, предложения, образованные формой желательного наклонения при наличии субъект-адресата, «по своим семантическим особенностям более близки к оптативным, чем к побудительным» [Алтабаева 2003: 180]. При этом необходимо отметить: обращение к адресату, выраженное посредством императива, не всегда трактуется как собственно побуждение.

Предложения с императивом, сближаясь с оптативными высказываниями по ряду признаков (ирреальный тип модальности, семантика волеизъявления, частично – наличие адресата высказывания, временная неопределенность), могут выражать «разнообразные модальные значения, близкие к кругу значений условно-желательного наклонения» [Виноградов 1975: 471]. Наличие косвенного побуждения, обращенного к себе, собеседнику, третьему лицу, неопределенному или обобщенному

адресату, является семантическим признаком побудительно-оптативных предложений. В частности, семантика оптативности присутствует в высказываниях следующего типа:

- в экспрессивных императивных высказываниях с субъектом-местоимением второго лица: *Пропади ты пропадом!* В примерах подобного типа наблюдается асимметрия языкового знака и значения;

- в конструкциях с императивом третьего лица, тяготеющих к побудительности или оптативности в зависимости от типа субъекта (лицо, обобщенный субъект или предмет): *Пусть Господь меня простит!*

По замечанию И.И. Ковтуновой, «утрата или ослабление прямого побудительного значения и появление переносных модальных значений — результат употребления формы повелительного наклонения с первым, третьим и обобщенным лицом» [Ковтунова 1986: 119]. Таким образом, семантика императивных форм глагола в поэтической речи зависит от присутствия либо отсутствия адресата, его характера, а также от типа контекста.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что между оптативностью и императивом существует зона «модального синкретизма», отражающая их взаимосвязь. Центральное положение в этой зоне занимает императив, употребляемый в оптативной и побудительной функции в зависимости от цели высказывания. Принадлежность высказывания к оптативному или побудительному типу модальности в таких примерах регулируется коммуникативно-прагматическими факторами: интонацией, порядком слов, контекстными условиями употребления.

Собственно побудительные высказывания мы относим к ФСП императивности. Остальные типы предложений квалифицируются нами как побудительно-оптативные конструкции, относящиеся к переходной зоне ФСП желательности и императивности.

1.2.1. Грамматические средства выражения

«желания, сопряженного с побуждением»

- формы сослагательного наклонения в оптативном значении

Значение желания, сопряженного с побуждением, выраженное ядерными компонентами ФСП желательности, достаточно редко встречается в лирике Бродского. Связан данный факт прежде всего с тем, что сослагательное наклонение в оптативном значении и «несобственно сослагательное наклонение» (инфинитив + частица бы/б) не предназначены для актуализации комплексного значения побуждения и оптативности. Оптативно-побудительная семантика чаще всего репрезентируется формами повелительного наклонения – императивом второго и третьего лица.

Однако Бродский передает значение «желания, сопряженного с побуждением», посредством формы сослагательного наклонения в двух стихотворениях (см. Приложение 1, Схема 4):

На смерть Роберта Фроста

<...>

Позволь же, старик, и мне,
среди мёртвых финских террас,
звёздам в моём окне
сказать, *чтоб* их свет сейчас,
который блестит окрест,
сошёл бы с пустых аллей,
исчез бы из этих мест
и *стал бы* всего светлей
в кустах, где стоит блондин,
который ловит твой взгляд,
пока ты бредешь один
в потёмках... к великим... в ряд

[Бродский 2001, Т.1: 229].

В горчичном лесу

Дом *бы должен*, как хлеб на дрожжах,
вверх *расти*, заостря обитель,
повторя во всех этажах,
что безумие — лучший строитель

[Бродский 2001, Т.1: 249].

В приведенном фрагменте стихотворения «На смерть Роберта Фроста» экспликаторы семантики желания-волеизъявления представлены

некатегоричным императивом *позволь*, отвечающим речевому жанру просьбы, и тремя формами сослагательного наклонения в его оптативно-побудительной разновидности: (свет) *сошел бы, исчез бы, стал бы*. Названные грамматические формы выражения модальности являются элементами многосложной синтаксической конструкции, звеньями которой являются:

- побудительное по цели высказывания главное предложение (*Позволь же, старик, и мне, / среди мёртвых финских террас, / звёздам в моём окне / сказать*),

- целевое придаточное предложение (*чтоб их свет сейчас, / сошёл бы с пустых аллей, / исчез бы из этих мест / и стал бы всего светлей в кустах*), в которое встроено определительное придаточное (*который блестит окрест*) и за которым в последовательном подчинении следуют еще три придаточных: два определительных (*где стоит блондин; который ловит твой взгляд*) и финальное временное (*пока ты бредешь один / в потёмках... к великим... в ряд*).

В условиях реализации «увеличенной протяженности высказывания», «усложненного синтаксического фона» [Дреева, Фарниева 2023: 203] рождается своеобразный эффект: при выдвижении усложненной синтаксической конструкции семантика формально заявленной в тексте императивно-оптативной модальности не актуализируется, в некоторой степени размывается, гасится.

В меньшей степени, но также усложненный синтаксически фрагмент стихотворения «В горчичном лесу» содержит форму «несобственно сослагательного наклонения» *расти бы*. Актуализации оптативного значения этой формы препятствуют, а некоторому погашению желательности способствуют

а) синтаксическая «нагруженность» строфы сравнительным и деепричастными оборотами, придаточным предложением;

б) внедрение и выдвижение ядерного компонента микрополя долженствования – краткого прилагательного *должен*, усложняющего модальный фон текста.

- формы императива 2 лица

Семантика желания, выраженная императивом как периферийным средством ФСП желательности, эксплицирована во многих поэтических текстах Бродского. Поэтому в область нашего исследования включен побудительно-оптативный тип модальности со свойственным ему употреблением императивных форм в их внекатегориальном значении – значении оптативности. Семантика волеизъявления в подобных примерах отходит на второй план.

Анализ лирических текстов побудительно-оптативной модальности проводится в настоящей работе с опорой на тезис, согласно которому формы оптативного императива в поэтическом тексте могут быть адресованы лицам, явлениям и предметам.

Оптативный императив, обращенный к лицам, употреблен Бродским в 69 стихотворениях первого периода творчества.

Обратимся к примерам:

Ничто не стоит сожалений ...

<...>

Войди в подъезд неосвещенный
и *вытри* слезы и опять
смотри, смотри, как возмущенный
Борей все гонит воды вспять

[Бродский 2001, Т.1: 39]

Октябрьская песня

<...>

Море четвертый день глухо гудит у
дамбы.
Отложи свою книгу, *возьми* иглу;
итопай мое белье, не зажигая лампы:
от золота волос
светло в углу.

[Бродский 2001, Т.1: 237]

Адресат императивов во фрагменте «Ничто не стоит сожалений...» представлен обобщенно при конкретности лексической семантики глагольных форм (*войди*, *вытри*, *смотри*) и хронологических помет (*неосвещенный подъезд*, *возмущенный Борей*): это каждый, кто переживает поражение в любви (независимо от пола, возраста, положения во времени и

пространстве). В такой конситуации императивные глагольные формы *войди, вытри, смотри* эксплицируют не требование войти в подъезд, вытереть слезы и смотреть в окно, а имплицитное желание субъекта речи попытаться утешить каждого и утешиться самому сентенцией *ничто не стоит сожалений*.

И в стихотворении «Октябрьская песня», на наш взгляд, семантика волеизъявления форм императива (*отложи, возьми, штопай*) отходит на второй план, перекрывается желанием субъекта речи любоваться идиллической картиной: домом на морском берегу под защитой дамбы, уютом простого быта и красотой женщины, излучающей свет.

По мнению И.И. Ковтуновой, «утрата прямого побудительного значения и появление переносных модальных значений прежде всего связаны с применением повелительного наклонения не к лицам» [Ковтунова 1986: 119]. Побудительно-оптативный тип высказываний, обращенных к неодушевленному предмету речи, выражен в лирике Бродского первого периода творчества периферийными средствами ФСП желательности – формами императива второго и третьего лица (см. Приложение 1, Схема 4). В стихотворениях названного этапа побудительно-оптативная модальность представлена в 30 стихотворениях (в 107 поэтических высказываниях).

Форма императива второго лица была употреблена поэтом в 18 стихотворениях (более 60 раз). Например:

В письме на Юг

Прощайте, горы.

<...>

никогда не забуду, и *вы не забудьте*,
что сверху я видел вас,
а теперь здесь другой, я уже не вернусь,
постарайтесь простить.

[Бродский, Т.1: 69]

Июльское интермеццо

Ну, *звени, звени*, новая жизнь, над моим
плачем,

к новым, каким по счету, любовям
привыкать, к потерям,
к незнакомым лицам, к чужому шуму и
к новым платьям,
ну, *звени, звени, закрывай* предо мною
двери.

[Бродский Т.1: 76]

Для приведенных фрагментов стихотворений, как и для большинства текстов автора с употреблением императива во внекатегориальном значении, характерно использование речевых форм диалога в лирическом тексте: обращений к неодушевленным предметам и явлениям (*горы, новая жизнь*), императивов второго лица в ты- и вы-конструкциях (*вы не забудьте; звени, новая жизнь*).

В стихотворениях «В письме на Юг», «Июльское интермеццо» Бродский, используя речевые формы диалога, устраняет дистанцию между предметом речи и субъектом высказывания, подчеркивает значимость этого предмета для автора, его принадлежность картине мира поэта. Сокращение дистанции между субъектом и объектом высказывания необходимо поэту не только для выражения эмоционального отношения к предмету, но и для образного, наглядного представления места человека в природно-предметном мире. Именно поэтому употребление императива по отношению к неодушевленным предметам и явлениям, обращение к ним в поэтическом тексте представляют собой, скорее, не олицетворение, персонификацию, а «коммуникативную метафору».

В стихотворении «Июльское интермеццо» смысловая структура текста, вступая в противоречие с категориальной семантикой императива, придает ему «своеобразное, присущее только поэтической речи смысловое звучание, которое в общем случае можно истолковать примерно так: “это происходит, и пусть это продолжается”» [Ковтунова 1986: 120].

Прощальная ода

Боже зимних небес, Отче звездЫ над полем,
Отче лесных дорог, снежных холмов владыка,
Боже, *услышь* мольбу: *дай* мне взлететь над горем
выше моей любви, выше стенанья, крика.
Дай её разбудить! Нет, уж не речью страстной!
Нет, не правдой святой, с правдою чувств совместной!
Дай её разбудить песней такой же ясной,
как небеса Твои, — ясной, как свод небесный!

[Бродский Т.2: 16]

В стихотворении «Прощальная ода» императивы (*услышь, дай*) функционируют не как формы волеизъявления, а как экспликативы сильного желания, что обусловлено принадлежностью стихотворения к речевому жанру молитвы, репрезентирующим мольбу – первичный жанр, по терминологии М.М. Бахтина. По мнению исследователя, каждый речевой жанр, первичный или вторичный, имеет свою концепцию адресата: «Всякое высказывание всегда имеет адресата, ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает. <...> Но кроме этого адресата, автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего наадресата, абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени» [Бахтин 1973: 305–306].

Именно наличие «высшего наадресата», Бога, а также употребление императивных форм глагола во внекатегориальном значении эксплицирует желание субъекта речи быть услышанным. Подобная адресованность стихотворения, снимая противопоставление «говорящий – слушающий» и предоставляя лирическому субъекту возможность полного ответного понимания, дает автору высокую степень свободы выражения.

Семантика просьбы-молитвы (термин И.И. Ковтуновой) как частный случай употребления императива в оптативном значении создает усложненную коммуникативную структуру, поскольку основная функция императива приобретает условный характер, репрезентирует сильное, волевое желание лирического субъекта.

Важно отметить, что «в рамках поэтического текста жанр молитвы преобразуется в “образ молитвы”» [Ковтунова 1986: 127] и обретает трехчастную структуру: субъект речи – внутренний адресат (наадресат) – внешний адресат (читатель).

В стихотворении «Осень» императивные формы глагола, входя в состав метафоры, также выполняют функцию экспликации желания:

Осень

Аполлон, *отними*
у меня свою лиру, *оставь* мне ограду
и *внемли* мне вельми
благосклонно: гармонию струн
заменяю — *прими* —
неспособностью прутьев к разладу,
превращая твое до-ре-ми
в громовую руладу,
как хороший Перун

Во второй части стихотворения императив, формально обращенный к неодушевленному существительному *горло*, выполняет автокоммуникативную функцию:

Полно петь о любви,
пой об осени, старое горло!

[Бродский Т.2: 412]

Ряд примеров с употреблением императива во внекатегориальном значении пополняют тексты, относящиеся к жанру *In memoriam* (стихотворение «в память», «на смерть»):

Памяти Т.Б.

<...>

прими от меня эту рифмо-лепту;
С того *разреши* мне на этом свете
сказать о ее, оболочки, смерти
помни: в Две Тысячи Первом лете,
с риском быть вписанным в святотатцы,
стану просить, чтоб расширить святцы;
Спи же.

[Бродский Т.2: 228]

Большая элегия Джону Донну

Спи, спи, Джон Донн. *Усни*, себя не мучь
<...>

[Бродский Т.1: 235]

По замечанию Д.Н. Ахапкина, в тексте стихотворений жанра *In memoriam* наблюдается «ситуация вытеснения адресата текста его автором» [Ахапкин 1999]: происходит репрезентация авторской картины мира, наблюдается переход к рассуждениям «более общего порядка о феномене

смерти как таковом» [Бродский 1992-1995: 78-79]. В приведенных выше фрагментах стихотворений реализуется ряд приемов, характерных для текстов поминального жанра:

- обращение к умершему при помощи местоимения «ты»: *будет ли то Магомет, Христос ли, / словом сама избрала кого ты...* «Памяти Т.Б.»;

- употребление номинативных цепочек: *Уснули стены, пол, постель, картины, / уснули стол, ковры, засовы, крюк, / весь гардероб, буфет, свеча, гардины.* «Большая элегия Джону Донну». (Более подробно об этом см.: [Ахапкин 1999]).

В приведенных стихотворениях Бродский минимизирует дистанцию между субъектом речи и адресатом, перенося отдаленные во времени или пространстве лица при помощи речевых форм, характерных для устной коммуникации, в поле мыслей и чувств субъекта высказывания. Так поэт при помощи помещения адресата речи в лирическое пространство ее субъекта создает иллюзию «совпадения воображаемого диалога с моментом речи» [Ковтунова 1986: 96]. Этот прием «раздвигает масштабы поэтического сознания и создает предпосылки для расширения внутреннего смыслового пространства лирического произведения» [Там же: 97].

Иными словами, мир поэта, репрезентированный в стихотворении, приобретает широкие социальные и временные рамки, дающие возможность автору охватить не только персонажей, реально живущих в момент речи, но и уже умерших, а также недоступных для прямого общения.

- формы императива 3 лица

Описательный императив (императив третьего лица) употреблен поэтом в 22 стихотворениях (47 раз) и репрезентирует оптативную семантику (см. Приложение 1, Схема 4), поскольку косвенно заявленным адресатом оптативного императива 3-его лица становится предмет или явление: *хор воды и небес, гранит, слава* (в стихотворении «Стансы к городу»); *напев* (в стихотворении «1 января 1965 года»), *перегной* (в стихотворении «Сумерки. Снег. Тишина. Весьма...»):

Стансы городу

Пусть меня *отпоет*
хор воды и небес, и гранит
пусть обнимет меня,
пусть поглотит,
мой шаг вспоминая,
пусть меня *отпоет*,
пусть меня, беглеца, *осенит*
белой ночью твоя
неподвижная слава земная.

[Бродский 2001, Т.1: 15]

1 января 1965 года

Что это? Грусть? Возможно, грусть.
Напев, знакомый наизусть.
Он повторяется. И пусть.
Пусть повторится впредь.
Пусть он *звучит* и в смертный час,
как благодарность уст и глаз
тому, что заставляет нас
порою вдаль смотреть.

[Бродский 2001, Т.1: 89]

Сумерки. Снег. Тишина. Весьма ...

Пусть не бессмертие – перегнутой
вберет меня. Разница только в поле
сих существительных

[Бродский Т.2: 175]

- формы будущего времени совместного действия

Дальнюю периферию грамматических средств выражения модальности желательности структурирует *синтетическая форма глагола будущего времени совместного действия* (см. Приложение 1, Схема 4):

Подсвечник

Зажжём же свечи.
Полно говорить, что нужно чей-то
сумрак озарить.
Никто из нас другим не властелин,
хотя поползновения зловещи.

[Бродский Т.2: 240-241]

Лесная идиллия

Бросим должность, *бросим* зданья,
лицемерить и дрожать.

[Бродский Т.2: 348]

1.2.2. Лексические средства выражения «желания, сопряженного с побуждением»

Значение «желания, сопряженного с побуждением» ввиду специфики своей семантики не репрезентируется лексическими ядерными средствами

ФСП желательности. К периферийным лексическим средствам выражения желания, связанного с побуждением, относятся следующие языковые средства, употребленные в четырех стихотворениях (см. Приложение 1, Схема 5):

- *наречия*: *прочь, вперед*;

- *прецедентная фраза-цитата*: *остановись, мгновенье*:

Лети отсюда, белый мотылек ...

*Вперед, родной. Последний мой совет:
Будь осторожен там, над проводами.*

[Бродский Т.1: 29]

Пришла зима, и все, кто мог лететь

*Прочь, прочь, ночной простор (и блеск
огня),
прочь, прочь, звезда над каждой черной
кроной,*

[Бродский Т.2: 105]

Два часа в резервуаре

*«Остановись, мгновенье, ты
прекрасно».*

[Бродский Т.2: 138]

Зимним вечером в Ялте

*Остановись, мгновенье! Ты не столь
прекрасно, сколько ты неповторимо.*

[Бродский Т.2: 291]

Приведенный перечень средств экспликации значения «желания, сопряженного с побуждением», позволяет сделать ряд выводов. «Желание, сопряженное с побуждением» ввиду своей специфичности – репрезентации семантического комплекса побудительности и оптативности и, как следствие, расположения в зоне модального синкретизма ФСП оптатива и императива, выражено преимущественно грамматическими средствами, к которым относятся периферийные способы экспликации значения желательности: формы императива второго и третьего лица (употреблены 60 и 47 раз соответственно).

Примечательно, что повтор грамматической формы при разнородном лексическом наполнении в контексте стихотворения является эстетически значимым лингвопоэтическим приемом.

Формы оптативного императива второго и третьего лица участвуют в создании таких крупных форм поэтической образности, как:

- персонификация:

В письме на Юг

Прощайте, горы. Что я прожил, что помню, что знаю на час,
никогда не узнаю, но если приходит, приходит пора уходить,
никогда не забуду, и вы *не забудьте*, что сверху я видел вас,
а теперь здесь другой, я уже не вернусь, *постарайтесь* простить.

[Бродский Т.1: 69]

- метафора:

Выбрасывая на берег словарь...

Пусть море *осаждаёт* календарь
Со всех сторон: минувшим и грядущим.

[Бродский Т.2: 80]

- сравнение

Post aetatem nostram

Под белой колоннадою дворца
на мраморных ступеньках кучка смуглых
вождей в измятых пестрых балахонах
ждет появления своего царя,
как брошенный на скатерти букет —
заполненной водой стеклянной вазы.

[Бродский Т.2: 402]

Лексические средства экспликации значения «желания, сопряженного с побуждением» представлены ограниченным перечнем средств, каждое из которых придает поэтической речи семантику сильного желания.

Таким образом, можно констатировать доминирование грамматических средств экспликации значения «желания, сопряженного с побуждением» в лирике первого периода творчества Бродского (см. Приложение 2, Диаграмма 2). Употребляя императивные формы во внекатегориальном значении, поэт использует эстетический потенциал асимметрии языкового знака как инструмент создания поэтические тропов и фигур, чем демонстрирует не только возможную нейтрализацию в поэзии общеязыковых оппозиций, но и бесконечные возможности поэтической речи,

созданные из «ограниченных возможностей языка, его единиц и категорий» [Гин 1991: 106, 107].

1.3. Грамматические (синтаксические) средства выражения значения «желания, сопряженного со значениями условия, цели, сравнения»

Как отмечают авторы «Теории функциональной грамматики», «в комплексе семантически связанных простых предложений на значение оптата могут накладываться значения, относящиеся к другим функционально-семантическим полям» [Корди 1990: 180]. Примером подобной поливариативности смыслов может стать отрывок из стихотворения Бродского «Натюрморт»:

Пора. Я готов начать.
Неважно, с чего. Открыть
рот. Я могу молчать.
Но *лучше* мне *говорить*

[Бродский Т.2: 422]

В приведенном отрывке семантика желания накладывается на имплицитно выраженное значение сравнения – ‘говорить лучше, чем молчать’. Комплекс названных смыслов Бродский передает при помощи конструкции «предикативное наречие (*лучше*) + инфинитив (*молчать*)», в рамках которой противопоставлены две модели речевого поведения.

Актуализация значения желания, демонстрация его интенсивности могут быть достигнуты применением полипредикативной конструкции, в состав которой входит сравнительный оборот (см. Приложение 1, Схема 6):

Морозный вечер

Дворцы промёрзли,
и *ждёт* весны в ночи их колоннада,
как *ждут* плоты на Ладоге буксира.

[Бродский Т.2: 406]

В первых двух строках фрагмента стихотворения представлены неодушевленные субъект желания (*дворцовая колоннада*) и предмет желания (*весна*), а в третьей строке – сравнительный оборот, дополняющий зимний урбанистический пейзаж *плотами* как субъектами желания и *буксиром* как его предметом. Удвоение ситуации желания в контексте описания морозного вечера интенсифицирует выражаемое желание, наделяя глагол *ждать* (‘находиться где-либо некоторое время, зная заранее о предстоящем приходе, прибытии, появлении кого-либо, чего-либо’ [МАС. Т. 1: 474]) значением ‘сильного желания, нетерпения’. Бродский выстраивает усложненные, так называемые «двухфокусные сравнения» [Крепс 1984: 81], компоненты которых сопоставляются как по «подобию действия», так и по «сопоставимости самих объектов» [Там же]. В нашем примере сравниваемые субъекты желания соположены и по действию (*дворцы* и *плоты* *ждут* избавления от морозного плена), и по визуальному впечатлению (*дворцы* и *плоты* неподвижны в своем промерзшем и примерзшем состоянии).

Аналогичную функцию выполняют придаточные предложения со значением *цели*, актуализируя оттенок желательности в семантике глаголов *стремиться* (‘быстро двигаться, направляться куда-либо’, ‘стараться попасть куда-л., быть где-л.’ [МАС. Т. 4: 287]), *стараться* (‘прилагать усилия, чтобы сделать, осуществить что-л.’ [МАС. Т. 4: 249]): корабли хотят убедиться, что достигли края земли; луна хочет помочь сориентироваться в пространстве.

Ex ponto

Корабли
 сюда *стремятся* после непогоды,
чтоб подтвердить, что это край
земли.

[Бродский Т.2: 124]

Сознание, как шестой урок ...

Да в тучах из холодных дыр
 луна *старается* блеснуть,
чтоб подсказать, что в новый мир
забор указывает путь.

[Бродский Т.2: 354]

Комплекс значений *условие* + *желание* + *цель* эксплицирован Бродским в двух стихотворениях. В каждом примере условие выражено посредством придаточного условного предложения с конструкцией *если бы* /

если, желательность – на грамматическом уровне (при помощи форм сослагательного наклонения – *я ни дал бы*, будущего времени совместного действия – *назовем*), цель – посредством придаточного целевого предложения с союзом *чтоб*:

Северная почта

*О, если бы ирония могла
со временем соперничать успешно...
чего бы я ни дал календарю,
чтоб он не осыпался сиротливо,
приклеивая даже к январю
опавшие листочки кропотливо.*

[Бродский Т.2: 86]

Пророчество

*Придет зима, безжалостно крутя
осоку нашей кровли деревянной.
И если мы произведем дитя,
то назовем Андреем или Анной.
Чтоб, к сморщенному личику привит,
не позабыт был русский алфавит...*

[Бродский Т.2: 125]

Комплекс значений «желание + цель» представлен в следующем примере, котором желание эксплицировано лексически – девербативом *желанье*, значение цели – целевым придаточным предложением (*чтоб сшить свою плотью, сшить разлуку*):

Большая элегия Джону Донну

*Да, да, одной. Забыв тебя, мой свет,
в сырой земле, забыв навек, на муку
бесплодного желанья плыть вослед,
чтоб сшить свою плотью, сшить разлуку.*

[Бродский Т.1: 235]

1.4. Значение пожелания

Как отмечает Е.Е. Корди, значение пожелания, занимая «в поле оптативности периферийное положение» [Корди 1990: 176], является «производным от значения желания» и «более сложным по сравнению с ним» [Там же: 181]. Усложненность этого типа значения проявляется в том, что слушающий (адресат пожелания) является «одновременно бенефициантом пожелания и субъектом желаемой ситуации» [Там же]. Значение пожелания репрезентируется, по замечанию авторов «Теории функциональной грамматики», лексическими средствами: посредством

глагола *желать* (желать кому-нибудь чего-нибудь) и устойчивых выражений (*дай Бог, упаси Бог, храни тебя Господь*) и под.

Значение пожелания актуализируется в стихотворениях Бродского не только на лексическом, но и на грамматическом уровне (см. Приложение 1, Схема 7): при помощи **императива третьего лица** (побудительная частица *пусть* + глагол в форме настоящего времени) и **да-конструкции** (побудительная частица *да* + глагол в форме будущего времени):

Ломтик медового месяца

Пусть же в сердце твоём
как рыба, *бьётся* живьём
и *трепещет* обрывок
нашей жизни вдвоём.

[Бродский Т.2: 35]

Прощай, позабудь и не обессудь ...

Да будет мужественным
твой путь,
да будет он прям
и прост.

[Бродский Т.1: 19]

Такая реализация значения пожелания стала возможной благодаря употреблению отдельных элементов поэтического текста не обособленно, но «в отношении к другим элементам и к структурному целому всего текста» [Лютман 2023: 19]. К элементам «структурного целого текста» в приведенных фрагментах стихотворений относятся слова, называющие всё желаемое адресату (*обрывок нашей жизни вдвоем; страсть, достигшая уст; мужественный путь; звездная мишура; надежда, метели, снега, дожди, удача*) и перечисляемое субъектом речи. Причем это *всё* (как и его составляющие) воспринимается как что-то хорошее, светлое.

К лексическим средствам репрезентации значения пожелания относятся устойчивые сочетания (речевые формулы), довольно часто употребляемые поэтом (см. Приложение 1, Схема 8):

К стихам

Вы же оставляете меня. Что ж!
Дай вам Бог того, что мне ждать
поздно.
Счастья, мыслю я.

[Бродский Т.2: 191]

Румянцевой победам

Благословил меня коньяк
на риск признаний.
Вы все претензии — к нему.
Нехватка хлеба,
и я зажевываю тьму.
Храни Вас небо.

[Бродский Т.2: 58]

Все равно ты не слышишь ...

*Добрый путь, добрый путь,
возвращайся с деньгами и славой.
Добрый путь, добрый путь, о как
ты далека, Боже правый!*

[Бродский Т.1: 144]

**На 22-е декабря 1970 года
Якову Гордину от Иосифа Бродского**

*Горю! Но трезво говорю:
Твое здоровье, Яков! С Богом!*

[Бродский Т.2: 372-373]

Из «Школьной антологии»
И сын ее в бараке
считает их, *Господь его храни.*

[Бродский Т.2: 329]

Прощайте, мадемаузель Вероника
*Доброй ночи тебе, да и мне — не
бденья
Доброй ночи стране моей для сведенья
Личных счетов со мной пожелай отсюда*

[Бродский Т.2: 205]

Следует отметить, что средства выражения пожелания в приведенных примерах не только выражают эмоции лирического героя, оценку им ситуации (*Добрый путь, добрый путь, возвращайся с деньгами и славой*), но и описывают релевантные внеязыковые события, для которых характерны пожелания здоровья, доброй ночи, удачи и т.д. (*Твое здоровье, Яков! С Богом!*).

В стихотворении «Прощайте, мадемуазель Вероника» Бродский за внешней доброжелательностью тона скрыта горькая ирония (*Доброй ночи стране моей для сведенья / Личных счетов со мной...*).

§ 2. Языковые средства выражения модальности желательности в лирике Иосифа Бродского 1972-1996 годов

2.1. Значение «собственно желания»

2.1.1. Грамматические средства выражения «собственно желания»

Ядерными средствами экспликации «собственно желания», как было отмечено ранее, являются формы *сослагательного наклонения в оптативном*

значении, формы несобственно сослагательного наклонения (инфинитив + бы).

- *формы сослагательного наклонения в оптативном значении*

Оптативные формы были использованы Бродским в трех стихотворениях (употреблены 31 раз).

Приведем примеры:

**Я не то что схожу с ума, но устал
за лето ...**

Я не то что схожу с ума, но устал
за лето.
За рубашкой в комод полезешь, и день
потерян.
Поскорей бы, что ли, *пришла* зима
и *занесла* всё это
города, человекoв, но для начала
зелень.

[Бродский Т.3: 144]

То не Муза воды набирает в рот...

Я бы заячьи уши *пришил* к лицу,
наглotalся б в лесах за тебя свинцу,
но и в черном пруду из дурных коряг
я бы всплыл пред тобой, как не смог
«Варяг».

Но, видать, не судьба, и года не те...

[Бродский Т.3: 196]

В стихотворении «Я не то что схожу с ума, но устал за лето...» ядерная форма оптатива *пришла бы* (*поскорей бы, что ли, пришла зима*) говорит о вполне понятном желании зимней свежести, возникшем у человека (почти северянина), предельно замученного духотой жаркого лета. Вторая форма оптатива (*занесла бы*) в контексте строки (*и занесла всё это*) «смотрится» как индикативная л-форма с оттенком перфектного значения: будто зима уже пришла и уже *занесла всё это*. Лексика правого контекста оптатива *занесла бы* (*города, человекoв, зелень*) оказывается адгерентно заряжена отрицательной оценкой, внешним источником которой является отрицательное физическое и эмоциональное состояние субъекта речи.

Стихотворение «То не Муза воды набирает в рот...» содержит оптативы *пришил бы* (*заячьи уши к лицу*), *наглotalся б* (*за тебя свинцу*), *всплыл бы* (*как не смог Варяг*) эксплицируют желание-стремление лирического субъекта совершить ради возлюбленной немислимое: абсурдное, героическое, «победительное».

Употребление конструкции «инфинитив + грамматикализованная частица *бы*» на протяжении второго этапа творчества поэта стало менее частотным и гораздо менее продуктивным (конструкция употреблена два раза в двух стихотворениях).

Стрельна

Поцеловать бы их в правду затяжным,
как прыжок с парашютом, душным
мокрым французским способом!

[Бродский Т.4: 32]

Мексиканский романсеро

И увенчать бы на деле
Памятник Мексике! Впрочем
и под ним *бы* сидели.

[Бродский Т.3: 97]

Малая частотность употребления конструкции несобственно опатива в лирике второго периода творчества Бродского обусловлена, по нашему мнению, постановкой и решением новых творческих задач. В 70-ые годы и последующие десятилетия поэт сосредоточился на оттачивании таких качеств лирического речеведения, как сдержанная / погашенная эмоциональность, нейтральность тона, ориентация на максимально объективное изображение действительности, следование традициям интеллектуальной поэзии).

- формы независимого инфинитива

Наиболее продуктивным имплицитным средством выражения модальности желательности в с лирике второго периода творчества Бродского является *независимый инфинитив* – форма глагола, лишенная большинства глагольных категорий, но способная быть средством выражения «модальных значений, особенно в ее независимом синтаксическом употреблении» [Виноградов 1975: 60]. Именно употребление рядов с однородными инфинитивными сериями, порождая мощную инерцию текста, выполняет не только несомненную эстетическую функцию, но и служит средством имплицитного выражения значения «собственно желания».

Значение «собственно желания», выраженное посредством инфинитивных рядов и интонации, использовано Бродским в трех стихотворениях 13 раз.

Из Парменида

Нет! самому *совершить* поджог!
роддома! И самому
вызвать пожарных, *прыгнуть* в огонь
и *спасти* младенца,
дать ему соску, *назваться* его отцом,
обучить его складывать тут же
из пальцев фигу.

[Бродский Т.4: 24]

Портрет трагедии

Прижаться к щеке трагедии!
К черным кудрям Горгоны,
к грубой доске с той стороны иконы,
с катящейся по скуле, как на Восток
вагоны,
звездой, облюбовавшей околыши
и погоны.

[Бродский Т.4: 104]

Итака

Воротиться сюда через двадцать лет,
отыскать в песке босиком свой след.
И поднимет барбос лай на весь причал
не признаться, что рад, а что одичал.

[Бродский Т.4: 138]

Данное средство экспликации модальности желательности служит не только ритмообразующим компонентом, но и структурирует лирический сюжет стихотворения, динамично смещая авторский фокус от одного изображаемого компонента к другому.

Периферийные грамматические средства экспликации «собственно желания» (см. Приложение 1, Схема 2) в творчестве зрелого Бродского встречаются также достаточно редко (4 раза в четырех стихотворениях соответственно) и представлены следующими грамматическими конструкциями:

- *глаголами будущего времени совместного действия с семантикой желательности в сопровождении выделительно-усилительной частицы «же»:*

Заморозки на почве и облысение леса

...

Зазимуем же тут, с черной обложкой
рядом
проницаемой стужей снаружи, отсюда
– взглядом,
за бугром в чистом поле на штабель
слов
пером кириллицы наколов.

[Бродский Т.3: 139]

В центре Рима. Пьяцца Маттеи

Попробуем же отстраниться,

Взять век в кавычки.

[Бродский Т.3: 210]

- аналитической формой глагола будущего времени:

Я не то что схожу с ума, но устал за лето ...

Стану спать не раздевшись или читать с любого
места чужую книгу, покамест остатки года,
как собака, сбежавшая от слепого,
переходит в положенном месте асфальт.

[Бродский Т.3: 144]

**- сочетанием ограничительной частицы «лишь бы», синонимичной
ограничительной частице «только бы» при эллипсисе глагола речи:**

Ария

Безразлично о ком.

Трудным для подражания

птичкиным языком.

Лишь бы без содержания.

[Бродский Т.4: 18]

Также к периферийной зоне ФСП оптативности нами отнесена
конструкция **«форма краткого прилагательного рад +
грамматикализованная частица бы при нулевой глагольной связке».**

Конструкция «*рад + бы*» была использована поэтом два раза:

В этой комнате пахло тряпьем ...

А четвертую *рад бы* вспомнить, но не
могу,
Потому что в ней было, как у меня в
мозгу.

[Бродский Т.3: 295]

Я слышу не то, что ты мне

говоришь, а голос ...

Я рад бы лечь рядом с тобою, но это –
роскошь.

[Бродский Т.4: 78]

Отметим, что периферийные грамматические средства выражения значения «собственно желания» используются Бродским в стихотворениях второго этапа творчества в два раза чаще, чем в первом (употреблены 17 и 8 раз соответственно; см. Приложение 2, Диаграмма 1). Корпус данных средств экспликации значения желательности пополнили инфинитивные конструкции, употребленные во внекатегориальном (оптативном) значении (употреблены 13 раз).

2.1.2. Лексические средства выражения «собственно желания»

Глагол *хотеть* и безличный глагол *хотеться*, выражающий значение непроизвольного желания, как ядерные элементы ФСП желательности и микрополя дезидеративности используется автором в 12 стихотворениях (употреблены 12 раз; см. Приложение 1, Схема 3). При этом большинство употреблений приходится на безличный глагол *хотеться*, в семантике которого (в сравнении с личным глаголом *хотеть*) ослаблена интенциональность: оптативная модальность заявлена, а намерение действовать, добиваясь желаемого, едва ощутимо.

Обратимся к примерам функционирования глагола *хотеться*.

Пейзаж с наводнением

Хочется что-то сказать захлебываясь,
с волнением,
но из множества слов уцелело одно
«была».

[Бродский Т.4: 142]

Похороны Бобо

Бобо мертва. И *хочется* уста
слегка разжав, произнести «не надо».

[Бродский Т.3: 35]

К Евгению

Я был в Мексике, взбирался
на пирамиды.
Безупречные геометрические громады
рассыпаны там и сям
на Тегуантепекском перешейке.

Гуернавака

Опрочь того, мне *хочется* домой.
Скучаю по отеческим трущобам.

[Бродский Т.3: 93]

*Хочется верить, что их воздвигли
космические пришельцы ...*

[Бродский Т.3: 100]

1972 год

Хочется плакать. Но плакать нечего.

[Бродский Т.3: 19]

Presepio

В усыпанном блестками ватном снегу
пылает костер. И потрогать фольгу
звезды пальцем *хочется*; собственно,
всеми
пятью — как младенцу тогда
в Вифлееме.

[Бродский Т.4: 107]

Колыбельная трескового мыса

В облаках
тот же гудящий бомбардировщик,
летающий неведомо что бомбить.
И сильно *хочется* пить.

[Бродский Т.3: 84]

В окрестностях Атлантиды

Порой наводнение, порой толпа,
то есть что-то, что трудно стереть
со лба,
заливали асфальт, но возвращались
вспять,
когда ветер стихал и *хотелось* спать.

[Бродский Т.4: 130]

Отметим, что выражение желательности лексическими средствами по частотности равно грамматическим средствам экспликации категории желательности. Автор, используя глагол *хотеться*, эксплицирует следующие типы желаний:

- потенциально желаемое ментальное действие: *Хочется верить, что их воздвигли космические пришельцы* (в стихотворении «К Евгению»);

- желание вербальных действий: *Хочется что-то сказать захлебываясь, с волнением; И хочется ... произнести* (в стихотворениях «Пейзаж с наводнением», «Похороны Бобо»);

- желание модального субъекта изменить свой эмоциональный мир: *Хочется плакать. Но плакать нечего* (в стихотворении «1972 год»).

- желание субъекта сконцентрироваться на тактильном восприятии: *И потрогать фольгу / звезды пальцем хочется* (в стихотворении «Presepio»);

- физиологические желания лирического героя: *И сильно хочется пить; хотелось спать* (в стихотворениях «Колыбельная трескового мыса», «В окрестностях Антлантиды»);

Цитата из стихотворения «Гуернавака» (*Опрочь того, мне хочется домой. / Скучаю по отеческим труппам.*) содержательно относится к глаголам типа «желание модального субъекта осуществить движение, перемещение», но отсутствие в предложении глагола движения не позволяет отнести данный пример к названной группе. При отсутствии глагола движения (*поехать, полететь, отправиться, добраться* (до дома)) семантически нагруженным, акцентированным элементом высказывания становится наречие *домой*, употребленное в сильной текстовой позиции конца стихотворной строки.

Таким образом, желание быть дома заявлено, а действие по исполнению этого желания отсутствует, что актуализирует модус невозможности возврата домой и драматизирует лирическое повествование.

В нижеприведенных строках намерения и желания персонажей, являющихся субъектами желания (конкретное лицо в стихотворении «Театральное» и неконкретизированное (*кто хочет* = 'любой, кто угодно') в стихотворении «Михаилу Барышникову»), получают отрицательную оценку.

Театральное

«Ага! И он *хочет*
въехать в рай на чужом горбу!»

[Бродский Т.4: 178]

Михаилу Барышникову

Кто *хочет* сует нам в ребро свой
бивень.

[Бродский Т.4: 120]

К лексическим средствам экспликации значения «собственно желания», структурирующим его **ближнюю периферию**, относятся следующие языковые средства с ингерентной или адгерентной семантикой желания (см. Приложение 1, Схема 3):

- **глаголы:**

норовить (глагол употреблен 4 раза)

Келломайки

Существуют обои; и населенный пункт
освобождает ими обычно от внешних
пут
столь успешно, что дым *норовит* назад
воротиться в трубу

[Бродский Т.3: 246]

Литовский ноктюрн

явь всегда *норовит* сохранить адреса...

[Бродский Т.3: 51]

Дождь в августе

Среди бела дня начинает стремглав
смеркаться, и
кучевое пальто *норовит* обернуться
шубой
с неземного плеча

[Бродский Т.4: 42]

- *стремиться* (глагол употреблен 2 раза):

Каппадокия

Армия издалека
выглядит как извивающаяся река,
чей исток *норовит* не отставать от устья,
которое тоже все время оглядывается
на исток.

[Бродский Т.4: 101]

Песчаные холмы, поросшие сосной ...

То алюминиевый аэроплан,
уместный более среди облаков, чем птица,
стремится к северу....

[Бродский Т.3: 74]

- *рваться*:

Колыбельная Трескового мыса

И здесь перо
рвется поведать про
сходство

[Бродский Т.3: 84]

- *требовать*:

Fin de Siecle

Бег времени *требует* жертвы, развалины.
Баальбек его не устраивает; человек тоже.

[Бродский Т.4: 75]

Средства экспликации значения «собственно желания», входящие в его
ближнюю периферию (глаголы *стремиться*, *норовить*, *рваться*,
требовать), были использованы поэтом 8 раз. Эти средства репрезентации
модальности желательности полностью совпадают с перечнем средств ее
выражения, используемым поэтом до эмиграции. Частотность употребления

перечисленных экспликаторов на протяжении двух этапов творчества также практически не меняется. Исключение составляет глагол *жаждать*, имеющий значение сильного желания и не используемый автором на протяжении второго этапа творчества.

Средствами, репрезентирующими значение «собственно желания» и относящимися к дальней периферии ФСП модальности желательности (см. Приложение 1, Схема 3), являются:

- *глаголы с семантикой желания* (использованы 17 раз):

тянет (в приведенных ниже примерах ближайший поэтический контекст моносемантизирует глагол *тянуть*, актуализируя значение желательности) употреблен 5 раз:

Одному тирану

Но пред тем, как сесть
за столик, как-то *тянет* оглянуться

[Бродский Т.3: 9]

Presepio

И *тянет* зажмуриться, либо —
шагнуть
в другую галактику, в гулкой пустыне
которой светил — как песку
в Палестине

[Бродский Т.4: 107]

Венецианские строфы

Тянет раздеться, скинуть суконный
панцирь,
рухнуть в кровать, прижаться к живой
кости,
как к горячему зеркалу, с чьей
амальгамы пальцем
нежность не соскрести

[Бродский Т.3: 237]

Лидо

О, Средиземное море! после твоей
пустыни
ногу *тянет* запутаться в уличной
паутине.

[Бродский Т.4: 108]

Fin de Siecle

И как-то *тянет* все чаще прикладывать носовой
к органу зрения, занятому листвою,
принимая на свой
счет возникающий в ней пробел.

[Бродский Т.4: 74]

- *скучать* (поэтический контекст также моносемантизирует глагол *скучать*, акцентируя значение желательности):

В городке, из которого смерть

расползалась ...

на столетнем каштане оплывают тугие
свечи,
и чугунный лев *скучает* по пылкой речи

[Бродский Т.3: 133]

Гуернавака

Опричь того, мне хочется домой.

Скучаю по отеческим труппам

[Бродский Т.3: 93]

- *просить*:

Квинтет

В горле першит. Путешественник *просит пить*.

[Бродский Т.3: 151]

- *предпочитать/предпочесть* (видовые формы употреблены 5 раз):

Сан-Пьетро

В холодное время года нормальный звук
предпочитает тепло гортани капризам
эха; и я *предпочитаю* воду,
хотя бы — пресную

[Бродский Т.3: 158]

Чем больше черных глаз, тем больше переносиц ...

Питомец Балтики *предпочитает* Морзе!

[Бродский Т.3: 158]

Доклад для симпозиума

Но, отделившись от тела, глаз
скорей всего *предпочтет* поселиться
где-нибудь
в Италии, Голландии или Швеции

[Бродский Т.4: 63]

Новая жизнь

Глаз *предпочитает* обмылок, чем
тряпочку или пену

[Бродский Т.4: 49]

- *надеяться*:

Муха

Надеюсь всё же, что тебе не больно

[Бродский Т.3: 286]

- *мечтать*:

Эклога 4-я (зимняя)

Зимой, вместо сбора ягод,
затыкают щели кусками пакли,
охотней *мечтают* об общей пользе,
и вещи становятся старше на год

[Бродский Т.3: 198]

- *пытаться* (глагол употреблен 2 раза):

Посвящается Чехову

И Эрлих *пытается* вспомнить,
сколько раз он имел Наталью
Федоровну во сне

[Бродский Т.4: 148]

Остров Прочида

Захолустная бухта; каких-нибудь
двадцать мачт.
<...>

Синий залив *пытается* стать синей.

[Бродский Т.4: 167]

- *девербативы* (использованы 7 раз):

желание, устремление / стремление:

Неоконченный отрывок

Так велико *желание* всего
живущего преодолеть границы,
распространиться ввысь и в ширину,
что, стоит только выглянуть светилу,
какому ни на есть, и в тот же миг
окрестности становятся добычей
не нас самих, но *устремлений* наших

[Бродский Т.3: 37]

Реки

Куда как женственна! и так на жизнь
похожа
ее то матовая, то вся в морщинках кожа
неудержимостью, смятением, грустью,
стремленьем к устью
и к безымянности

[Бродский Т.3: 304]

Открытка с тостом

Желание горькое — впрямь!
свернуть в вологодскую область

[Бродский Т.2: 335]

жажда:

Строфы

Бедность сих строк — от *жажды*
что-то спрятать, сберечь,
обернуться

[Бродский Т.3: 184]

тяга (синонимичен девербативу *стремление* [Словарь синонимов
русского языка: 507]):

Примечания папоротника

Пыль садится на вещи летом, как снег зимой.
В этом — заслуга поверхности, плоскости. В ней самой
есть эта *тяга* вверх: к пыли и к снегу. Или
просто к небытию

[Бродский Т.4: 72]

мечта (синонимичен девербативу *желание* [Словарь синонимов русского языка: 206]):

Fin de Siecle

Вещи в витринах, носящие собственные имена,
делятся ими на
те, которыми вы в состоянии пользоваться, и те,
которые, по собственной темноте
вы приравниваете к *мечте*
человечества ...

[Бродский Т.4: 74]

- *деепричастия* (употреблены 7 раз):

желаю:

Бабочка

и потому
когда летишь на луг
желаю корму,
приобретает форму
сам воздух вдруг

[Бродский Т.3: 23]

норовя (употреблено 2 раза):

Литовский ноктюрн: Томасу

Венцлова

Здесь панует стыдливость. Листва,
норовя
выбрать между своей лицевой стороной
и изнанкой,
возмущает фонарь

[Бродский Т.3: 50]

стараясь (употреблено 2 раза):

Келломяки

И, воробья кормя,
на него там смотрели всею семьей
в окно,
где деревья тоже сливались потом
в одно
черное дерево, *стараясь* перерастить небо
...

[Бродский Т.3: 244]

Элегия

Знаешь, на свете есть
вещи, предметы, между собою столь
тесно
связанные, что *норовя* прослыть
подлинно матерью

[Бродский Т.2: 252]

Архитектура

Ты, в сущности, то, с чем природа
не справилась. Зане она
не смеет ожидать приплода
от валуна,
стараясь прекратить исканья,
отделаться от суеты

[Бродский Т.3: 244]

стремясь (употреблено 2 раза):

Bagatelle

25 декабря 1993

время жизни, *стремясь* отделиться
от времени смерти,
обращается к звуку, к его серебру
в соловье

И чудо свершится. Зане чудеса,
к земле тяготея, хранят адреса,
настолько добраться *стремясь* до конца,
что даже в пустыне находят жильца

[Бродский Т.4: 38]

[Бродский Т.4: 151]

- *краткое прилагательное рад*:

Лагуна

где сфинксов северных южный брат,
знающий грамоте лев крылатый,
книгу захлопнув, не крикнет «ратуй»!,
в плеске зеркал захлебнуться *рад*.

[Бродский Т.4: 151]

- *причастия* (употреблены 4 раза):

старающийся:

Шорох акации

Завоеватель, *старающийся* выговорить
«ча-ча-ча»

[Бродский Т.3: 108]

желающий:

Около океана, при свете свечи

Вечеру у тела, точно у Шивы, рук,
дотянуться *желающих* до бесценной

[Бродский Т.3: 134]

завидующий:

Архитектура

Архитектура, мать развалин, *завидующая* облакам,
чей пасмурный кочан разварен ...

[Бродский Т.4: 98]

предпочитающий:

Наряду с отоплением в каждом доме ...

Отсутствие есть всего лишь
домашний адрес небытия,
предпочитающего в итоге,

под занавес, будучи буржуа,
валунам или бурому мху обои

[Бродский Т.4: 122]

- *устойчивые выражения:*

Новая Англия

Когда-нибудь всем, что видишь, растопят печь,
сделают карандаш или, *Бог даст*, кровать.
Но землю, в которую тоже придётся лечь,
тем более одному — можно не целовать.

[Бродский Т.4: 139]

Отметим, что подкорпус глаголов с семантикой желания, расположенных на дальней периферии ФСП желательности, обогатился следующими примерами: *тянуть* (в значении 'испытывать потребность, позыв к чему-л.' [МАС. Т. 4: 440]), *скучать*, *мечтать*. Соответственно можно сделать промежуточный вывод о том, что лирический субъект речи в различных своих ипостасях испытывает чувство ностальгии, желание перемен (*И тянет зажмуриться, либо — / шагнуть / в другую галактику* («Preserio»); *Скучаю по отеческим трущобам* («Гуернавака»)).

Перечень остальных средств экспликации значения «собственно желания» и во второй период творчества остался прежним, частотность их употребления тоже не изменилась.

Корпус девербативов пополнился существительными *тяга* (*тяга вверх*), *мечта* (*мечта человечества*). Ключевые имена существительные, употребляемые автором на протяжении второго этапа творчества, остались прежними: *желание*, *жажда*, *стремление*.

В целом, в текстах первого этапа творчества Бродского было обнаружено значительно больше глаголов (47 – в текстах первого этапа, 25 – второго) и устойчивых выражений (7 и 1 употребление соответственно), структурирующих ближнюю и дальнюю периферии микрополя желательности. Частотность употребления девербативов, деепричастий и причастий с семантикой желания остается стабильной.

Анализируя численность лексико-грамматических конструкций, структурирующих микрополе «собственно желания» в стихотворениях двух этапов творчества поэта, мы можем сделать следующий вывод: Бродский чаще использовал грамматические ядерные и периферийные средства выражения желательности в поэтических текстах второго этапа творчества. Число периферийных лексических средств экспликации значения «собственно желания» уменьшается в зрелом творчестве поэта практически в два раза (45 и 78 раз соответственно; см. Приложение 2, Диаграмма 1).

Данный факт связан, по нашему мнению, с использованием поэтом одиночных независимых инфинитивов и инфинитивных рядов, эксплицирующих установку «зрелого» Бродского на объективное описание и бесстрастность тона. К тому же грамматические средства репрезентации модальности желательности (в отличие от лексических средств) обладают особым оттенком ирреальности, ослабляя экспликацию желаний субъекта речи и одновременно позволяя автору создавать в текстах лирики новые ирреальные миры.

2.2. Языковые средства выражения

«желания, сопряженного с побуждением»

2.2.1. Грамматические средства выражения

«желания, сопряженного с побуждением»

Значение «желания, сопряженного с побуждением», выраженное **ядерными компонентами** ФСП желательности (то есть формами сослагательного наклонения и конструкцией «инфинитив + бы»), не было эксплицировано в лирике Бродского периода эмиграции. Данная семантика

была репрезентирована формами повелительного наклонения: императивами второго и третьего лица.

Заметим, что императив, обращенный к конкретному лицу, употреблен поэтом в 36 стихотворениях (124 раза). Как было отмечено ранее, в императивных ситуациях, адресатом волеизъявления в которых является лицо, модальное значение желательности имплицировано. Подробно рассмотрим случаи употребления императивов в оптативно-побудительном значении.

Оптативно-побудительный тип высказываний, обращенных к божеству, животному, насекомому или к чему-либо неодушевленному, а также к пространству, репрезентирован в лирике Бродского периферийным средством микрополя желательности – формами императива второго лица и употреблен 20 раз в 8 стихотворениях (см. Приложение 1, Схема 4).

Бабочка

На крылышках твоих
зрачки, ресницы —
красавицы ли, птицы —
обрывки чьих,
скажи мне, это лиц
портрет летучий?

[Бродский Т.3: 21]

Пятая годовщина

Скрипи, мое перо, мой коготок, мой
посох.
Не подгоняй сих строк: забуксовав
в отбросах,
эпоха на колесах нас не догонит,
босых.

[Бродский Т.3: 150]

Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной

спой мне песню о том, как шуршит
портьера,
как включается, чтоб оглушить
полтела, тень ...

[Бродский Т.3: 170]

Римские элегии

Бейся, свечной язычок, над пустой
страницей,
трепеци, пригинаем выдохом
углекислым,
следуй — не приближаясь! —
за вереницей
литер, стоящих в очередях за смыслом.

[Бродский Т.3: 230]

Памяти Геннадия Шмакова
Извини за молчанье. Теперь
ровно год, как ты нам в киловаттах
выдал статус курей слеповатых
и глухих - в децибелах - тетерь.

[Бродский Т.4: 59]

**Мир создан был из смешенья грязи,
воды, огня ...**

И повинуюсь воплю «*прочь! убирайся!*
вон!
с вещами!»), само пространство
по кличке фон
жизни, сильно ослепнув от личных дел,
смещается в сторону времени, где
не бывает тел.

[Бродский Т.4: 95]

Подражание Горацию
Лети по воле волн, кораблик.
Твой парус похож на помятый рублик.
Из трюма доносится визг республик.
Скрипят борта.

[Бродский Т.4: 155]

Fin de Siecle
Проф.
бубнит, тыча пальцем вверх, о слоях
земной
атмосферы, что объясняет зной,
а не как из одной
точки попасть туда, где к составу туч
примешиваются наши «*спаси*», «*не
мучь*»,
«*прости*», вынуждая луч
разменивать его золото на серебро.

[Бродский Т.4: 76]

В приведенных примерах, как и в текстах первого периода творчества, формы повелительного наклонения служат средством экспликации не побуждения, но, скорее, сильного желания говорящего.

Особо стоит отметить использование императивных форм глагола как строевых элементов более сложных поэтических фигур:

- **метонимии:**

Пятая годовщина
Скрипи, мое перо, мой коготок, мой посох

[Бродский Т.3: 150]

- **развернутой метафоры**, положенной с основу лирического сюжета стихотворения:

Подражание Горацию

Лети по воле волн, кораблик.
Твой парус похож на помятый рублик
Из трюма доносится визг республик.
Скрипят борта.

[Бродский Т.4: 155]

- олицетворения:

Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной...

Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной,
спой мне песню о том, как шуршит портьера

[Бродский Т.3: 170]

Частотность употребления императивных форм глаголов второго лица в оптативно-побудительной функции в текстах стихотворений второго периода творчества автора снизилась в три раза (60 императивных форм в поэтических текстах первого периода, 20 – второго). Случаи употребления императивных форм третьего лица в зрелых произведениях поэта отсутствуют, до эмиграции их число составляло 47 (см. Приложение 2, Диаграмма 2).

Значение «желания, сопряженного с побуждением» на лексическом уровне в стихотворениях указанного периода эксплицировано не было.

2.3. Грамматические (синтаксические) средства выражения значения «желания, сопряженного со значениями условия, цели, сравнения»

Приведем примеры, в которых реализуются значения «условие + желание», «желание + сравнение», «желание + цель» (см. Приложение 1, Схема 6).

Значение «условие + желание»:

Муха

Будь помоложе ты, я б взор направил
туда, где этого в избытке. Ты же
стара и ближе.

[Бродский Т.3: 286]

Итака

Хочешь, скинь с себя пропотевший
хлам;
но прислуга мертва опознать твой
шрам.

[Бродский Т.4: 138]

Письма римскому другу

Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.

[Бродский Т.3: 11]

Значение «**желание + сравнение**»:

В воздухе — сильный мороз и хвоя ...

В воздухе — сильный мороз и хвоя.

Наденем ватное и меховое.

Чтоб маяться в наших сугробах с торбой —
лучше олень, чем верблюд двугорбый.

[Бродский Т.4: 168]

Значение «**желание + цель**»:

Михаилу Барышникову

Лучше, видно, *остаться*. *Лечь*, постелив на сене,
чтобы плавающий при свечах в теплом, как суп, бассейне
чью каплю еще хранит ресница,
знал, где найти нас, решив присниться.

[Бродский Т.4: 120]

Шорох акации

Лучше пойти пройтись, нагулять аппетит.

[Бродский Т.3: 107]

Муха

то будет жертвой, но твоей душою,
летающею совпасть с чужою
личинкой, *чтоб* явить навозу
метаморфозу.

[Бродский Т.3: 289]

Римские элегии

Выпьем чаю, лицо, *чтобы* раздвинуть
губы.

[Бродский Т.3: 231]

Стрельна

Или — сменив кокарду
на звезду в головах — *ограничить* себя
воздушным,
чтоб воскреснуть, к губам прижимая,
точно десантник, карту.

[Бродский Т.4: 32]

Fin de Siecle

и, услышавши это, *хочется* бросить
рыть
землю, сесть на пароход и плыть,
и плыть — не с *целью* открыть
остров или растение, прелесть иных
широт,
новые организмы, но ровно наоборот;
главным образом — рот.

[Бродский Т.4: 77]

Метель в Массачусетсе

*Набери, дружок, этой вещи в горсть,
чтоб прикинуть, сколько до Бога
вёрст.*

<...>

*Хоть приёмник включить, чтоб
он песни пел.*

А не то тишина и сама — пробел.

[Бродский Т.4: 93]

В воздухе — сильный мороз и хвоя

*Помянем нынче вином и хлебом
жизнь, прожитую под открытым
небом,
чтоб в нем и потом избежать ареста
земли — поскольку там больше места.*

[Бродский Т.4: 168]

Грамматические (синтаксические) средства экспликации значения желания, сопряженного с семантикой других категорий, были использованы Бродским в 19 стихотворениях (19 раз), то есть практически в два раза чаще, чем в стихотворениях первого этапа творчества (см. Приложение 2, Диаграмма 4).

2.4. Средства экспликации значения пожелания чего-либо

К использованию речевому жанру пожелания Бродский редко обращался в течение всей своей творческой жизни. В лирике первого периода творчества нами было зафиксировано 19 случаев употребления устойчивых выражений со значением пожелания. В поэзии второго этапа творчества – только 2 (*Будь здоров!* и *Будь ты проклят*). В стихотворениях «Памяти Геннадия Шмакова» и «На смерть друга» функционируют 4 потенциальных образований Бродского со значением пожелания.

Средства представления значения пожелания, зафиксированные нами в лирике Бродского второго периода творчества, таковы (см. Приложение 1, Схема 7, Схема 8):

- устойчивое выражение со значением пожелания добра:

«Келломьяки»

Заблудившийся в дюнах, отобранных у чухны,
городок из фанеры, в чьих стенах едва чихни —
телеграмма летит из Швеции: *«Будь здоров»*.

[Бродский Т.3: 243]

- устойчивое выражение со значением пожелания зла:

«Август»

Поэтому долго смеркается. Вечер обычно отлит
в форму вокзальной площади, со статуей и т. п.,
где взгляд, в котором читается *«Будь ты проклят»*,
прямо пропорционален отсутствующей толпе.

[Бродский Т.4: 204]

- индивидуально-авторское выражение со значением пожелания, образованное по структурной аналогии с устойчивыми выражениями типа «Будь счастлив»:

«Памяти Геннадия Шмакова»

жизнь свою, как исписанный лист,
в пламя бросивший – *будь беспределен*, –
повсеместен, почти *уловим* –
мыслью вслух, как иной небожитель.

[Бродский Т.4: 59]

В стихотворении поэт, следуя модели «оптативно-побудительная форма *будь* + краткая форма прилагательного», обращается с пожеланиями к умершему другу (*будь беспределен*, *будь повсеместен*, *будь уловим*) как к небожителю.

- *da*-конструкция со значением пожелания:

На смерть друга

да лежится тебе, как в большом оренбургском платке,
в нашей бурой земле, местных труб
проходимцу и дыма, понимавшему жизнь,
как пчела на горячем цветке,
и замерзшему насмерть в параднике Третьего Рима.

[Бродский Т.3: 58]

Внедрение в конструкцию «побудительная частица *да* + форма глагола настоящего времени» статального глагола *лежится* меняет узуальное

пафосное оптативно-побудительное значение этой формы (например, *Да здравствует!*) на непафосное, интимное пожелание упокоения (*да лежится тебе*), ассоциатом которого является устойчивое выражение-пожелание *пусть земля будет пухом*.

Выводы

По результатам материалов, представленных во второй главе, можно сделать следующие выводы.

Конситуации, эксплицирующие желательность, в поэтических текстах Бродского встраиваются в модели, в которых говорящий:

- эксплицирует собственное желание субъекта речи (*Я хотел бы жить, Фортунатус, в городе, где река высывалась бы из-под моста, как из рукава — рука*);

- прямо или косвенно побуждает другого к действию (*Разрывай мои сны, если хочешь*);

- говорит о желании, испытываемом другим (*будто вижу, как ты — словно от сна немая — / жаждешь сном отделить корни сии от кроны*);

- адресует другому свое пожелание (*Дай вам Бог того, что мне ждать поздно*).

- особо следует отметить высказывания, выполняющие автокоммуникативную функцию (*Полно петь о любви, пой об осени, старое горло!*).

Частотность употребления ядерных средств экспликации значения «собственно желания» как грамматического, так и лексического уровней, остается стабильной на протяжении всего творчества поэта:

- 14 раз употреблены ядерные грамматические средства экспликации модальности желательности до 1972 года, 33 раза – после с учетом того, что 23 из них были функционируют в стихотворении «Развивая Платона» (см. Приложение 2, Диаграмма 1);

- 16 и 13 раз были использованы ядерные лексические средства экспликации значения «собственно желания» (см. Приложение 2, Диаграмма 1).

Ядерные грамматические средства экспликации модальности желательности (формы сослагательного наклонения глагола в оптативной функции, формы несобственно сослагательного наклонения), являющиеся специализированным средством грамматического выражения анализируемой категории, используются поэтом исключительно для передачи модального значения «собственно желания».

В стихотворениях первого этапа творчества Бродский гораздо более активно использует лексические возможности языка для экспликации значений «собственно желания»: 78 раз на протяжении первого этапа творчества, 45 – второго (см. Приложение 2, Диаграмма 1). К ним относятся глаголы с семантикой желания: *норовить, рваться, стремиться, стараться*; девербативы: *желание, стремление, надежда*, деепричастия: *надеясь, стремясь*, устойчивые выражения *слава Богу, Господь его храни* и т.д.

Спектр глаголов с семантикой желания, репрезентированных в текстах поэта второго этапа творчества и расположенных на дальней периферии ФСП модальности желательности, пополняется глаголами *тянут, скучать, мечтать*.

Перечень остальных средств экспликации значения «собственно желания» остался прежним, частотность употребления по сравнению с первым периодом творчества не изменилась (см. Приложение 1, Диаграмма 1).

Корпус девербативов второго этапа творчества пополнился существительными *тяга, мечта*. Ключевыми девербативами в контексте всего творчества поэта, образованными от наиболее часто употребляемых глаголов с семантикой желания, являются существительные *желание, жажда, стремление*.

Факт использования в раннем творчестве Бродского преимущественно лексических средств выражения желательности обусловлен, главным образом, решением поэта сделать героем лирики личность, активную в своих желаниях, стремящуюся к ментальным, вербальным, визуальным, двигательным, социативным действиям. Преобладание ядерных грамматических средств экспликации значения «собственно желания» над лексическими на протяжении второго этапа творчества поэта сигнализирует о доминантной роли ирреальной модальности.

Количество употребления императивных форм глагола второго и третьего лица значительно сокращается в творчестве поэта после 1972 года. Как следствие, семантика «желания, сопряженного с побуждением», эксплицирована в позднем творчестве поэта 107 раз до 1972 года и 20 раз – после (см. Приложение 2, Диаграмма 2). Кроме того, в гарнитуру средств выражения желания-побуждения до 1972 года входили компоненты лексического уровня (например: *Прочь, прочь, ночной простор... / прочь, прочь, звезда над каждой черной кроной*), после – исключительно грамматические средства (см. Приложение 2, Диаграмма 2).

Необходимо отметить семантическую значимость и «эстетическую нацеленность» независимых инфинитивов и инфинитивных конструкций в контексте позднего творчества поэта. Инфинитивные ряды являются не только способом структурирования лирического сюжета стихотворения, ритмо- и смыслообразующими компонентами, но и становятся способом экспликации модальности желательности.

В частности, независимые инфинитивные конструкции без частицы *бы*, выступают периферийными грамматическими средствами репрезентации значения «собственно желания» в творчестве автора после 1972 года (*Воротиться сюда через двадцать лет, / отыскать в песке босиком свой след*). В соответствии с творческими установками «зрелого» Бродского (отсутствие эмоциональности, ориентация на максимально объективное изображение действительности, нейтральность тона, следование традициям

«интеллектуальной поэзии»), наиболее продуктивным средством выражения модальности желательности является *независимый инфинитив*. Именно употребление инфинитивных серий, порождая мощную инерцию текста, выполняет не только несомненную эстетическую функцию, но и служит средствами имплицитного выражения значения «собственно желания».

Семантика «неосуществимого желания, обращенного к прошлому», не репрезентирована в стихотворениях Бродского до 1972 года. В «зрелом» творчестве автора это значение представлено единожды – в стихотворении «Одиссей Телемаку» (*Когда б не Паламед, мы жили вместе*). Данная семантика, репрезентированная ядерными грамматическими средствами экспликации оптативности, транслирует сожаление лирического героя о прошлом, о невозможности жизни с сыном и носит, вероятно, автобиографический характер.

ГЛАВА III. КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ИОСИФА БРОДСКОГО В АСПЕКТЕ МОДАЛЬНОСТИ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЙ КАТЕГОРИИ

Исследователи творчества И. Бродского отмечают следующие константы его «зрелой» лирики: нейтральность тона, редкое употребление личных местоимений в стихотворных текстах поэта и, как следствие, имперсональность его произведений, объективность описания окружающего мира [Ахапкин 2018; Полухина 2009; Ранчин 2016, Соколов 2021]. Вероятно, указанный факт связан с намерением Бродского, уйдя от романтической поэзии, основанной на «гипертрофированном эмоциональном переживании, оторванном от реального опыта» [Соколов 2021: 11], следовать в своем творчестве канонам «интеллектуальной», «метафизической» школы. «Интеллектуальная» поэзия привлекает Бродского, прежде всего, антиромантическими чертами, в том числе «возможностью мыслить в стихе, а не иллюстрировать мысль стихотворением» [Там же: 15]. Теоретики метафизической школы утверждали, что «художник, выражающий свою индивидуальность, замыкается в рамках своего «я» и изолирует себя от мира» [Там же: 12], становясь тем самым «второразрядным» творцом. Подлинный, по их мнению, поэт не позволяет личным взглядам и интересам проникнуть в текст, создавая произведения в единстве имперсонального переживания и жесткой поэтической формы. Бродский высказывался по этой теме следующим образом: «Стихотворение есть проявление самоуничтожения, а не самооправдания. Но нужно помнить, что явится некий язвительный насмешник и посмеется над скорбью поэта. Чтобы избежать такой перспективы, поэт должен ... писать на метафизическом уровне, который выше личных эмоций. Можно писать с гневом, но адресовать его надо человеческой природе, которой и мы с вами принадлежим» [Lamont: 564]. Именно поэтому ряд критиков относит Бродского к поэтам-классикам или поэтам-неотрадиционалистам, для которых искусство – «это особый мир,

требующий «незаинтересованного созерцания», отделенный от волевых стремлений и оценок» [Жирмунский 1977: 136].

И.И. Ковтунова, рассуждая о природе лирики, отмечает, что творчество многих поэтов «имеет сверхличное значение, оно обращено к миру». По мысли исследователя, лирическое «я» «в равной степени охватывает мир внутренний и мир внешний, разрушая границы между ними. Собственная личность становится лишь частью мира» [Ковтунова 1986: 15]. Таким образом, размывая границы между лирическим «я» и миром вокруг, поэзия служит не только инструментом самораскрытия автора, но и средством описания вещей, лиц и событий. Парадокс лирики как рода литературы заключается в том, что даже при нейтральном, бесстрастном описании мира вокруг «это не взгляд со стороны, а взгляд изнутри, соприсутствие и сопричастность тому, о чем пишет лирический поэт» [Там же: 17]. Таким образом, несомненно верное, по нашему мнению, утверждение вступает в противоречие с поэтическими установками Бродского – за бесстрастностью тона, отстраненностью лирического героя неизменно скрывается имплицитное авторское «я» со своей системой ценностей, личным взглядом на мир, эмоциональностью, оценочностью.

Анализируя далее стихотворения Бродского двух этапов творчества, содержащие лексические, грамматические ядерные и периферийные средства выражения модальности желательности, постараемся опровергнуть тезис об имперсональности лирики поэта. Отразим связь между средствами экспликации модальности желательности и другими модальными категориями (долженствования, необходимости, невозможности, возможности, нежелания), между модальностью желательности и дейктическими языковыми средствами, опишем текстообразующую функцию модальности желательности, а также ее роль в репрезентации индивидуально-авторской картины мира поэта.

§ 1. Доминирующие черты художественной системы Иосифа Бродского

Творчество Иосифа Бродского, по единогласному мнению, исследователей, представляет собой мировоззренческий и стилистический феномен. Доминирующими темами и мотивами творчества поэта стали как универсальные мотивы (конечности жизни на фоне бесконечности времени [Ахапкин 2018], необходимости движения [Куллэ 1996], упадка «культуры и ее традиционных духовных основ» [Верхейл 2002: 55]), так и личностно-ориентированные мотивы («отчуждения “Я” от других и от бытия в целом» [Ранчин 2016: 117], «тема неизбежного и вечного расставания, разрыва» [Александрова 2017: 142]; в зрелом творчестве – припоминания, узнавания и одновременно с этим забывания [Ахапкин 2018], опыт «переживания смерти» и старения [Полухина 1997: 222-224]).

По мнению В.А. Куллэ, «в поэтическом мире Бродского альтернативой смерти, которой чревато столкновение и с линейным, и с “чистым Временем”, является сохранение своей индивидуальности, чья высшая форма – поэтическое творчество, т.е. служение Языку» [Куллэ 1996: 23]. Об этом же говорит Д.Н. Ахапкин: «...основной конфликт поэзии Бродского может быть представлен как конфликт времени, которое разрушает мир, с языком, который этот мир создает» [Ахапкин 2002: 23-24].

Основной чертой его самоопределения как поэта стал синтез трагического взгляда на мир с объективной и бесстрастной манерой письма (более подробно об этом см.: [Ранчин 2016; Полухина 1997, Плеханова 2021]). При этом «поэтика Бродского живет постоянно действующим противоречием рационального и художественного типа мышления, каждый из которых стремится победить – и не одерживает победы» [Служевская 2000: 33]. Иначе, но о той же особенности поэтики Бродского пишет М. Гельфонд: «Стихи Бродского внерациональны в той же степени, в которой рациональны; жесткие итоговые формулы в них неизменно подготавливаются суггестивным воздействием детали» [Гельфонд 2006: 73].

Принципиально важными чертами художественной системы Бродского также являются:

- сочетание в поэтической практике творческих и стилистических установок классицизма (предполагающего сосредоточенность на вечных темах, неприятие излишнего пафоса, ориентацию на античные образцы, возвышение разума) и модернизма (тяготеющего к использованию приемов коллажа и пастиша, пародии на романтическое начало, игре со временем и пространством, использованию принципа поэтической маски);

- вживание в лирический нарратив аллюзий и реминисценций одновременно на английских поэтов-метафизиков, поэтов-романтиков и авторов «серебряного века»;

- переосмысление сюжетов Античности с точки зрения современности и наоборот.

Существует ряд исследований, посвященных интертекстуальным связям лирики Бродского с предшествующей литературной и философской традицией. Так, А.М. Ранчин в работе «На пиру Мнемозины: интертексты Бродского» анализирует интертекстуальные связи лирики Бродского с русской и англо-американской литературной традицией, философией и культурой. А.М. Ранчин проводит анализ таких составляющих поэтической системы Бродского, как словесная игра, приемы «математизации», уравнивание вещи и знака, автоцитирование, переадресованная цитата, цитата-перекличка, гиперцитата и т.д. [Ранчин 2001].

Размышляя об особенностях творчества Бродского, Д.Н. Ахапкин отмечает, что поэту удалось создать «разнородный и разновременной материал», объединяющий в себе русскую и англоязычную поэтические традиции [Ахапкин 2017]. Американский славист Д. Бетеа разрабатывает концепцию «треугольного зрения» Бродского, подразумевая под данным термином объединение в рамках текстов поэта русскую и западную поэтическую концепции, где третьей «вершиной» указанной фигуры является личность Бродского, синтезирующая две полярные языковые

традиции [Vethea 1994: 48—73]. В своих исследованиях Д. Бетеа описывает взаимодействия «близкого» и «дального» претекстов в зрелом творчестве Бродского, отдельное внимание уделяя анализу концепта «изгнание» в творчестве поэта как «результата взаимодействия мандельштамовских и дантевских кодов» [Соколов 2021: 21], благодаря совмещению которых результирующий текст оказывается подобен двойному палимпсесту.

Исследователями творчества поэта были рассмотрены как философские, мировоззренческие аспекты стихотворений Бродского, так и особенности формы, поэтики, композиции, синтаксиса, ритмической организации, лексической наполненности текстов (см., например: [Полухина 2009.; Семенов 2003]).

Метафору Бродского, как явление, структурирующее одновременно лингвистический, композиционный и содержательно-концептуальный уровни текста, подробно анализировала В. Полухина, применив при этом синтактико-грамматический метод выделения тропов [Полухина 1995]. Опираясь на когнитивную теорию метафоры Дж. Лакоффа и сопоставляя ее с языковой теорией Бродского, представленной в многочисленных высказываниях на лингвистические темы и «в некоторых особенностях образной системы поэтических текстов», Д.Н. Ахапкин исследовал филологическую метафору Бродского (более подробно об этом см.: [Ахапкин 2002]).

К работам о поэтическом синтаксисе Бродского, можно отнести статью Д. Сирика «Структура и интонация у Бродского», монографию М. Крепса «О поэзии Иосифа Бродского». Авторы исследований отмечают сложность синтаксической структуры, значимость ритмической и интонационной организации поэтических текстов Бродского. Д. Сирик обращает внимание на сложность и жесткость строфы поэта, напоминающей строгие формы средневековой лирики [Сирик 1999]. М. Крепс говорит о смысловой значимости анжамбеманов в ряде стихотворений автора [Крепс 1984].

А.К. Жолковский в статье «Бродский и инфинитивное письмо» исследует инфинитивные стратегии лирики поэта и делает вывод о том, что в поэме «Шествие» смысловые акценты поставлены не на топос «сна/смерти», а на «медитации о смерти и альтернативности жизненных вариантов» [Жолковский 2000]. Интерпретируя инфинитивные стратегии в поэме Бродского «Зофья», А.Р. Галимуллина и М.Г. Милютинина отмечают, что поэт выразил свое мировидение посредством именно инфинитивных конструкций, структурирующих модально-временные модели, «на которых основан особый семантический эффект внутренней речи – поток сознания» [Галимуллина, Милютинина 2019: 49].

Анализу коммуникативной модели произведений поэта, компонентами которой являются собственно автор (создатель текста), лирическое произведение, идеальный (абстрактный) читатель, посвящена работа И.В. Романовой «Субъектно-объектная структура лирики Бродского». В результате организации коммуникативной структуры поэтического текста оформляется сложная система его субъектно-объектных отношений: в спектр выражений лирического субъекта могут входить говорящий неопределенного статуса, «я» в форме ролевого персонажа или «лирического героя», субъектные формы «ты» и «вы», выполняющие автокоммуникативную функцию [Романова 2012].

Рассмотрению лирической коммуникации стихотворений Бродского уделяет внимание Я.Ю. Двоенко, отмечая, что их лирический субъект и адресат «могут быть проявлены в разной степени – от полноценных образов до редуцированных» [Двоенко 2017: 34].

В нашей работе через анализ языковых средств выражения ситуативной модальности, в частности, модальности желательности, мы попытаемся описать роль лексико-грамматических средств ее экспликации в структуре стихотворений поэта, а также установить значение средств выражения указанной категории в репрезентации его картины мира.

Иными словами, в фокус нашего исследовательского интереса вошли случаи «диалога языковой и поэтической структур», в результате которого сформировались «лингвопоэтические факты, которые необходимо рассматривать в обоих – лингвистическом и поэтическом – аспектах» [Гин 1992: 12], имея в виду выход на более высокий, ценностный уровень интерпретации произведений поэта.

Понятия «картина мира», «языковая картина мира», «ценностная картина мира» мы понимаем как сопряженные, так как они воссоздают образ окружающего мира в сознании личности, апеллируя к ее аксиологическим установкам. Термин «ценностная картина мира» трактуется нами как характеристика «системы идеалов, задающих представление о том, каким мир должен быть или стать» и с «которыми субъект соотносит существующее положение вещей» [Солодилова, Перевалов, 2018: 183]. Соглашаясь с приведенной трактовкой категории, отметим, что понятие «ценностная картина мира», к которому мы будем апеллировать далее в тексте работы, является более узким и, соответственно, более точным и емким.

§ 2. Комплексный анализ стихотворений Иосифа Бродского с модальной доминантой желательности 1957-1971 годов

Параграф посвящен комплексному анализу таких стихотворений Бродского, как «Мы снова проживаем у залива...», «Пророчество», «Письма к стене», «Письмо в бутылке». Выбор текстов обусловлен как широким спектром грамматических и лексических средств выражения модальности желательности, представленных в названных стихотворениях, так и жанровой, тематической разноплановостью стихотворений: от сонета до письма-послания, от философических размышлений о главных вопросах бытия человека / человечества до переживаний субъекта речи сугубо личного характера.

Основные источники поэтического творчества определяются исследователями таким образом: «“моя жизнь”, “жизнь моего alter ego” (он же “лирический герой”, он же “персона”) и “жизнь мифологического героя”; или для краткости: жизнь, фантазия, миф» [Крепс 1984: 144]. Иными словами, основой для творчества поэта может стать его частная жизнь, «его непосредственный личный опыт, данный или в чистом виде “от себя”, или опосредствовано “от лирического героя”, или через “миф”» [Там же]. Нам представляется важным проследить реализацию приведенного тезиса в творчестве Бродского.

Ряд исследователей поэтических текстов Бродского, указывая на «корреляцию между биографией и творчеством поэта» [Лосев 2008: 53], интерпретирует творчество как канал транслирования автором своей мировоззренческой позиции (см., например: [Колобаева 2015; Косвинцев 2014; Полухина 2009; Смит 2012]).

На сегодняшний день нет единого мнения о степени проявления личности Бродского в его творчестве. Так, С.А. Лурье отмечает, что в стихотворениях автора «нет автопортрета, нет отношений с самим собой», напротив, в них наблюдается «децентрализация сознания, и от этого действительность развеществляется» [Лурье 1988: 120-121]. По мнению М.Н. Косвинцева, лирический субъект Бродского «фрагментарен и противоречив, но при этом он всегда находится в рамках концептуальных воззрений самого автора, что, собственно говоря, и делает его “цельным” и “стройным”» [Косвинцев 2017: 33]. Иными словами, проекция автопортрета поэта присутствует во всех его произведениях. В. Полухина, не занимая ни одну из приведенных позиций, утверждает (и мы солидарны с ее мнением), что «до сих пор не найдены надежные критерии для установления расхождений и тождества между “я”- описываемым и “я”- описывающим» [Полухина 2009: 43].

А.А. Чевтаев отмечает, что в поэтических текстах Бродского повествование «чаще всего реализуется в форме лирического нарратива, в

структуре которого ментальное состояние лирического субъекта процессуально соотносится с событийным развертыванием внешних обстоятельств» [Чевтаев 2017: 40].

Далее в работе мы будем классифицировать средства репрезентации субъектных отношений в лирике поэта, опираясь на концепцию В.Я. Малкиной. Исследователь градуирует лирический субъект следующим образом: *внеличный субъект* (высказывание продуцируется третьим лицом, субъект речи грамматически не выражен), *несобственно-личный субъект* (субъект речи репрезентирован посредством личного местоимения *я*, предметом описания является «картина и ее переживание» [Малкина 2023: 25]), *собственно-личный субъект* (в фокусе внимания субъекта речи, репрезентированного личным местоимением *я*, находится производитель речи), *ролевой субъект* (мир репрезентирован глазами другого при помощи *я-конструкций*), *всеобщее «мы»* (люди, народ и проч.), *составное «мы»* (в данном случае «мы» дробится на «я» и «ты»), *слитное / неделимое «мы»* (лирический субъект целен, является носителем единой картины мира), *неосинкретический субъект* («субъектные границы нечеткие, они размываются или стираются» [Там же], для такого субъекта характерна смена точек зрения и форм речи), *трансгрессивный субъект* (субъект речи стремится к исчезновению и, как следствие, преодоление границ между жизнью и смертью), *номадический субъект* (конкретный референт у «я» и «мы» отсутствует) (более подробно о данной классификации см.: [Малкина 2023]).

Именно такая особенность лирики поэта характеризует его стихотворение, датированное 1962 годом и описывающее мыслимый субъектом речи идиллический мир.

«Мы снова проживаем у залива»

Мы снова проживаем у залива,
и проплывают облака над нами,
и современный тарыхтит Везувий,
и оседает пыль по переулкам,

Так я хотел бы в этот бедный час
приехать на окраину в трамвае,
войти в твой дом,
и если через сотни лет

и стекла переулков дребезжат.
Когда-нибудь и нас засыпет пепел.

придет отряд раскапывать наш город,
то я хотел бы, чтоб меня нашли
оставшимся навек в твоих объятьях,
засыпанного новой золой.

[Бродский, Т.1: 188]

Текстообразующую роль модальности желательности в этом стихотворении играют средства экспликации персонального дейксиса, представленного в «местоименной структуре» текста [Лотман 1996: 91]: личные местоимения 1 л. мн.ч. *мы* и его супплетивные формы Тв. (*нами*) и Вин. (*нас*) падежей, 1 л. ед.ч. (*я*), а также притяжательные местоимения *твой*, *твоих*, представляющие второго участника лирической коммуникации – возлюбленную субъекта речи. «Составное ‘*мы*’, распавшись на *я* и *ты*, становится «семантическим и ... структурным центром высказывания», приобретая субъективно-модальную оценку [Опарина 2012: 45]. Указанным способом Бродский акцентирует внимание читателей на значимости заявленных желаний субъекта речи. Значение «собственно желания» выражено повтором ядерного лексико-грамматического средства модальности желательности: л-формой модального глагола *хотеть* + частицей *бы* (*я хотел бы*).

Форма сослагательного наклонения выражает желания направленного движения субъекта речи (*приехать на окраину в трамвае*), войти в дом возлюбленной (*войти в твой дом*) и быть с ней в настоящем, будущем и вечности (*чтоб меня нашли / оставшимся навек в твоих объятьях*), то есть прочерчивает маршрут любви в пространстве и времени, отпущенных человеку не только в жизни, но и в смерти. Лирический субъект хочет оставаться с возлюбленной не только в настоящем, линейном отрезке времени, но быть с ней рядом во вневременном, вечном «всегда».

Кроме обращения к теме собственного «я», поэт благодаря актуализации элементов локального и темпорального дейксиса затрагивает в произведении комплекс константных для его творчества тем: времени,

пространства, смерти. Пространство возможного мира стихотворения структурируется посредством лексем *залив, облака, Везувий, переулки, окраина, дом*. С одной стороны, дейктики *залив, Везувий* маркируют Неаполь как локус ситуации. С другой стороны, наречие времени *когда-нибудь*, употребленное в ближайшем поэтическом контексте с маркерами локального дейксиса, расширяет художественное пространство стихотворения от описания конкретного города *здесь и сейчас* до создания топоса, обобщенно представляющую встречу со смертью: *Когда-нибудь и нас засыпет пепел*.

Поэт выделяет предложение «*когда-нибудь и нас засыпет пепел*», переключив речеведение с описания течения условно-реальной жизни героев в настоящем времени на их будущее постмортальное состояние.

Пласт настоящего времени передается средствами темпорального дейксиса: глагольными формами настоящего времени, одни из которых имеют значение расширенного настоящего и эксплицируют плавное течение жизни людей и природы (*мы проживаем, пыль оседает*), а другие глаголы (*тарахтит, дребезжат*) нарушают, «дробят» эту плавность тревожными звуками – ведь это из недр Везувия раздается тарахтение. И почему *дрезжат стекла переулков*? Не от колебаний ли почвы?

Пласт неопределенно далекого будущего отмечен синтетической формой будущего времени совершенного вида *засыпет* и обстоятельственным временным дейктиком – местоименным наречием *когда-нибудь*.

Локальный и одновременно темпоральный дейктический маркер *Везувий* символизирует не просто незыблемость, древность, вечность природного объекта, но и хрупкость жизни, катастрофу, которая всегда рядом. *Везувий* – символ, но и предметное, наглядное свидетельство постоянного присутствия смерти в жизни человека. Тему смерти развивают вещественные существительные *пепел, зола* (ассоциатом которых является слово *тлен*), употребленные в ближайшем контекстном окружении с уже упомянутым глаголом смерти *засыпет*.

Синонимичные *пепел* и *зола*, становясь частью перифраза, символизируют то, что остается после извержения вулкана – смерть. Понимая смерть как трагическую неизбежность, поэт эксплицирует желание говорящего: встретить смертный час в объятиях любимой: остаться *навек в твоих объятиях*. Употребляя наречие времени *навек* в ближайшем контексте со средствами экспликации модальности желательности, поэт проводит мысль о том, что вечность преодолевает конечность земной жизни.

Время структурируется в тексте стихотворения при помощи следующих словоформ: *снова, современный, когда-нибудь, этот час, через сотни лет, навек*. Наречие времени *снова* – ‘заново, с самого начала’ [МАС. Т. 4: 166], в ближайшем контексте с глаголом *проживаем* репрезентирует значение цикличности, повторяемости названного действия. Прилагательное *современный* функционирует в контакте с глаголами настоящего времени, в котором разворачивается лирический сюжет стихотворения: здесь и сейчас. Слово сочетание *через сотни лет*, местоименное наречие *когда-нибудь*, напротив, указывают на отдаленную временную перспективу, а наречие времени *навек* – на вневременность, постоянство происходящего. Синтагма *в этот бедный час* является временным дейктиком с двойной функцией: с одной стороны, фраза – мета смертного часа, времени будущей катастрофы; с другой, это некая временная нить, которая соединяет настоящее (субъект лирики говорит *этот* час, а не *тот* час) и неизбежно трагическое будущее.

Таким образом, Бродский благодаря использованию в рамках одного стихотворения дейктических единиц, структурирующих различные временные координаты (*современность, настоящий момент, цикличность времени, временная перспектива, вечность*), охватывает не просто линейный отрезок времени, но бытие в целом. Это дает возможность субъекту речи мечтать «о будущем, имея при этом в виду глубокую древность» [Федотов, Феофанова 2023: 42].

Немаловажную роль в стихотворении играет его ритмико-синтаксическая организация. Стихотворение написано пятистопным ямбом,

разбиваемым в девятом и десятом стихе своими укороченными вариантами – двух и четырехстопным ямбом. Такой перебой, нарушая ритмическую инерцию текста, акцентирует читательское внимание на значимых для поэта местах стихотворения (более подробно см.: [Холшевников 1991: 209–224]. Перебой приходится на высказывания «*войти в твой дом*» и «*и если через сотни лет*», находящиеся в ближайшем контексте со средствами репрезентации модальности желательности (Так я *хотел бы* в этот бедный час / приехать на окраину в трамвае), и не только разделяет два временных пласта (настоящее и будущее), но и выражает главное желание лирического субъекта – быть рядом с любимой сейчас и всегда. Семантика собственно желания усложняется в приведенном стихотворном контексте значением условия: *и если через сотни лет / придет отряд раскапывать наш город / то я хотел бы чтоб меня нашли / засыпанного новой золой*.

Итак, для экспликации модальности желательности как текстообразующей категории в анализируемом стихотворении характерна «системная избыточность» [Романова Т. 2003: 15], означающая, что концептуальные смыслы (конечность жизни и бесконечность любви) формируются и выражаются многими средствами: модальной доминантой желательности – формой сослагательного наклонения в оптативном значении, средствами персонального, темпорального и локального дейксиса, строфической и версификационной организацией текста.

«Пророчество»

Жанровая специфика стихотворения «Пророчество», датированного 1965 годом и вошедшего в сборник «Новые стансы к Августе», была определена Л.А. Колобаевой как фантазия-мечтание «о совместном идиллическом будущем» [Колобаева 2013: 45]. Поэтический текст тематически и концептуально перекликается с проанализированным выше стихотворением «Мы снова проживаем у залива».

В «Пророчестве» модальность желательности, не имея специализированных средств выражения, актуализируется имплицитно при помощи комплекса средств: синтетических и аналитических форм будущего времени и императивных форм глагола в побудительно-оптативном значении.

Пророчество

Мы будем жить с тобой на берегу,
отгородившись высоченной дамбой
от континента, в небольшом кругу,
сооруженном самодельной лампой.

Мы будем в карты воевать с тобой
и *слушать*, как безумствует прибой,
покашливать, вздыхая неприметно,
при слишком сильных дуновеньях ветра.

Я буду стар, а ты — ты *молода*.
Но выйдет так, как учат пионеры,
что счет пойдет на дни — не на года, —
оставшиеся нам до новой эры.

В Голландии своей наоборот
мы *разведем* с тобою огород
и *будем устриц жарить* за порогом
и солнечным *питаться* осьминогом.

Пускай шумит над огурцами дождь,
мы *загорим* с тобой по-эскимосски,
и с нежностью ты пальцем *проведешь*
по девственной, нетронутой полоске.

Придет зима, безжалостно крутя
осоку нашей кровли деревянной.
И если мы произведем дитя,
то назовем Андреем или Анной.

Чтоб, к сморщенному личику привит,
не позабыт был русский алфавит,
чей первый звук от выдоха продлится
и, стало быть, в грядущем *утвердится*.

Мы будем в карты воевать, и вот
нас вместе с козырями отнесет
от берега извилистость отлива.
И наш ребенок будет молчаливо

смотреть, не понимая ничего,
как мотылек колотится о лампу,
когда настанет время для него
обратно перебраться через дамбу.

[Бродский 2001, Т.2: 125-126]

Синтетические и аналитические формы глаголов будущего времени (*будем жить*, *будем в карты воевать*, (*будем*) *слушать*, (*будем*) *покашливать*, *я буду стар*, *разведем огород*, *будем устриц жарить*, (*будем*) *питаться осьминогом*, *загорим*, *проведешь*, *взгляну*, *обнаружу*, *придет зима*, *произведем дитя*, *назовем* и т.д.), в обрамлении слов ближайшего

поэтического контекста получая адгерентное значение положительной оценки, окрашиваются семантикой желания субъекта речи: жить вдвоем с возлюбленной, отгородившись от «большого» мира.

Такая интерпретация желаемого представляется адекватной авторскому замыслу благодаря актуализации потенциала дейктических единиц локального дейксиса, структурируемых вокруг маркеров персонального дейксиса – личных местоимений *я, ты, мы* («составного ‘мы’» согласно терминологии В.Я. Малкиной).

Смысловой акцент поставлен в стихотворении на местоимении *мы*, которое выражает единение субъекта и объекта речи – счастливой семейной пары. Положительная оценка описываемой семьи выражена и свободным переходом от «я-повествования» к «мы-повествованию», и эмотивом *нежность*, и светлой, «ласковой» тональностью строк «Я буду *стар*, а ты — ты *молода*»; «С *нежностью* ты пальцем проведешь / по *девственной, нетронутой* полоске».

Семья состоит из говорящего и адресата речи (что подчеркивается местоименной организацией стихотворения), присутствие же ребенка в идеализированном мире двух персонажей является желательным, но не обязательным, что доказывается синтаксической организацией предложения: «и если мы произведем дитя, / то назовем Андреем или Анной, / Чтоб, к сморщенному личику привит, / не позабыт был русский алфавит». В этом высказывании имплицитно заявлено желание / согласие субъекта речи произвести дитя (*произведем, назовем*), стать отцом, но усложнение синтаксической конструкции предложения придаточными условия и цели приводит к ослаблению модуса желательности и большей проявленности модуса неопределенности, вероятности.

Центром жизненного пространства воображаемой семьи является дом на морском берегу, отгороженный, защищенный дамбой, но не от моря, как бывает в реальном мире, а от материка – чужого пространства и чуждого социума. Желание лирического субъекта построить дом мечты, в котором

можно укрыться от нестабильного, чреватого опасностями «большого мира» передается при помощи лексического и ассоциативного потенциала стихотворных строк. В частности, благодаря использованию слов

- *круг* в символическом значении ‘знака совокупности, полноты, законченности, вечности’ [Тресиддер 1999: 176];

- *континент* как обобщающему наименованию огромного пространства за пределами малого пространства – локуса обитания персонажей стихотворения;

- *дамба* (‘гидротехническое сооружение, искусственная насыпь для *предохранения* местности от затопления, для *ограждения* водохранилищ и т.п.’ [МАС. Т.1: 364]. Возможно, голландское происхождение слова *дамба* явилось решающим при выборе автором стихотворения имени возможного мира, нуждающегося в защитном ограждении: уединенная обитель между морем и дамбой названа в стихотворении *Голландией* (причем определяемой посессивным местоименным прилагательным *своя: в Голландии своей наоборот / мы разведем с тобою огород*). В этом случае происходит так называемая транссемантизация топонима – «обусловленное контекстом ближайшего окружения или макроконтэкстом произведения изменение семантики реального топонима вследствие частичного “стирания” присущей ему энциклопедической информации и приписывания геонаименованию новой информации в результате возникновения новой – фикциональной – референтной отнесенности» [Бабенко Н. 2007: 312].

Средства репрезентации пространственной локализации одновременно эксплицируют временную соотнесенность описываемого поэтом мира относительно момента речи, в результате чего последний приобретает семантику ирреальности, иллюзорности. Связано это с тем, что средства экспликации пространственно-временных текстовых координат однозначно не маркируют определенное время или место в рамках поэтического текста.

Дейктические элементы словесной структуры стихотворения, описывающие предметное пространство возможного мира, мыслимого

лирическим субъектом как модель желаемой будущей жизни, обладают мощным ассоциативным потенциалом, транслирующим значения спокойствия, уединенности, оторванности лирического героя и его возлюбленной от внешнего враждебного мира: *на берегу, отгородившись высоченной дамбой, в небольшом кругу, сооруженном самодельной лампой, безумствует прибор, устриц жарить за порогом и солнечным питаться осьминогом*. Локальными дейктическими единицами в стихотворном контексте являются не только предложно-падежные формы имен существительных, но и не имеющие вне указанной речевой ситуации дейктической маркированности слова и словосочетания *самодельная лампа, прибор, устрицы, солнечный осьминог, старый гейгер в оловянной рамке*.

Последняя из перечисленных деталей убранства дома мечты требует отдельного комментария. Гейгер (измерительный прибор, дозиметр радиации, способной уничтожить все живое) появляется в тексте стихотворения как знак возможной опасности, угрозы, идущей из-за дамбы.

В идиллическом, а значит, малособытийном мирке стихотворения важным моментом является не пересечение или непересечение субъектом высказывания очерченной границы, а ее внутреннее ощущение, переживание (более подробно об этом: [Балашова 2017: 57]). Именно внутренне ощущение границы является жанрообразующим критерием идиллических стихотворений Бродского.

Описательный императив *пускай шумит*, являясь периферийным средством выражения значения желания, сопряженного с побуждением, актуализирует асимметрию языкового знака и его значения и эксплицирует значение 'это происходит, и пусть это продолжается' [Ковтунова 1986: 120]:

*Пускай шумит над огурцами дождь,
мы загорим с тобой по-эскимосски,
и с нежностью ты пальцем проведешь
по девственной, нетронутой полоске.*

Периферийные средства экспликации значения желательности, сопряженной с семантикой условия и цели, участвуют в построении

лирического сюжета стихотворения, приводя его от описания идеальной картины жизни вдвоем к описанию появления в семье ребенка: *И если мы произведем дитя, / то назовем Андреем или Анной. / Чтоб, к сморщенному личику привит, / не позабыт был русский алфавит.*

В заключительной, пятой, строфе стихотворения формы глаголов будущего времени, утрачивая семантику желания, окрашиваются значением событийности: *Мы будем в карты воевать, и вот / нас вместе с козырями отнесет / от берега извилистость отлива. / И наш ребенок будет молчаливо / смотреть, не понимая ничего, / как мотылек колотится о лампу...*

Так поэт структурирует лирический сюжет стихотворения в форме параболы – по возрастающей траектории к кульминации, рождению ребенка, до ниспадающей – его взросления и осознания необходимости покинуть идиллический мир родителей. Необходимость покинуть идиллический, ирреальный мир героев стихотворения может трактоваться и как его гибель, неминуемая конечность.

Структуру лирического сюжета произведения подчеркивает его ритмическая и строфическая организация. Стихотворение написано пятистопным ямбом с пиррихиями и разбито на пять восьмистиший. Такое постоянство структуры и ритмической составляющей текста помогает поэту на всех стихотворных уровнях репрезентировать непротиворечивый и цельный лирический мир героев и, как следствие, желание субъекта речи находиться в нем.

Отмеченное единство оформляет синтаксический параллелизм, структурирующий начало практически каждой стихотворной строфы (*мы будем, я буду, мы будем*). «Расшатывание» установленной синтаксической организации текста посредством инверсивного построения высказывания присутствует в начале четвертой, «кульминационной», строфы произведения (*Придет зима, безжалостно крутя / осоку нашей кровли деревянной...*). Такой «асимметричный параллелизм» (термин Д. Н. Шмелева), установление единообразия и затем отход от него имеет дополнительный семантический

эффект: смысловое и структурное выделение важной для поэта «кульминационной» строфы, репрезентирующей желание субъекта речи, сопряженное со значениями условия и цели (*И если мы произведем дитя, / то назовем Андреем или Анной. / Чтоб, к сморщенному личику привит, / не позабыт был русский алфавит*).

Одновременно стоит отметить, что пятая, заключительная строфа организована по иному структурному принципу: в ней представлен обратный, «перевернутый» тип рифмовки. Подобная асимметричность композиции (тип рифмовки) и синтаксического оформления стихотворения (синтаксический параллелизм) говорит о том, что «единство произведения не есть замкнутая симметрическая целость, а развертывающаяся динамическая целостность; между ее элементами нет статического знака равенства и сложения, но всегда есть динамический знак соотносительности и интеграции» [Тынянов 1965: 28].

Итак, формы глагола будущего времени и императивы в побудительно-оптативном значении, относящиеся к периферийным грамматическим средствам выражения модальности желательности, находясь в ближайшем поэтическом контексте с действительными языковыми элементами, а в ряде случаев и являющиеся ими, приобретают выраженное значение желательности, эксплицируя не только семантику желания субъекта речи жить с возлюбленной вдалеке от мира, основанное на добровольном выборе, но и подчеркивая ирреальность, иллюзорность, вневременность созданного поэтического пространства. Одновременно с этим поэт описывает динамичность, незамкнутость, конечность, возможную гибель созданного идеального мира, репрезентированные посредством строфической, синтаксической и композиционной составляющих стихотворения.

«Письма к стене»

И.В. Романова, отмечая коммуникативную направленность лирики Бродского, указывает на ее эволюцию: от обращения ко всему миру в ранней

лирике поэта до сужения адресата к конкретному собеседнику в зрелой. При этом исследователь акцентирует внимание на дистантности поэтической коммуникации, при которой «адресат заведомо не может непосредственно воспринять обращенную к нему речь» [Романова 2017: 20]. Указанным фактом обусловлена жанровая специфика анализируемого далее стихотворения «**Письма к стене**» – послание.

Как было отмечено во второй главе исследования, в стихотворных текстах Бродского при употреблении императивов актуализируется асимметрия между формой слова и ее первичной функцией. В частности, в стихотворении «Письма к стене» императивные формы глагола, в том числе благодаря специфике жанра письма, *приобретают дополнительную модальную семантику желания субъекта речи, значение модальности волеизъявления при этом нивелируется:*

Сохрани мою тень. Не могу объяснить.

Извини.

Это нужно теперь. Сохрани мою тень,
сохрани.

За твоею спиной умолкает в кустах
беготня.

Мне пора уходить. Ты останешься после
меня.

До свиданья, стена. Я пошел. Пусть
приснятся кусты.

Вдоль уснувших больниц. Освещенный
луной. Как и ты.

Постараюсь навек сохранить этот вечер
в груди.

Не сердись на меня. Нужно что-то иметь
позади.

Сохрани мою тень. Эту надпись
не нужно стирать.

Все равно я сюда никогда не приду
умирать,

Все равно ты меня никогда

Не хочу умирать. Мне не выдержать
смерти уму.

Не пугай малыша. Я боюсь погружаться
во тьму.

Не хочу уходить, не хочу умирать, я дурак,
не хочу, не хочу погружаться в сознание
во мрак.

Только жить, только жить, подпирая твой
холод плечом.

Ни себе, ни другим, ни любви, никому,
ни при чем.

Только жить, только жить и на все
наплевать, забывать.

Не хочу умирать. Не могу я себя убивать.

Так окрихни меня. Мастерица кричать
и ругать.

Так окрихни меня. Так легко малыша
напугать.

Так окрихни меня. Не то сам я сейчас
закричу:

Эй, малыш! — и тотчас по пространствам

не попросишь: вернись.
Если кто-то прижмется к тебе, дорогая
стена, улыбнись.
Человек — это шар, а душа — это нить,
говоришь.
В самом деле глядит на тебя
неизвестный малыш.
Отпустить — говоришь — вознестись
над зеленой листвой.
Ты глядишь на меня, как я падаю вниз
головой.

Разнобой и тоска, темнота и слеза
на глазах,
изобилье минут вдалеке на больничных
часах.
Проплывает буксир. Пустота у него
за кормой.
Золотая луна высоко над кирпичной
тюрьмой.
Посвящаю свободе одиночество возле
стены.
Завещаю стене стук шагов посреди
тишины.
Обращаюсь к стене, в темноте
напряженно дыша:
завещаю тебе навсегда обуздать
малыша.

пустым полечу.
Ты права: нужно что-то иметь за спиной.
Хорошо, что теперь остаются во мраке
за мной
не безгласный агент с голубиным плащом
на плече,
не душа и не плоть — только тень на твоём
кирпиче.

Изолятор тоски — или просто движенье
вперед.
Надзиратель любви — или просто мой
русский народ.
Хорошо, что нашлась та, что может и вас
породнить.
Хорошо, что всегда все равно вам, кого
вам казнить.
За тобою тюрьма. А за мною — лишь тень
на тебе.
Хорошо, что ползет ярко-желтый рассвет
по трубе.
Хорошо, что кончается ночь.
Приближается день.
Сохрани мою тень.

[Бродский 2001, Т.2: 21-22]

Императивные формы глагола как средства выражения модальности желательности получают дополнительную актуализацию благодаря употреблению в ближайшем стихотворном контексте ядерных средств репрезентации значения желания с частицей *не*, семантического комплекса «условие + желание»:

Не пугай малыша. Я боюсь погружаться во тьму.

Не хочу уходить, *не хочу* умирать, я дурак,
не хочу, не хочу погружаться в сознание во мрак;

Не хочу умирать. *Не могу* я себя убивать;

По мнению С.С. Ваулиной, при употреблении глагола хотеть с отрицанием (*не хочу*), то есть «при отсутствии предрасположенности субъекта к осуществлению действия, разделение частных значений желательности нейтрализуется и в высказывании актуализируется обобщенное значение ‘не иметь желания выполнить действие’ [Ваулина 1991: 23]. В нашем случае это означает нежелание субъекта речи умирать и, как следствие, желание жить.

Императивы, адресованные явлениям и предметам, являясь маркерами внутренней или разговорной речи, переносят повелительное наклонение в «сферу значений наклонения желательного» [Ковтунова 1986: 119], усложняя семантику стихотворения. Подобное усложнение стихотворного текста становится возможным при употреблении императивов в ближайшем поэтическом контексте с другими речевыми формами устного диалога, обращениями (*до свиданья, стена*). По замечанию А.М. Пешковского, в литературной речи обращение, являясь эстетическим или риторическим центром высказывания, «вбирает в себя максимум мысли и чувства автора» [Пешковский 1956: 407]. Л.Ю. Максимов отмечает, что обращение может стать одним из способов познания автором предмета речи [Максимов 1965: 76]. Вполне закономерно, что исследователями литературного языка поэтическое обращение к явлениям или предметам трактуется как традиционный способ создания олицетворения [Тихомирова, 1988: 39] или как «коммуникативная метафора» [Ковтунова 1986: 92]. Иными словами обращение – это способ описания и представления действительности через призму авторского мировидения.

Кроме того, обращение к стене, совмещая функции адресации и номинации в указанном поэтическом контексте (более подробно об этом: [Ковтунова 1986 (а): 6–7]), репрезентирует двунаправленную природу стихотворения: с одной стороны, это внутренний диалог поэта с собой и миром, с другой – это речь, предназначенная «для других». Противопоставление реализуется при помощи маркеров персонального

дейксиса, форм местоимений второго лица, употребленных в ближайшем контексте с именем существительным, называющим предмет обращения: (Посвящаю свободе одиночество возле *стены*. // Завещаю *стене* стук шагов посреди тишины. // Обращаюсь к *стене* в темноте, напряженно дыша: // завещаю *тебе* навсегда обуздать малыша.). В приведенном отрывке личное местоимение второго лица маркирует внутренний диалог, тогда как имя существительное, напротив, является знаком отчуждения, «установления дистанции, превращения адресата в предмет “речи для других”» [Там же: 6]. Таким образом, автокоммуникация в указанном стихотворении нераздельно связана с коммуникацией с внешним миром, что, несомненно, расширяет границы поэтического текста, чем подтверждается ранее высказанный тезис о всеохватности лирики поэта, размытости границ между лирическим «я» и окружающим миром.

Бродский устанавливает содержательную диалогическую связь с предметом речи, несущую в себе чрезвычайно мощный эмоциональный заряд. Необходимо сказать о многослойности значения существительного *стена* как доминанты локальной дейктической системы координат в стихотворении. С одной стороны, это реальная стена камеры предварительного заключения, в котором находился поэт (для конкретизации указанной семантики Бродский использует тематическую лексику: *тюрьма, изолятор, надзиратель*), с другой – это Стена Плача в Иерусалиме, символизирующая надежду (Ср.: *Мне пора уходить. Ты останешься после меня. / До свиданья, стена. Я пошел; Сохрани мою тень. Эту надпись не нужно стирать. / Все равно я сюда никогда не приду умирать, / Все равно ты меня никогда не попросишь: вернись. / Если кто-то прижмется к тебе, дорогая стена, улыбнись*).

Семантическая игра со значениями одного слова и, как следствие, двойственность адресата (Ср.: *Завещаю стене стук шагов посреди тишины. / Обращаюсь к стене, в темноте напряженно дыша: завещаю тебе навсегда обуздать малыша*, – адресат во 2-м и 3-м лице единственного числа)

предоставляет поэту возможность показать две точки зрения на изображаемую ситуацию, в каждой из которых субъект высказывания выступает попеременно как «я» и «он» (Ср.: *В самом деле глядит на тебя неизвестный малыш. / Отпустить — говоришь — вознесись над зеленой листвою. / Ты глядишь на меня, как я падаю вниз головой*). Используя одну форму личного местоимения в функции другой (я – он), структурируя тем самым усложненный, неосинкретический субъект, Бродский не только объединяет внутреннюю и внешнюю речь, о чем было сказано выше, но и создает поэтический текст, осциллирующий «между значениями, передаваемыми в канале „Я — Он” и образуемыми в процессе автокоммуникации. В зависимости от приближения к той или иной оси и от ориентированности текста на тот или иной тип передачи» рассматриваемый текст «воспринимается как „стихи” или как „проза”» [Лотман 1973: 237].

Таким образом, автор не только позволяет субъекту речи взглянуть на себя со стороны, но и воссоздает в пределах одного стихотворения модель мира «в сжатом виде» (более подробно об этом: [Артёмова 2007: 139-143]). Подобная репрезентация различных точек зрения и, как следствие, воссоздание целостности бытия в рамках одного стихотворения делает Бродского новатором: структурная организация его текста стремится к прозе.

Стилистически сближают поэтический текст с прозой и многочисленные обращения (*До свиданья, стена*), и парцелляция, дробящая высказывания на отдельные синтагмы: *Сохрани мою тень. Не могу объяснить. Извини. / Это нужно теперь. Сохрани мою тень, сохрани.* «Полифония полноценных голосов» (термин М. Бахтина), приближая стихотворное произведение к прозаическому, позволяет поэту эксплицировать в тексте, в том числе, и компоненты собственной ценностной картины мира.

В заявленном контексте особую символику приобретает семантика существительного *тень*, означающая не только «темное отражение на чем-л., отбрасываемое предметом» [МАС. Т. 4: 353], но и «alter ego» или душу

говорящего [Словарь символов: 426]. Иными словами, субъекту речи важно сохранить не просто свою тень на стене, но и оставить после себя память, продолжение.

Желание субъекта речи репрезентируется в том числе посредством инфинитивов – периферийных грамматических способов экспликации желательности: Только *жить*, только *жить*, подпирая твой холод плечом. / Ни себе, ни другим, ни любви, никому, ни при чем. / Только *жить*, только *жить* и на все *наплевать*, *забывать*. / Не хочу *умирать*. Не могу я себя *убивать*.

Инфинитив как неспрягаемая форма глагола, лишенная (помимо вида) его важнейших грамматических категорий, является средством выражения модальности желательности, функционируя при этом достаточно специфично. Речь идет об инфинитивных рядах, определяемых А.К. Жолковским как «инфинитивное письмо» [Жолковский 2000: 187-198] и представляющих собой ряды инфинитивов, «содержащие достаточно автономные, независимые инфинитивы, однородные инфинитивные серии, зависящие от одного управляющего слова и, благодаря своей протяженности, развивающие мощную инерцию» [Жолковский 1980].

Инфинитивные серии, актуализируя синтаксический (синтаксический параллелизм) и лексический (лексический повтор) уровни языка, репрезентируют комплекс модальных значений: желания, нежелания, невозможности (*не хочу умирать, мне не выдержать смерти уму, только жить, на все наплевать, забывать, не хочу умирать, не могу я себя убивать, и пр.*).

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Императивные формы глаголов, употребленные во внекатегориальном значении, и инфинитивные серии как средство экспликации не только модальности желательности, но и эмоционального состояния субъекта речи, подчеркивают особую роль категории модальности в структуре лирического текста. Они не только усложняют асимметрию формы языкового знака и его значения, но,

наряду со средствами экспликации других модальных категорий (желания, нежелания, невозможности), служат способом репрезентации индивидуально-авторской картины мира.

Фрагменты авторской картины мира, ценностные установки поэта (нежелание умирать, желание жить и оставить после себя память) выражены в тексте комплексно: посредством использования не только экспликаторов модальности желательности, но и «коммуникативной метафоры» (обращение субъекта речи к неодушевленному объекту), и приемов синтаксической организации произведения (синтаксического параллелизма, парцелляции).

«Письмо в бутылке»

Использование приема поэтической маски (тип представления действительности от лирического героя, *alter ego* автора), представляющей собой «аналог лица» и, по замечанию Вяч. Вс. Иванова, находящейся «в свободном отношении к телу и личности человека» [Вяч. Вс. Иванова: 29], а значит, временно и непрочно связанной с тем, кто ее носит, становится константой творчества поэта (см., например, стихотворения «Итака», «По дороге на Скирос», «Одиссей Телемаку», «Письмо генералу Z»).

Авторская маска (или *ролевой субъект*, согласно типологии В.Я. Малкиной) – форма репрезентации «автора “реального” в пределах художественного произведения, воплощенного в образ фиктивного автора-нарратора» [Осьмухина 2009: 72].

В этом аспекте исследовательский интерес представляет стихотворение Бродского 1964 года «Письмо в бутылке». Наше внимание сосредоточено на смыслообразующей роли ядерных и периферийных грамматических и лексических средств экспликации модальности желательности.

Стихотворение состоит из четырех частей, построенных по особой логике движения «свободных мотивов взамен фабульности» [Азаренков 2017: 51].

Часть первая

То, куда вытянут нос и рот,
прочий куда обращен фасад,
то, вероятно, и есть «*вперед*»;
все остальное считай «*назад*».
Но так как нос корабля на *Норд*,
а взор пассажир устремил на *Вест*
(иными словами, глядит за борт),
сложность растет с переменной мест.
И так как часто плывут корабли,
на всех парусах по волнам спеша,
физики «*вектор*» изобрели.
Нечто бесплотное, как душа.

Левиафаны лупят хвостом
по волнам от радости кверху дном,
когда указывает на них перстом
вектор призрачным гарпуном.
Сирены не прячут прекрасных лиц
и громко со скал поют в унисон,
когда *весельчак-капитан Улисс*
чистит на палубе смит-вессон.
С другой стороны, *пусть поймет* народ,
ищущий грань меж Добром и Злом:
в какой-то мере *бредет вперед*
тот, кто с виду кружит в *былом*.
А *тот, кто* — по Цельсию — спит в
тепле

В первой части расширяющееся время-пространство структурируется посредством дейктических элементов, которые являются одновременно локально-темпоральными маркерами, описывающими не только сюжет мифа об Одиссее (*Левиафаны, Сирены, Улисс*), но и современность (*смит-вессон*). Автор использует лингвопоэтический прием блендинга, который «предполагает отрицание, упразднение хронологии, смещение / смешение времен и “приписанных” к ним персонажей и реалий предметного мира» [Бабенко Н. 2010: 34]. При этом «устраняя Хронос, повествователь сосуществует со своими персонажами в едином большом времени» [Лассан

под балдахином и в полный рост,
с цезием в пятке (верней, в сопле),
пинает носком покрывало звезд.
А *тот певец*, что напрасно лил
на волны звуки, квасцы и йод,
спеша за метафорой в древний мир,
должно быть, о чем-то другом поет.

Двуликий Янус, твое лицо —
к жизни одно и к смерти одно —
мир превращают почти в кольцо,
даже если пойти *на дно*.
А если поплыть под прямым углом,
то, в Швецию словно, упрешься в страсти
А если кружить меж Добром и Злом,
Левиафан разевает пасть.
И *я, как витязь*, который горд
коня сохранить, а живот сложить,
честно поплыл и держал *Норд-Норд*.
Куда — предстоит вам самим решить.
Прошу лишь учесть, что хоть рвется дух
вверх, паруса не заменят крыл,
хоть сходство в стремлениях этих двух
еще до Ньютона Шекспир открыл.

2006: 299]: с Улиссом, Левиафаном, Ньютоном. Шекспиром и еще многими «разновременными» и «разномирными» персонажами.

Здесь средство выражения желания-побуждения – императив третьего лица (в том числе при помощи экспликаторов персонального дейксиса *кто, народ, певец*) маркирует одну из ключевых мыслей первой частистихотворения:

С другой стороны, пусть поймет народ, / ищущий грань меж Добром и Злом: / в какой-то мере бредет вперед / тот, кто с виду кружит в былом.

Далее авторская мысль развивается при помощи средств выражения модальности возможности: *А тот певец, что напрасно лил / на волны звуки, квасцы и йод, / спеша за метафорой в древний мир, / должно быть, о чем-то другом поет.*

Вторая часть стихотворения, в которой поэт, используя принцип маски, уподобляет субъект речи тонущему кораблю (*Я честно плыл, но попался риф, / и он насквозь пропорол мне бок. / Я пальцы смочил, но Финский залив / тут оказался весьма глубок.*), завершается несколько трансформированным устойчивым сочетанием и лексико-грамматическим средством экспликации собственно желания – безличным глаголом в форме сослагательного наклонения: *хотелось бы несколько рук пожать*:

Часть вторая

Я честно плыл, но попался риф,
и он насквозь пропорол мне бок.
Я пальцы смочил, но Финский залив
тут оказался весьма глубок.
Ладонь козырьком и грусть затая,
обозревал я морской пейзаж.
Но, несмотря на бинокли, я
не смог разглядеть пионерский пляж.
Снег повалил тут, и я застрял,
здрав к небосводу свой левый борт,
как некогда сам «Генерал-Адмирал
Апраксин». Но чем-то иным затерт.

Хватит и крыльев, поющих: «карр».
Я счет потерял облакам и дням.
Хрусталик не верит теперь огням.
И разум шепнет, как верный страж,
когда я вижу огонь: мираж.
Прощай, Эдисон, повредивший ночь.
Прощай, Фарадей, Архимед и проч.
Я тьму вытесняю посредством свеч,
как море – трехмачтовик, давший течь.
(И может сегодня в последний раз
мы, конюх, сражаемся в преферанс,
и «пулю» чертишь пером ты вновь,
которым я некогда пел любовь.)

Айсберги тихо плывут на Юг.
Гюйс шелестит на ветру.
Мыши беззвучно бегут на ют,
и, булькая, море бежит в дыру.
Сердце стучит, и летит снежок,
скрывая от глаз «воронье гнездо»,
забив до весны почтовый рожок;
и вместо «ля» раздается «до».
Тает корма, а сугробы растут.
Люстры льда надо мной висят.
Обзор велик, и градусов тут
больше, чем триста и шестьдесят.
Звезды горят и сверкает лед.
Тихо звенит мой челн.
Ундина под бушпритом слезы льет
из глаз, насчитавших миллиарды волн.

На азбуке Морзе своих зубов
я к Вам взываю, профессор Попов,
и к Вам, господин Маркони, в КОМ,
я свой привет пошлю с голубком.
Как пиво, пространство бежит по усам.
Пускай дирижабли и Линдберг сам
не покидают большой ангар.

Пропорот бок, и залив глубок.
Никто не виновен: наш *лоцман* — Бог.
И только Ему мы должны внимать.
А воля к спасенью — смиренья мать.
И вот я грустный вчиняю иск
тебе, преподобный *отец Франциск*:
узрев пробоину, как автомат,
я тотчас решил, что сие — стигмат.

Но, можно сказать, начался прилив,
и тут раскрылся простой секрет:
то, что годится в краю оливок,
на севере дальнем приносит вред.
И, право, не нужен сверхзоркий Цейс.
Я вижу, что я проиграл процесс
гораздо стремительней, чем иной
язычник, желающий спать с женой.
Вода, как я вижу, уже по грудь,
и я отплываю в последний путь.
И, так как не станет никто провожать,
хотелось бы несколько рук пожать.

Отметим, что употребление поэтом именно бессубъектной формы *хотелось бы* репрезентирует ирреальную ситуацию, несомненно имеющую оценочную сему «+» и аккумулирует несколько семантических вариаций желательности. С одной стороны, безличная форма глагола *хотеться* подчеркивает противоречивость ситуации желания: желательность и в то же время невозможность выполнения того, что стало для субъекта речи почти реальным (*хотелось бы несколько рук пожать*). Одновременно с этим конструкции «*хотелось + инфинитив*» трактуются как осознанное, волевое и разумное желание субъекта речи достичь обозначенной желаемой ситуации [Дробышева 1967].

Прием повтора конструкции «*хотелось + инфинитив*» обеспечивает выдвижение значимых для лирического мира поэта тем и мотивов:

- поиск субъектом высказывания своего предназначения (*хотелось бы твердо мне знать одно, / поскольку я не вернусь домой: / куда указуешь ты, вектор мой?*),

- надежда на то, что его жизнь имела смысл (*Хотелось бы думать, что пел не зря*);

- надежда на сохранение мира (*Что то, что я некогда звал "заря", / будет и дальше всходить, как встарь, / толкая худеющий календарь. / Хотелось бы думать, верней - мечтать, / что кто-то будет шары катать, / а некто - из кубиков строить дом*;

- надежда на милосердие и помощь Бога (*По крайней мере, надеюсь я, / что сохранит милосердный Бог / того, чего я лицезреть не смог. / Америку, Альпы, Кавказ и Крым*);

- надежда на появление Человека, способного спасти мир (*Надеюсь я также, что некий швед / спасет от атомной бомбы свет*),

- мечта о продолжении существования в вечности («*Хотелось бы верить (увы, с трудом), / что жизнь водолаза пошлет за мной, / дав направление: "мир иной"*»).

Безличный модальный глагол желания в форме оптатива выводит нас на перечень желаемых субъектом речи действий: *хотелось бы знать, думать, мечтать, верить*.

Таким образом, при помощи многократного, усиленного повтора предиката неконтролируемого волитивного состояния – возвратного глагола «хотелось», употребленного в дативной модели, а также посредством употребления глаголов «мечтать», «надеюсь» с семантикой желательности поэт репрезентирует комплекс мотивов, объединяющийся в лейтмотив поиска субъектом речи смысла жизни и его надежду на продолжение существования после смерти.

Часть третья

Доктор Фрейд, покидаю Вас,
сумевшего (где-то вне нас) на глаз

А впрочем, даже такая речь
признак того, что хочу сберечь

над речкой души перекинуть мост,
соединяющий пах и мозг.
Адье, утверждавший «терять, ей-ей,
нечего, кроме своих цепей».
И совести, если на то пошло.
Правда твоя, старина Шарло.
Еще обладатель брады густой,
Ваше сиятельство, граф Толстой,
любитель касаться ногой травы,
я Вас покидаю. И Вы правы.
Прощайте, Альберт Эйнштейн, мудрец.
Ваш не успев осмотреть дворец,
в Вашей державе слагаю скит:
Время — волна, а Пространство — кит.
Природа сама и ее щедрот
сыщики: Ньютон, Бойль-Мариотт,
Кеплер, поднявший свой лик к Луне, —
вы, полагаю, приснились мне.
Мендель в банке и Дарвин с костями
макак, отношенья мои с людьми,
их возраженья, зима, весна,
август и май — персонажи сна.
Снился мне холод и снился жар;
снился квадрат мне и снился шар,
щебет синицы и шелест трав.
И снилось мне часто, что я неправ.
Снился мне мрак и на волнах блик.
Собственный часто мне снился лик.
Снилось мне также, что лошадь ржет.
Но смерть — это зеркало, что не лжет.
Когда я умру, а сказать точней,
когда я проснусь, и когда скучней
на первых порах мне придется там,
должно быть, виденья, я вам воздам.
которых тут не рискну назвать,
чтоб заодно могли уповать
на Бережливость, на Долг и Честь
(хоть я не уверен в том, что вы — есть).
Надеюсь я также, что некий Швед
Спасет от атомной бомбы свет, что
желтые тигры убавят тон,
Что яблоко Евы иной Ньютон

тени того, что еще люблю.
Признак того, что я крепко сплю.

Итак, возвращая язык и взгляд
к барашкам на семьдесят строк назад,
чтоб как-то их с пастухом связать;
вернувшись на палубу, так сказать,
я вижу, собственно, только нос
и снег, что Ундине уста занес
и снежный бюст превратил в сугроб.
Сейчас мы исчезнем, плавучий гроб.
И вот, отправляясь навек на дно,
хотелось бы твердо мне *знать* одно,
поскольку я не вернусь домой:
куда указуешь ты, вектор мой?

Хотелось бы думать, что пел не зря.
Что то, что я *некогда* звал «заря»,
будет и дальше всходить, как *встарь*,
толкая худеющий календарь.
Хотелось бы думать, верней — *мечтать*,
что кто-то будет шары катать,
а некто — из кубиков строить дом.
Хотелось бы верить (увы, с трудом),
что жизнь водолаза пошлет за мной,
дав *направление*: «мир иной».
Постыдная слабость! Момент, друзья.
По крайней мере, *надеюсь* я,
что сохранит милосердный Бог
того, чего я лицезреть не смог.
Америку, Альпы, Кавказ и Крым,
долину Евфрата и вечный Рим,
Торжок, где почистить сапог — обряд,
и добродетелей некий ряд,
Пусть Кант-постовой засвистит в свисток.
А в Веймаре пусть Фейербах ревет:
«Прекрасных видений живой поток
щелчок выключателя не прервет!»
Возможно, так. А возможно, нет.
Во всяком случае (ветер стих),
как только Старушка погасит свет,
я знаю точно: не станет их.

Сжует, а семечки бросит в лес, что
блюдца украсят сервиз небес.
Прощайте! Пусть ветер свистит, свистит.
Больше ему уж не зваться злым.
Пускай Грядущее здесь грустит:
Как ни вертись, но не стать Былым.

Пусть жизнь продолжает, узрев в дупле
улитку, в охотничий рог трубить,
когда на скромном своем корабле
я, как сказал перед смертью Рабле,
отправлюсь в «Великое Может Быть»...

(размыто)

Далее, в третьей части стихотворения, выдержанной в жанре послания-прощания субъекта речи с жизнью, при помощи перечисления имен крупных ученых и исторических деятелей (Зигмунд Фрейд, Карл Маркс, Лев Толстой, Альберт Эйнштейн, Чарльз Дарвин и т.д.) структурируется отдаленное от момента речи, расширенное дейктическое пространство. Вводя в текст прецедентные имена, поэт актуализирует политический, психологический, философский, литературный пласты всемирного вертикального контекста, структурируя и углубляя тем самым категорию универсального, всеобъемлющего времени-пространства.

Центральное положение в композиционной структуре стихотворения занимает отрывок, в котором роль ядерных лексических средств выражения собственно желания усиливается благодаря употреблению в ближайшем контексте маркера персонального дейксиса – личного местоимения «я»: *А впрочем, даже такая речь / признак того, что хочу сберечь / тени того, что еще люблю.*

Завершая подобным способом третью часть стихотворения, поэт показывает, что перечисленные выше исторические личности, введенные в текст при помощи средств выражения значения собственно желания и экспликаторов персонального дейксиса, имеют для субъекта речи несомненную значимость как составляющие мира, который он любит и с которым не хочет расставаться.

Продолжение третьей части послания, в которой, по нашему мнению, заключена основная мысль стихотворения, окрашено повышенной эмоциональностью, создаваемой при помощи ряда приемов:

- использования средств экспликации желания-побуждения и повтора этих грамматических средств (*Пусть ветер свистит; Пускай Грядущее здесь грустит; Пусть Кант-постовой засвистит; в Веймаре пусть Файербах ревет*);

- восклицательного предложения (*Прощайте!*);

- парцелляции (*Возможно, так. А возможно, нет*);

- использования аффектива – глагола речи *ревет* (а в Веймаре пусть Файербах ревет);

- аллитерации (повтор «рычащих» звуков [пр], [гр], [рб], [р], создающих эффект громкой, эмоциональной речи в полипредикативном предложении: *Пускай Грядущее здесь грустит; / а в Веймаре пусть Файербах ревет:/ «Прекрасных видений живой поток / щелчок выключателя не прервет*);

- интертекстуальных рефлексов (я, как сказал перед смертью Рабле, / отправлюсь в «Великое Может Быть»).

Актуализируя таким образом средства всех языковых уровней, поэт, по нашему мнению, обращает читательское внимание на главные смыслы-сентенции стихотворения о дискретности и поступательности земного времени (*Пускай Грядущее здесь грустит: / как ни вертись, но не стать Былым*) и возможности существования вечной, вневременной жизни (я, как сказал перед смертью Рабле, / отправлюсь в «Великое Может Быть»). Отметим, что авторские сентенции – сгустки поэтической мысли, внятные всем и каждому «вне рамок личного и национального» [Крепс 1984: 103], одновременно отмечены и авторской иронией.

Четвертая часть стихотворения выдержана в жанре послания возлюбленной и отличается тематической цельностью.

Часть четвертая

Мадам, Вы *простите* бессвязность, пыл. на каждой, как маленький кливер, бант.

Ведь Вам-то известно, куда я плыл
и то, почему я, презрев компас,
курс проверял, так сказать, на глаз.

Я вижу бульвар, где полно собак.
Скамейка стоит, и цветет табак.
Я вижу фиалок пучок в петле
и Вас я вижу, мадам, в букле.

Печальный взор опуская вниз,
я вижу светлого джерси мыс,
две легкие шляпки, их четкий рант,

И брови, как крылья прелестных птиц,
над взором, которому нет границ
в мире огромном ни вспять, ни впредь,
который Незримому дал Смотреть.

Мадам, если впрямь существует связь
меж сердцем и взглядом (лучась, дробясь
и преломляясь), заметить рад:
у Вас она лишена преград.

Мадам, это больше, чем свет небес.
Поскольку на полюсе можно без
звезд копошиться хоть сотню лет.
Поскольку жизнь — лишь вбирает свет.

Меня вспоминайте при виде волн!

(размыто)

А выше — о, звуки небесных арф! —
подобный голландке, в полоску шарф
и волны, которых нельзя сомкнуть,
в которых бы я предпочел тонуть.... что
парная рифма нам даст, то ей
мы возвращаем под видом дней.
Как, скажем, данные дни в снегу...
Лишь смерть оставляет, мадам, в долгу.

Но Ваше сердце, точнее — взор
(как тонкие пальцы — предмет, узор)
рождает чувства, и форму им
светом оно придает своим.

(размыто)

И в этой бутылке у Ваших стоп,
свидетельстве скромном, что я утоп,
как астронавт посреди планет,
Вы сыщете то, чего больше нет.

Вас в горлышке встретит, должно быть,
грусть.

До марки добравшись — и наизусть
запомнив — придете в себя вполне.
И встреча со мною Вас ждет на дне!

Мадам! Чтоб рассеять случайный сплин,
Bottoms up! — как сказал бы Флинн.
Тем паче, что мир, как в «Пиратах», здесь
в зеленом стекле отразился весь.

(размыто)

Так вспоминайте ж меня, мадам,
при виде волн, стремящихся к Вам,
при виде стремящихся к Вам валов
в беге строк, в гуденьи слов...
Море, мадам, это чья-то речь...
Я слух и желудок не смог сберечь:
я нахлебался и речью полн...

(размыто)

Что говорит с печалью в лице
кошке, усевшейся на крыльце,
снегирь, не спуская с последней глаз?
«Я думал, ты не придешь. Alas!»

Послание возлюбленной окрашено, вопреки ожиданиям читателей, иронией и сарказмом. Приемы, пародирующие романтическое начало, базируются на сочетании поэтизмов с просторечиями и устойчивыми выражениями с разговорной коннотацией:

- почему я, *презрев* компас, / курс *проверял*, так сказать, *на глаз*;
- я вижу *фиалок пучок* в петле / и вижу я Вас, мадам, в *букле*.
- *печальный взор* опуская вниз, / я вижу светлого джерси мыс;
- А выше – о *звуки небесных арф!* – / подобный голландке, в полоску шарф;
- Мадам, это больше, чем *свет небес*. / Поскольку на полюсе можно без / звезд *копошиться* хоть сотню лет.
- И в этой бутылке у Ваших *стоп*, / свидетельстве *скромном*, что я *утоп*, / как астронавт посреди планет.

Сильная текстовая позиция конца строфы маркирована желанием субъекта речи остаться в памяти возлюбленной: Так *вспоминайте* ж меня, мадам; Меня *вспоминайте* при виде волн!

Таким образом, при помощи средств экспликации модальности желательности поэт эксплицирует не только константные темы и мотивы лирики (жизнь и смерть, время и пространство), но и желания субъекта речи жить, найти свое предназначение, оставить после себя память; надежду на продолжение жизни в вечности и на то, что жизнь земного мира будет продолжаться.

Заявленные желания субъекта речи вступают в противоречие с характерными для творчества поэта в общем и данного стихотворения в

частности мотивами остановки движения и распада материи, репрезентированными на сюжетном уровне (описании тонущего корабля). Иными словами, экспликация константных мотивов поэта вступает в противоречие с экспликацией желаний субъекта высказывания, придавая тексту двойственность, репрезентированную на формально-содержательном уровне.

Указанная двойственность подчеркивается приемами, характерными для модернизма (ирония, свободное скрепление частей стихотворения, обращение к различным временным пластам, интертекстуальность, использование принципа поэтической маски, размывание языковых структур в финале стихотворения) и противоречащими желаниям субъекта речи, которые выражают экспликаторы модальности желательности и характеризуют мировоззрение поэта (поиск смысла жизни, желание жить, надежду на жизнь после смерти, желание остаться в памяти людей).

§ 3. Комплексный анализ стихотворений Иосифа Бродского с модальной доминантой желательности 1972-1996 годов

В этом параграфе будут проанализированы стихотворения второго этапа творчества поэта: «Развивая Платона», «Горение», «Одиссей Телемаку».

Развивая Платона

I

Я хотел бы жить, Фортунатус, в городе,
где река
высовывалась бы из-под моста, как
из рукава — рука,
и чтоб она впадала в залив, растопырив
пальцы,
как Шопен, никому не показывавший
кулака.

Чтобы там была Опера, и чтоб в ней

В этом городе был бы яхт-клуб
и футбольный клуб.
По отсутствию дыма из кирпичных
фабричных труб
я узнавал бы о наступлении воскресенья
и долго бы трялся в автобусе, мучая
в жмене руб.

Я бы вплетал свой голос в общий
звериный вой

ветеран-
тенор исправно пел арию Марио
по вечерам;
чтоб Тиран ему аплодировал в ложе,
а я в партере
бормотал бы, сжав зубы от ненависти:
«баран».

там, где нога продолжает начатое
головой.
Изо всех законов, изданных Хаммурапи,
самые главные — пенальти и угловой.

II

Там была бы Библиотека, и в залах
ее пустых
я листал бы тома с таким же
количеством запятых,
как количество скверных слов
в ежедневной речи,

не прорвавшихся в прозу, ни, тем более,
в стих.

Там стоял бы большой Вокзал,
пострадавший в войне,
с фасадом, куда занятней, чем мир вовне.

Там при виде зеленой пальмы в витрине
авиалиний
просыпалась бы обезьяна, дремлющая
во мне.
И когда зима, Фортунатус, облакает
квартал в рядно,
я б скучал в Галерее, где каждое
полотно
— особенно Энгра или Давида —
как родимое выглядело бы пятно.

В сумерках я следил бы в окне стада
мычащих автомобилей, снующих туда-
сюда
мимо стройных нагих колонн
с дорической прической,
безмятежно белеющих на фронтоне Суда.

В стихотворении «Развивая Платона» модальность желательности репрезентируется лексико-грамматическими средствами (*хотел бы*) и получает дополнительную актуализацию на других текстовых уровнях: маркером персонального дейксиса личным местоимением «я» (лирическое «я»), вокруг которого выстраивается система дейктических языковых координат. По нашему мнению, употребляя именно местоимение «я» в ближайшем контексте со средствами выражения модальности желательности, поэт актуализирует семантику оптативности, нивелируя характерный для второго этапа творчества мотив «отчуждения Я от других и

от бытия в целом» [Ранчин 2016: 117]: *Я хотел бы жить, Fortunatus, в городе, где река; В этом городе был бы яхт-клуб и футбольный клуб; Я бы влетал свой голос в общий звериный вой...*

Активно выстраивая систему координат времени-пространства вокруг субъекта речи, Бродский структурирует собственный, ирреальный поэтический мир.

Ш

Там была бы эта кофейня с недурным
бланманже,
где, сказав, что зачем нам двадцатый
век, если есть уже
девятнадцатый век, я бы видел, как взор
коллеги
надолго сосредотачивается на вилке или
ноже.

Там должна быть та улица с деревьями
в два ряда,
подъезд с торсом нимфы в нише
и прочая ерунда;
и портрет висел бы в гостиной, давая
вам представленья
о том, как хозяйка выглядела, будучи
молода.

Я внимал бы ровному голосу,
повествующему о вещах,
не имеющих отношения к ужину при
свечах,
и огонь в камельке, Fortunatus, бросал
бы багровый отблеск
на зеленое платье. Но под конец зачах.

Время, текущее в отличие от воды
горизонтально от вторника до среды,
в темноте там разглаживало бы
морщины
и стирало бы собственные следы.

Употребляя персональные и локально-темпоральные дейктические элементы, поэт создает аллюзии на Античность и Средневековье (форма письма и заглавие стихотворения отсылают читателя к «Диалогам» Платона, личное имя Fortunatus («счастливчик») – к герою одноименного средневекового романа или к Древнему Риму, где имя Fortunatus было распространенным, и на современность: перечень номинативов *Опера, Библиотека, Вокзал, Галерея, Суд, яхт-клуб, футбольный клуб* может служить средством описания любого имперского города, хотя *бронзовый всадник, залив, река* маркируют, по одной из версий интерпретации имперского возможного мира, именно Санкт-Петербург. Если предположить, что это так, то надо признать, что образ Санкт-Петербурга выстраивается автором мозаично, из отдельных примет и что таким образом

актуализируется один из ведущих мотивов позднего творчества поэта – мотив припоминания, узнавания, но не прямого названия предмета или явления.

IV

И там были бы памятники. Я бы знал
имена
не только бронзовых всадников,
всунувших в стремя
истории свою ногу, но и ихних
четвероногих,
учитывая отпечаток, оставленный ими
на населении города

бродяжничество, менаж -
а-труа, и толпа бы, беснуясь вокруг,
кричала,
тыча в меня натруженными
указательными: «Не наш!» —

И с присохшей к губе
сигаретой сильно заполночь
возвращаясь пешком к себе,
как цыган по ладони, по трещинам на
асфальте
я гадал бы, икая, вслух о его судьбе. И
когда бы меня схватили в итоге за
шпионаж,
подрывную активность,
я бы втайне был счастлив, шепча про
себя: «Смотри,
это твой шанс узнать, как выглядит
изнутри
то, на что ты так долго глядел снаружи;
запоминай же подробности, восклицая
«Vive la Patrie!»

[Бродский, Т.3:122-124]

Анализируя стихотворение «Развивая Платона», Майя Кёнёнен отмечает, что Бродский «смешивает явления и персонажей из разных исторических периодов таким образом, что хронология событий, к которым он отсылает, становится несущественной» [Könönen 2003: 201]. Углубляя данную мысль, Д.Н. Ахапкин предполагает, что подобное освоение разновременных сюжетов приводит к созданию «некоторого универсального, вневременного пространства» [Ахапкин 2018: 52], в котором существует субъект речи. Одновременно с этим Д. Бетеа отмечает, что Бродский «создает пространство там, где его нет» [Бетеа 2022: 519].

Из вышесказанного следует, что концепция линейного времени, разработанная поэтом ранее и упомянутая в стихотворении (*Время, текущее в отличие от воды / горизонтально от вторника до среды*), подвергается трансформации. Бродский при помощи локально-темпоральных дейктиков, используя прием смешения событий различных эпох, разработанный У.

Оденом, «выстраивает исторические параллели и включает античную культуру в современный контекст, создавая смешанное концептуальное пространство» [Ахапкин 2018: 39].

Искусственность созданного поэтом универсального пространства, в которое помещен субъект речи, подчеркивается использованием ирреального типа модальности, эксплицированного при помощи формы *хотел бы* (*Я хотел бы жить*). Используя форму глагола *хотеть* в сослагательном наклонении, не обладающим выраженным значением волюнтаривности, поэт структурирует особый ирреальный мир, приобщение к которому не зависит от воли и действий говорящего. Далее в стихотворении частотны формы сослагательного наклонения глаголов, обладающих семантикой желания:

- *чтоб* Тиран ему *аплодировал*; я в партере *бормотал бы*; в этом городе *был бы* яхт-клуб и футбольный клуб; я *узнавал бы* о наступлении воскресенья; долго *бы* *трясся* в автобусе; я *бы* *вплетал* свой голос в общий звериный вой и т.д.

Сослагательное наклонение в анализируемом стихотворении репрезентирует комплекс значений: от значения собственно желания до значения условия (и *чтоб* она *впадала* в залив, растопырив пальцы; *Чтобы* там *была* Опера, и *чтоб* в ней ветеран- / тенор исправно *пел* арию Марио по вечерам; / *чтоб* Тиран ему *аплодировал* в ложе, а я в партере / *бормотал бы*, сжав зубы от ненависти: «баран»), усложняя семантику стихотворного текста.

Номинативная структура стихотворения (*Фортунатус, река, Опера, ария, Тиран, «баран», яхт-клуб, футбольный клуб, фабричные трубы, Библиотека, Вокзал, Галерея, Суд, кафе, толпа* и т.д.) актуализирует не только темы времени и пространства, но и одну из константных тем творчества Бродского, выстраивающую систему ценностных координат поэта: взаимоотношений Поэта и Империи, Поэта и толпы. Бродский высказывался об этом следующим образом: «Империя – это метафора насильственной гармонизации при глубоком внутреннем неблагополучии»

[Цит. по: Полухина 1997: 69]. Действительно, внешне город, описанный поэтом, выглядит гармонично, подтверждением тому служит начало стихотворения, в котором эксплицированы ядерные средства модальности желательности: *Я хотел бы жить, Fortunatus...*

Внешняя гармония в изображаемом поэтом мире репрезентируется не только при помощи ядерных средств выражения желательности, но и при помощи упорядочивания структуры стихотворения: использования одинакового типа рифмовки (ааба) и одинаковых стрóf (катрены), синтаксического параллелизма и многочисленных анжамбеманов (*Я хотел бы жить, Fortunatus, в городе, где река / высывалась бы из-под моста, как из рукава — рука; Чтобы там была Опера, и чтоб в ней ветеран- / тенор исправно пел арию Марио по вечерам; / чтоб Тиран ему аплодировал в ложе, а я в партере / бормотал бы, сжав зубы от ненависти: «баран»*), задающих определенный ритм, а также полипредикативных конструкций, придающих стихотворному тексту динамичность.

Истинное положение дел описывают следующие высказывания, расположенные в семантически нагруженных первой и заключительной частях стихотворения: *И когда бы меня схватили в итоге за шпионаж, / подрывную активность, бродяжничество, менаж- / а-труа, и толпа бы, беснуясь вокруг, кричала, / тыча в меня натруженными указательными: «Не наш!»*.

Как следствие, выявляется дисгармония внешнего описания «идеального» государства (отсылка к «Государству» Платона) и чуждости, чужеродности ему субъекта речи. Благодаря эксплицитным средствам выражения модальности желательности, дейктической организации поэтического текста, его структурной, ритмической и синтаксической составляющим, поэт, описывая внешнюю гармоничность ирреального, «вневременного» мира, одновременно с этим передает его внутреннюю дисгармонию, псевдонейтральность (более подробно об этом: [Волков 2000: 93]).

Именно в контексте данного стихотворения мы можем наблюдать случай применения «последовательности знаков для передачи одновременно нескольких сообщений» [Иванов Вяч. Вс. 1978: 165], то, что Вяч. Вс. Иванов справедливо называл «метафоричностью искусства». Таким образом, за внешне идеальной картиной описанного поэтом государства скрывается глубокое внутреннее неблагополучие, а эксплицитно выраженная модальность желательности в стихотворном контексте нейтрализуется, приобретая обратное значение – нежелания. Соответственно, имплицитно выраженное значение нежелания трансформирует положительную оценку, характеризующую начало поэтического текста, на прямо противоположную – отрицательную.

Значение нежелания существовать в описанном «идеальном» городе имплицитно передано посредством иронии – частотного авторского приема:

*Я бы вплетал свой голос в общий звериный вой / там, где нога
продолжает начатое головой.*

*Изо всех законов, изданных Хаммурапи, / самые главные — штрафы
и уголовной.*

*Там при виде зеленой пальмы в витрине авиалиний / просыпалась бы
обезьяна, дремлющая во мне* (ироничная отсылка к теории происхождения видов Чарльза Дарвина).

Упоминание Хаммурапи, на наш взгляд, неслучайно: единственным действующим законом в псевдоидеальном государстве, созданном фантазией Бродского, остался закон о штрафах и уголовном, действие всех остальных законов упразднено.

«Горение»

Императивы, употребленные в побудительно-оптативном значении, могут структурировать крупные текстовые элементы. В частности, в стихотворении 1981 года «Горение» императивы являются не только средствами репрезентации модальности желательности, но и компонентами метаметафоры, определяемой О.И. Северской как «синтезирующий троп,

отражающий целостное образное представление реальности во всей совокупности ее скрытых соответствий и форм взаимопревращений ее компонентов. Как троп, синтезирующий все способы словопреобразования в едином метафорическом контексте и представляющий метафору через метафору, сравнение и метонимию» [Северская 2007: 65].

В стихотворении «Горение» базовое денотативное пространство таково: зимний вечер, разожженный камин и мужчина, наблюдающий, как огонь пожирает дрова. Из базового денотативного пространства вырастает еще одно – «привлеченное» денотативное пространство воспоминания персонажа о женщине, абрис которой видится мужчине в языках пламени. Отправной точкой для создания развернутой метафоры, являющейся «инструментом диалога лирического “я” и внешнего мира» [Бобякова 2010: 56], стало сравнение женской головы с огнем: *Зимний вечер. Дрова / охваченные огнем — / как женская голова / ветреным ясным днем.*

Зимний вечер. Дрова
охваченные огнем —
как женская голова
ветреным ясным днем.

Только одной тебе
и свойственно, вещь губя,
приравниванье к судьбе
сжигаемого — себя!

Как золотится прядь,
слепотою грозя!
С лица ее не убрать.
И к лучшему, что нельзя.

Впивающееся в нутро,
взвивающееся вовне,
наряженное пестро,
мы снова наедине!

Не провести пробор,
гребнем не разделить:
может открыться взор,
способный испепелить.

Это твой жар, твой пыл!
Не отпирайся! Я
твой почерк не позабыл,
обугленные края.

Я всматриваюсь в огонь.
На языке огня
раздается «не тронь»
и вспыхивает «меня!»

Как ни скрывай черты,
но предаст тебя суть,
ибо никто, как ты,
не умел захлестнуть,

От этого — горячо.
Я слышу сквозь хруст в кости

выдохнуться, воспрясть,
метнуться наперерез.

захлебывающееся «еще!»
и бешеное «пусти!»

Пылай, пылай предо мной,
рваное, как блатной,
как безумный портной,
пламя еще одной

зимы! Я узнаю
патлы твои. Твою
завивку. В конце концов —
раскаленность щипцов!

Ты та же, какой была
прежде. Тебе не впрок
раздевшейся догола,
скинувший все швырок.

Так рушатся корпуса,
так из развалин икр
прядают, небеса
вызвездив, сонмы искр.

Назарею б та страсть,
воистину бы воскрес!

Пылай, полыхай, грешни,
захлебывайся собой.
Как менада, пляши
с закушенной губой.

Вой, трепещи, трясн
вволю плечом худым
Тот, кто вверху еси,
да глотает твой дым!

Так рвутся, треща, шелка,
обнажая места.
То промелькнет щека,
то полыхнут уста.

Ты та же, какой была.
От судьбы, от жилья
после тебя — зола,
тусклые уголья,

холод, рассвет, снежок,
пляска замерзших розг.
И как сплошной ожог —
не удержавший мозг.

[Бродский, Т.3: 213-215]

Каминные щипцы, детализируя образ героини стихотворения, уподобляются щипцам для волос: *Я узнаю / патлы твои. Твою / завивку. В конце концов — / раскаленность щипцов!* Далее троп, расширяясь, подчеркивает не только сходство внешности и характера героини с пламенем, но и сравнивает чувства, охватившие лирического героя, его страсть с процессом горения.

Разворачивание метафоры, положенной в основу лирического сюжета стихотворения, происходит следующим образом: от уподобления пламени

образу женщины (*Как золотится прядь, / слепотою грозя! / С лица ее не убрать. / И к лучшему, что нельзя. // Не провести пробор, / гребнем не разделить: / может открыться взор, / способный испепелить*), ее темперамента (*От этого — горячо. / Я слышу сквозь хруст в кости / захлебывающееся «еще!» / и бешеное «пусти!»*) до метафорического сравнения огня с зимой (*Пылай, пылай предо мной, / рваное, как блатной, / как безумный портной, / пламя еще одной зимы!*) и в итоге – с судьбой (*Только одной тебе / и свойственно, вещь губя, / приравниванье к судьбе / сжигаемого — себя!*).

В конечном счете через метафору «оказывается пропущено все мироздание» [Бобякова 2010: 56]. Процесс разворачивания «телескопической метафоры» до границ мироздания происходит в том числе благодаря обращению к концептам времени и пространства, расширяющимся в стихотворении поступательно, от строфы к строфе при помощи персональных, локальных и темпоральных дейктиков.

В развитии лирического сюжета участвуют элементы персонального дейксиса, становясь не только структурным, но и семантическим центром высказывания: личные местоимения *я, ты (тебе), мы*. Употребляя личное местоимение «я» (средство репрезентации несобственно-личного субъекта) в ближайшем поэтическом контексте с глаголами в индикативном наклонении (*я всматриваюсь, я слышу, я узнаю*), поэт маркирует точку отсчета: *здесь и сейчас*. Далее время-пространство от локального *здесь и сейчас (зимний вечер в доме)* расширяется до общекультурного, объединяющего христианство и язычество (*Назорей, менада*), а в конечном счете – до универсального пространства земля-небо (*небеса*).

Используя словосочетания *зимний вечер и пламя еще одной зимы*, поэт трансформирует время из линейного в цикличное, акцентируя тем самым внимание на повторяемости происходящего. Из вышесказанного можно сделать вывод, что «увеличение пространственной, временной или ценностной дистанции между субъектным “я” и изображаемым миром

становится ведущим принципом организации художественного универсума» [Чевтаев 2017: 40] анализируемого текста.

Рассмотрение концептов времени и пространства в заявленном ключе характерно для идиостиля Бродского в целом: «Желание Бродского вырваться из рамок истории, постоянная «игра» с временем и пространством в его стихотворениях, непрерывное изменение масштаба рассмотрения объектов (включая возможность представить объект рассмотрения в планетарном масштабе) являются характерными чертами его художественного сознания» [Косвинцев 2018: 26].

Инфинитивные ряды, употребленные в ближайшем поэтическом контексте с императивами выполняют несколько функций: экспликации значений модальности возможности и невозможности (*Не провести* пробор, / *гребнем не разделить*: / *может открыться* взор, / *способный испепелить*), эмоционального описания адресата высказывания (*Как ни скрывай* черты, / *но предаст* тебя суть, / *ибо никто, как ты, / не умел захлестнуть*, // *выдохнуться, воспрясть, / метнуться* наперерез).

Конец анализируемой строфы достигает экспрессивного максимума благодаря использованию грамматических средств выражения значения желания:

- эллипсиса условного союза *если* и формы сослагательного наклонения в оптативно-условном значении (частица *б*) в придаточном предложении Назорею *б* та страсть;

- ядерного компонента микрополя желательности – полной формы оптатива *воскрес бы* в главном предложении: воистину *бы* воскрес!

Текстообразующая функция метаметафоры «горение» реализуется в экспрессивной подаче желания субъекта речи удержать не в реальности, но в памяти ту «огневую» женщину, желания, чтобы она не стала другой, чтобы осталась верна своей природе: страстной, дерзкой, свободной, сильной. При этом средства репрезентации модальности желательности (при актуализации и модуса возможности / невозможности) обретают автокоммуникативную

функцию, поскольку сам говорящий оказывается охвачен огнем страстей, способен к переживанию «высокого накала».

Синтаксический строй, ритмическая и интонационная организация стихотворения также участвуют в репрезентации эмоционально возбужденного состояния субъекта речи. В частности, лексический повтор семантически нагруженных элементов, структурирующий синтаксический параллелизм, использование сравнительных оборотов и восклицательных предложений привносят в текст динамику (*Пылай, пылай* предо мной, / *рваное, как блатной, / как безумный портной, /* пламя еще одной зимы! ... *Пылай, полыхай, греши, / захлебывайся собой. / Как менада пляши /* с закушенной губой. // *Вой, трепещи, трясси /* вволю плечом худым. / Тот, кто вверху еси, / да глотает твой дым!).

Отдельно стоит отметить, что фокусирование читательского внимания на сюжете горения, охватившего все мироздание, а также экспликация повышенной эмоциональности, «акцентированность ритмического рисунка» [Бурая 2022: 125] создаются в том числе посредством внутрстиховых пауз, цезур, маркированных в тексте тире (*От этого — горячо; приравниванье к судьбе / сжигаемого — себя; Это — твой жар, твой пыл; после тебя — зола, / тусклые уголья*).

Таким образом, из вышесказанного можно сделать следующие выводы. При помощи средств экспликации модальных значений, дейктических маркеров, синтаксических фигур и ритмического оформления текста, а также лексической его составляющей поэту удалось не просто репрезентировать фрагменты индивидуально-авторской, ценностной картины мира (описать страсть, испытываемую к женщине), но и воссоздать свой макрокосм. Указанная черта: тяготение «к всеохватному постижению бытия» [Чевтаев 2017: 41], описание всего мироздания в единстве пространственно-временной организации характерна для всей лирики Бродского.

Отметим, что мир в своей полноте репрезентирован в стихотворении «Горение» не посредством смены точек зрения (прием, использованный в

«Письмах к стене») или игрой с понятиями времени и места («Мы снова проживаем у залива...», «Пророчество»), а благодаря разворачиванию метаметафоры и расширению времени и пространства до масштаба мироздания.

«Одиссей Телемаку»

Ряд ученых отмечает частое обращение Бродского к теме Античности [Ковалева 2003; Косвинцев 2017; Семенов 2003; Чевтаев 2009]). Поэт во многих стихотворениях обыгрывает мифологические сюжеты, что значительно расширяет возможность их интерпретации. Тексты Бродского, отсылающие читателя к сюжетам мифов (см., например: «По дороге на Скирос», «Орфей и Артемида», «Дедал в Сицилии»), содержат целый комплекс коннотаций, транслирующих «собственно мифологический... общекультурный и личностно-биографический смыслы» [Мищенко 2009: 124]. Как справедливо отмечает И.И. Ковалева, «изобилие античных образов» формально и содержательно отсылают нас к «актуальным для поэта темам» [Ковалева 2003: 172]. По наблюдению В. Семенова, размывая «границу между своим и чужим словом» [Семенов 2003: 32], Бродский актуализирует в текстах стихотворений различные коды мировой культуры, переосмысливая их с позиции личного опыта. Это позволило поэту создать «цельного» и «стройного» лирического героя античных текстов, находящегося в «рамках концептуальных воззрений самого автора» [Косвинцев 2017: 33].

Одновременно с этим тяготение к эпическому, многоголосому миромоделированию, отмеченному нами ранее (смена точек зрения, концептуализация понятий *время* и *пространство*, разворачивание метафоры, ставшей основой лирического сюжета стихотворения), приобретает в стихотворении «Одиссей Телемаку» новые черты.

Мой Телемак,
Троянская война
окончена. Кто победил — не помню.
Должно быть, греки: столько мертвецов
вне дома бросить могут только греки...
И все-таки ведущая домой
дорога оказалась слишком длинной,
как будто Посейдон, пока мы там
теряли время, растянул пространство.
Мне неизвестно, где я нахожусь,
что предо мной. Какой-то грязный остров,
кусты, постройки, хрюканье свиней,
заросший сад, какая-то царица,
трава да камни... Милый Телемак,
все острова похожи друг на друга,

когда так долго странствуешь; и мозг
уже сбивается, считая волны,
глаз, засоренный горизонтом, плачет,
и водяное мясо застит слух.
Не помню я, чем кончилась война,
и сколько лет тебе сейчас, не помню.

Расти большой, мой Телемак, расти.
Лишь боги знают, свидимся ли снова.
Ты и сейчас уже не тот младенец,
перед которым я сдержал быков.
Когда б не Паламед, мы жили вместе.
Но может быть и прав он: без меня
ты от страстей Эдиповых избавлен,
и сны твои, мой Телемак, безгрешны.

В стихотворении «Одиссей Телемаку» эпичность картины мира реализуется не только посредством «ретроспективности точки зрения лирического субъекта» и «нарративности сюжетостроения» [Чевтаев 2017: 41], но и обращением к доминирующей в творчестве поэта мифологической линии о странствиях Одиссея. В результате обращения к сюжету мифа поэт актуализирует не только его универсальный, вневременной смысл, но и проводит мысль о судьбе личности, вступающей в конфликт со временем. Лирический сюжет разворачивается не согласно причинно-следственным связям, а ориентируясь на ценностно-смысловые доминанты событий, что обуславливает фрагментарность повествования.

Анализируемое стихотворение Бродского «Одиссей Телемаку», написанное в год эмиграции поэта за границу, по нашему мнению, является уникальным. Его уникальность заключается в следующем: именно в этом стихотворении единожды на протяжении всего творчества, поэт употребил ядерное грамматическое средство выражения значения «нереального желания, относящегося к прошлому», репрезентирующее «сожаление по поводу того, что действие в прошлом не состоялось» [Корди 1990: 179].

Значение сожаления по поводу несбывшегося желания эксплицировано в тексте эллиптическими формами сослагательного наклонения в сложноподчиненном предложении с придаточным условия: *Когда б не Паламед, мы жили вместе* (= 'если бы не вмешался Паламед, мы бы жили вместе').

Одновременно с этим вводная конструкция *может быть*, употребленная в ближайшем поэтическом контексте со средствами репрезентации модальности желательности и являющаяся средством выражения модальности возможности, эксплицирует внутреннюю раздробленность субъекта речи, непонимание им, какой способ разрешения ситуации был бы наилучшим: *Но может быть* и прав он: без меня / ты от страстей Эдиповых избавлен.

Средства выражения значения пожелания, употребленные автором в начале второй строфы (*расти большой*), репрезентируют любовь субъекта речи к своему сыну. Чувство любви дополнительно подчеркивается персональными дейктиками *мой Телемак*, употребленными троекратно в сильных текстовых позициях: начале и конце каждой из строф. В анализируемом контексте притяжательное местоимение *мой* имеет «ярко выраженное посессивное значение, не свойственное русскому стереотипу обращения [Зубова 2001]. Такое «теплое» обращение подчеркивает важность адресата высказывания для субъекта речи.

Ценность темы взаимоотношений отца и сына подчеркивают маркеры персонального дейксиса: , личные местоимения *я, мы, ты* и их супплетивные формы, используя которые субъект высказывания не отстраняется от изображаемой действительности, а максимально приближается к ней: *Не помню я, чем кончилась война, / и сколько лет тебе сейчас, не помню; Ты и сейчас уже не тот младенец, / перед которым я сдержал быков. / Когда б не Паламед, мы жили вместе.*

Обращение поэта к сюжету о странствиях Одиссея посредством локальных дейктических маркеров (*Телемак, Троянская война, греки,*

Посейдон, остров, боги, Паламед и пр.) актуализирует не только традиционные для творчества Бродского темы странничества, изгнания, одиночества, но и являются способом расширить понимание классического сюжета «через современное мироощущение» [Зубова 2001]. Так, демифологизируя события мифа, намеренно изображая остров, на который вернулся субъект речи, обыденным (*Какой-то грязный остров, / кусты, постройки, хрюканье свиней, / заросший сад, какая-то царица, / трава да камни...*), автор «далек от патетики, и картина, которая им изображена, скорее снижает образ литературного Одиссея» [Зубова 2015: 25]. Снижая образ Одиссея при помощи описания «действительности» от первого лица, поэт сознательно обозначает некоторую дистанцию между Одиссеем-субъектом речи стихотворения и Одиссеем-мифологическим героем.

Смешивая события мифа и условно-реального мира стихотворения посредством локальных дейктиков (*какой-то грязный остров, кусты, постройки, хрюканье свиней, заросший сад, какая-то царица, трава да камни*), Бродский актуализирует мотив забывания, неузнавания, активно используемый им в зрелом творчестве (*Милый Телемак, / все острова похожи друг на друга* [Бродский 2001, Т.3: 27]). Неузнавание Одиссеем когда-то родного места, представленное в первой строфе, становится в оппозицию к узнаванию событий мифа, связанных с Телемаком, структурирующих вторую строфу стихотворения и репрезентированных в том числе при помощи средств выражения значения желательности:

Расти большой, мой Телемак, расти.

Лишь боги знают, свидимся ли снова.

Ты и сейчас уже не тот младенец,

перед которым я сдержал быков.

Обыгрывание тем «память-беспамятство» на композиционном уровне и посредством репрезентации значений модальности желательности актуализирует следующую мысль: для субъекта высказывания становятся

неважными, непамятными события, произошедшие с ним в прошлом, но остаются актуальными темы, связанные с его сыном.

Заявленная оппозиция «узнавание-неузнавание», будучи актуализированной на композиционном уровне, нивелируется на синтаксическом, ритмическом и интонационном уровнях. Стихотворение написано по канонам античной лирики пятистопным нерифмованным ямбом с употреблением в ряде строк пиррихий. По замечанию К. Верхейла, «отсутствие рифмовки <...> приводит в действие возможности осмысленной художественной организации других уровней текста. Само отсутствие регулярного звукового повтора как бы перемещает читательское внимание в сторону восприятия других, чисто синтаксических или семантических сторон стиха» [Верхейл 1989: 123).

Номинативный характер единиц локального дейксиса в центральной части стихотворения (*Какой-то грязный остров, / кусты, постройки, хрюканье свиней, / заросший сад, какая-то царица, / трава да камни...*) при отсутствии глаголов наряду со стабильной ритмической оформленностью текста замедляет развитие его динамики, фокусирует лирический сюжет на концептуальных смыслах. Использование цезур и анжамбеманов, интонационно дробя высказывание, позволяет автору расставить смысловые ударения на ключевых семантических компонентах, в том числе, средствах репрезентации модальности желательности, достоверности / недостоверности и возможности (*Троянская война / окончена. Кто победил — не помню. / Должно быть, греки: столько мертвецов / вне дома бросить могут только греки; Когда б не Паламед, мы жили вместе. / Но может быть и прав он: без меня / ты от страстей Эдиповых избавлен*).

Благодаря интонационному выделению ключевых понятий поэт акцентирует внимание не только на средствах экспликации модальности желательности, но и на темах забывания (*не помню*), времени и пространства (*как будто Посейдон, пока мы там / теряли время, растянул пространство*), отцовской любви (*Милый Телемак*), а также выделяет центральные метафоры

стихотворения: *глаз, засоренный горизонтом, плачет, / и водяное мясо застит слух*, базирующиеся на глубинной структурной цитате [Жолковский 1994: 25], подразумевающей связь с претекстами О. Мандельштама, А. Ахматовой и т.д. (более подробно об этом: [Зубова 2001]).

Синтаксическая организация стихотворения предельно прямолинейна: предложения относительно просты по структуре и «поступательное движение от фразы к фразе нигде не прерывается пространственными вставками», типичными для стиля поэта [Верхейл 2002: 43]: *Расти большой, мой Телемак, расти. / Лишь боги знают, свидимся ли снова. / Ты и сейчас уже не тот младенец, / перед которым я сдержал быков*. Названная особенность, наряду с персональными дейктиками, обращениями, не только маркируют жанр произведения как послание, но и отражают значимость поднятой темы для картины мира самого поэта, при которой словесная игра, усложнение синтаксиса становятся неуместными.

Таким образом, актуализация ядерных грамматических средств выражения «нереального желания, относящегося к прошлому», посредством упрощения лексической, ритмической и синтаксической составляющих поэтического текста является одним из средств репрезентации индивидуально-авторской картины мира поэта. По нашему мнению, Бродскому важно было затронуть тему взаимоотношений отца с сыном, подвести итог прожитому жизненному отрезку даже опосредованно, через обращение к сюжету мифа.

Выводы

Проанализировав стихотворения Бродского в аспекте эволюции употребления средств экспликации значений желательности, отметим следующее.

Творчество поэта иллюстрирует следующий тезис М. Бахтина: «только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо требования к нему

здесь максимальные: все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [Бахтин 1973: 278]. Речь в данном случае идет не столько о разнообразии стилистических средств, используемых Бродским, их продуманной поуровневой организации, сколько о феномене доведения до максимума «асимметричного дуализма лингвистического знака», в частности, грамматических форм слова. Это утверждение касается, прежде всего, форм повелительного наклонения глаголов, а также инфинитивов, употребленных в оптативном значении. В частности, примеры асимметрии языкового знака и его значения мы можем наблюдать в следующих стихотворениях:

- «Письма к стене»: императивные формы глагола приобретают значение желательности посредством употребления в близком контакте контексте с другими речевыми формами устного диалога – обращениями (*до свиданья, стена*), наделяющими называемый предмет значимостью для лирического мира поэта (*Мне пора уходить. Ты останешься после меня. / До свиданья, стена. Я пошел; Сохрани мою тень*);

- «Письма к стене»: значение желания / нежелания субъекта речи репрезентировано посредством инфинитивных рядов как периферийных средств экспликации модальности желательности (*Только жить, только жить, подпирая твой холод плечом. / Ни себе, ни другим, ни любви, никому, ни при чем. / Только жить, только жить и на все наплевать, забывать. / Не хочу умирать. Не могу я себя убивать*);

- «Пророчество»: описательный императив *Пускай шумит над огурцами дождь* преобразуется в стихотворном контексте в значение «это происходит, и пусть это продолжается»;

- «Письмо в бутылке»: описательный императив приобретает семантику желания, актуализируя тем самым авторскую сентенцию (*Пускай Грядущее здесь грустит: / как ни вертись, но не стать Былым; Пусть жизнь продолжает, узрев в дупле / улитку, в охотничий рог трубить*;

- «Горение»: императивы не только репрезентируют модальность желательности, структурируют развернутую метафору, положенную в основу лирического сюжета, но, выполняя текстообразующую функцию, транслируют экспрессивно выраженные чувства субъекта речи, а также помогают структурировать образ мира, представленный в тексте (Я всматриваюсь в огонь. / На языке огня / раздастся «не тронь» / вспыхивает «меня!»; «Вой, трепещи, трясси / вволю плечом худым. / Тот, кто вверху еси, / да глотает твой дым!»; «Пылай, пылай предо мной, / рваное, как блатной, / как безумный портной, / пламя еще одной зимы!»).

Отдельно отметим, что в ряде стихотворений императивные формы глагола и инфинитивы получают дополнительную актуализацию благодаря использованию в ближайшем поэтическом контексте модальностей возможности, невозможности, значения нежелания, долженствования:

- «Письма к стене»: при помощи употребления средств экспликации значений модальности нежелания и невозможности: *Не хочу* умирать. Мне *не выдержать* смерти уму. / *Не пугай* малыша. Я боюсь погружаться во тьму. / *Не хочу* уходить, *не хочу* умирать, я дурак, / *не хочу, не хочу* погружаться в сознаныи во мрак; *Не хочу* умирать. *Не могу* я себя убивать;

- «Горение»: при использовании средств экспликации значений модальности возможности и невозможности: *Не провести* пробор, / гребнем *не разделить*: / *может открыться* взор, / способный испепелить, а также экспрессивного описания героини стихотворения: Как ни скрывай черты, / но предаст тебя суть, / ибо никто, как ты, / не умел *захлестнуть*, // *выдохнуться, воспрясть*, / *метнуться* наперерез.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что модальные значения желательности, захватывая «формы, предназначенные для других коммуникативных целей» [Ковтунова 1986: 175], доводят до предела асимметрию языкового знака. Таким образом «художник как бы побеждает язык его же собственным оружием, заставляет язык, усовершенствуя его лингвистически, превзойти себя самого» [Бахтин 1973: 280]. Кроме того,

средства репрезентации модальности желательности наряду со средствами экспликации других модальных значений (нежелания, возможности, невозможности, долженствования), выполняя текстообразующую функцию, служат способом репрезентации фрагментов индивидуально-авторской картины мира.

Авторская картина мира (в том числе аксиологические установки поэта) представлены в анализируемых текстах комплексно, при помощи как средств выражения модальности желательности, лексической составляющей строки (обращение к адресату, употребление персональных дейктиков), синтаксической и ритмической организации произведения (использование синтаксического параллелизма, определенного стихотворного размера и отход от них, цезур, анжамбеманов и т.д.), так и экспрессивного выделения значимых для понимания стихотворного текста строк (использование восклицательных предложений, парцелляции).

Фрагменты индивидуально-авторской картины мира поэта представлены в стихотворении «Мы снова проживаем у залива» ядерным средством выражения модальности желательности – формой сослагательного наклонения модального глагола *хотеть*. Семантика желания дополнительно актуализируется посредством употребления персональных дейктиков (*я, мы*) с положительной субъективно-модальной оценкой. На ритмическом уровне посредством укороченной стихотворной строки важные для автора смысловые акценты актуализируются в высказываниях «*войти в твой дом*» и «*и если через сотни лет*», структурирующих категории времени-пространства и репрезентирующих желание субъекта речи быть с любимой во все времена.

В стихотворении «Пророчество» желание субъекта речи быть рядом с возлюбленной, жить с ней вдалеке от «большого мира», напротив, эксплицировано при помощи грамматических периферийных средств репрезентации модальности желательности: форм глаголов будущего времени *будем жить, будем в карты воевать с тобой, разведем огород,*

будем устриц жарить и т.д. Важность затрагиваемой поэтом темы также маркирована употреблением персональных дейктических (*я, ты, мы, он*) и локальных (*в Голландии своей*) маркеров.

Таким образом, средства выражения модальности желательности, репрезентирующие желание лирического героя быть вместе с возлюбленной в любом времени и пространстве или жить с ней вдвоем вдалеке от мира, приобретая «системную избыточность», выражаются при помощи лексико-грамматических средств экспликации модальности желательности, дейктических маркеров, ритмического оформления текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что представленные в лирике Иосифа Бродского 1957–1996 годов конституции, эксплицирующие семантику желательности, в своей совокупности полностью отвечают принятой в функциональной грамматике типологии значений этого модуса. В качестве средств репрезентации «собственно желания», «желания, сопряженного с побуждением», «желания, сопряженного со значениями условия, цели, сравнения», «неосуществимого желания, обращенного к прошлому» и «пожелания» поэт использовал все наличествующие в языке грамматические и лексико-грамматические, специализированные и неспециализированные экспликативы модальности желательности.

Ядерные грамматические средства репрезентации модальности желательности — форма сослагательного наклонения в оптативном значении и аналитическая форма «инфинитив + грамматикализованная частица БЫ» — используются поэтом исключительно для передачи модального значения «собственно желания».

В стихотворениях первого периода творчества (до 1972 года) Бродский активно использует лексику, выражающую значение «собственно желания» посредством актуализации периферийных конститuentов микрополя желательности: личных, деепричастных и причастных форм глаголов с ингерентной или адгерентной семемой *желания* (*норовить, рваться, стремиться* и др.), девербативов (*желание, стремление, надежда* и др.), устойчивых сочетаний (*Слава Богу* и др.). Во втором периоде творчества ряд лексических экспликативов «наведенной» контекстом желательности обогащается глаголами *тянуть* (в значении ‘испытывать потребность, позыв к чему-л.’), *скучать, мечтать*. Данный факт, по нашему мнению, свидетельствует о желании субъектом речи перемен, переживании им чувства ностальгии (см.: *И тянет* зажмуриться, либо — / шагнуть / в другую галактику; *Скучаю* по отеческим трущобам). Корпус девербативов в лирике

Бродского второго периода творчества пополняется существительными *тяга* (*тяга вверх*), *мечта* (*мечта человечества*). Ключевыми девербативами в контексте всего творчества поэта, образованными от наиболее часто употребляемых глаголов с семантикой желания, являются существительные *желание, жажда, стремление*.

Частотность употребления периферийных грамматических средств – императивных форм глагола второго лица в оптативно-побудительной функции, репрезентирующих значение «желания, сопряженного с побуждением», в текстах стихотворений автора второго периода творчества по сравнению с первым снизилась в три раза.

В стихотворениях второго периода творчества поэта сослагательное наклонение глагола обретает семантические вариации: выражает не только значение желательности, но и другие значения ирреальной семантики – побудительность, условие. В том числе благодаря использованию всего спектра значений сослагательного наклонения частотность лексико-грамматических средств экспликации «желания, сопряженного со значениями условия, цели, сравнения» на протяжении второго этапа творчества увеличивается.

Семантика «неосуществимого желания, обращенного к прошлому» репрезентирована единожды: в творчестве поэта в стихотворении «Одиссей Телемаку», написанном в 1972 году (*Когда б не Паламед, мы жили вместе*), при помощи ядерных грамматических средств репрезентации категории. В стихотворении модальность желательности транслирует сожаление субъекта речи о прошлом и о невозможности жизни с сыном.

В стихотворениях второго периода творчества для экспликации значения «собственно желания» частотно употребление одиночных инфинитивов и инфинитивных рядов (*Только жить, только жить; Воротиться сюда через двадцать лет, / отыскать в песке босиком свой след*).

Употребление инфинитивных серий, порождая мощную инерцию текста, имеет не только несомненную эстетическую функцию, но и служит средством импликации «собственно желания»: сильные эмоции передаются имплицитно – посредством грамматических форм, не проявляющих вне речевого контекста семантики желания. В поэтической стратегии погашения эмоциональности, в предпочтении нейтрального тона лирического речеведения сказывается всё более усиливающееся тяготение поэта к творческим установкам интеллектуальной поэзии.

Актуализация асимметрии между формой языкового знака и его значением обретает в поэтическом языке Бродского статус лингвопоэтического приема. Так, семантический сдвиг актуализируется в примерах с использованием императивных форм, репрезентирующих значения пожелания, желания. Кроме того, посредством императивов рождаются тропы и поэтические фигуры: олицетворение (*Прощайте, горы <...> не забудьте, что сверху я видел вас... постарайтесь простить*), метонимия (*Скрипи, мое перо, мой коготок, мой посох*), развернутая метафора (*«Пылай, пылай предо мной, / рваное, как блатной, / как безумный портной, / пламя еще одной зимы!»*).

Черты индивидуально-авторской картины мира поэта репрезентируются комплексно, не только посредством грамматических и лексико-грамматических средств экспликации значения желания, но и при помощи элементов персонального, темпорального, локального типов дейксиса, ближайшего поэтического контекста, актуализирующего иные модальности (возможности / невозможности, долженствования), эмотивно и аксиологически заряженной лексики, ритмической, интонационной организации стихотворений.

Индивидуально-авторской картине мира Иосифа Бродского присущи следующие черты:

- структурирование модели бытия различными способами: концептуализацией понятий времени-пространства, созданием

универсального, вневременного пространства посредством лексической организации текста; меной литературных масок, полифоническим звучанием текстов; использованием развернутой метафоры;

- репрезентация ряда константных тем и мотивов: непрерывное движение, странничество / остановка движения, разрушение, энтропия внешнего мира, одиночество, припоминание, узнавание и одновременно с этим забывание, противостояние поэта и Империи, поэта и толпы;

- проекция автопортрета поэта через обращение к мифологическим сюжетам и образам;

- стремление субъекта речи создать ирреальный поэтический мир, отгороженный от внешнего мира пространственно-временными рамками, наполнить лирический мир героями, имеющими ценность для говорящего, возлюбленной и ребенком;

- важность найти свое предназначение и оставить после себя память;

- нежелание субъекта речи жить в лирическом мире, построенном по принципу «насильственной организации».

Общий вывод, который следует из проведенного функционально-семантического анализа средств экспликации модальности желательности и комплексного анализа стихотворений Иосифа Бродского в модальном аспекте – это вывод о проявленности, выраженности «точки зрения» поэта, его авторской позиции в даже самых беспристрастных по текстовой тональности произведениях.

Перспективы работы видятся в комплексном – функционально-семантическом и лингвопоэтическом – исследовании всех модальностей в поэтическом языке Иосифа Бродского.

БИБЛИОГРАФИЯ

Теоретическая литература

1. Адамсон И. Модальный смысл дезидеративности: от семантической зоны к семантической типологии высказываний (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Таллинн, 2006. – 131 с.
2. Азаренков А.А. Поэтика композиции «больших стихотворений» Иосифа Бродского: Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2017. – 220 с.
3. Александрова А.А. КРЕСЛО и КРЕСТ: стихотворение И. Бродского «Прощайте, мадемуазель Вероника», 1967 // Поэтика Иосифа Бродского: разнообразие методологий: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения И.А. Бродского / сост. и ред.: И.В. Романова, И.В. Марусова, Л.В. Павлова. Смоленск: Свиток, 2017. – 256 с.
4. Алимпиева Р.В. Роль ситуативной модальности в реализации аксиологической бинарной модели «поэт — родина» в лирике С. Есенина // Модели в современной науке: единство и многообразие: сб. науч. тр. Калининград, 2010. С. 205–211.
5. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. – 485 с.
6. Алтабаева Е.В. Формы выражения субъекта в оптативных предложениях // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26 – 28 сентября 2017 года), посвященной 65-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС. 2017. С. 28–32.
7. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в русском языке: комплексное описание. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. – 200 с.
8. Алтабаева Е. В. Многоаспектный подход в исследовании категорий естественного языка (на материале категории оптативности) // Вестник

- Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 26–35. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-26-35.
9. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.: Наука, 1964. – 106 с.
 10. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. / Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: «Языки русской культуры», 1995. С. 629–648.
 11. Артемова О. А. Прагматика персонального дейксиса в белорусском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, 2017. Т. 16, № 3. С. 172–180.
 12. Артёмова С.Ю. К проблеме циклизации стихотворений И. Бродского // Новый филологический вестник. 2007. № 2 (5). С. 139–143.
 13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. – 338 с.
 14. Ахапкин Д.Н. «Источники света» Иосифа Бродского // Звезда. 2018. № 5. С. 37–56.
 15. Ахапкин Д. Н. Стихотворения *In memoriam* в художественной системе И. Бродского // Культура: Соблазны понимания: Материалы научно-теоретического семинара (24–27 марта 1999 г.). Петрозаводск, 1999. Ч.2 С.123–33.
 16. Ахапкин Д.Н. Иосиф Бродский – поэзия грамматики // Иосиф Бродский и мир: Метафизика, античность, современность. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.269–275.
 17. Ахапкин Д. Н. Филологическая метафора в поэзии Иосифа Бродского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2002. – 21 с.
 18. Ахапкин Д. «Колыбельная Трескового мыса»: Открытие Америки Иосифа Бродского // Новое литературное обозрение, 2017. № 6 (148). С. 249–265.
 19. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Из-во Уральского университета, 1989. – 184 с.

20. Бабенко Л.Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. нач. трудов. / под. ред. Ваулиной С.С., Грешных В.И. Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2009. – 205 с.
21. Бабенко Н.Г. Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 410 с.
22. Бабенко Н.Г. Поэтика хронотопа в русской литературе: опыт интерпретации // Поэтика хронотопа: языковые механизмы и когнитивные основания: Материалы международной научной конференции. Вильнюс: Изд-во Института литовского языка, 2010. – С. 24-35.
23. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 418 с.
24. Балашова Е.А. И. Бродский: трансформация идиллического жанра // Поэтика Иосифа Бродского: разнообразие методологий: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения И.А. Бродского / сост. и ред.: И.В. Романова, И.В. Марусова, Л.В. Павлова. Смоленск: Свиток, 2017. С. 55–62.
25. Бахтин М. М. К эстетике слова. В кн.: Контекст 1973. М., 1974. – 416 с.
26. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: «Художественная литература», 1975. – 504 с.
27. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. [Электронный ресурс] URL: https://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения: 30.04.2025).
28. Беличова-Кржижкова Е. О модальности предложения в русском языке // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 49–68.

29. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. – 180 с.
30. Беляева Е.И., Цейтлин Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: коллективная монография / отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1990. – 263 с.
31. Бернова Д.В., Гехтляр С.Я. Периферия микрополя оптативности и побудительная модальность // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 240–243.
32. Бетеа Д. Треска и ястреб: 1975 год Иосифа Бродского как точка невозврата. / И. А. Бродский: pro et contra, антология / Сост. О. В. Богдановой, А. Г. Степанова. СПб.: РХГА, 2022. – 878 с.
33. Бобякова И.В. Мир глазами одной метафоры: «Горение» И. Бродского. // Пристальное прочтение Бродского: сб. статей / под ред. В.И. Козлова. Ростов-на-Дону: Логос, 2010. С. 56-63.
34. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в русском языке // Филологические науки. № 2. М.: Наука, 1979. С. 52–61.
35. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. – 114 с.
36. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания, 1972. № 3. С. 20–35.
37. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука. 1983. – 207 с.
38. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л. Наука, 1984. – 133 с.
39. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. – 348 с.
40. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. – 264 с.

41. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 220 с.
42. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М.: Наука, 2001. С. 4–13.
43. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
44. Бондарко К вопросу о направлениях анализа «от семантики» и «от формы» в системе функциональной грамматики // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2014. Т. 10. № 3. С. 74–89.
45. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (На материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
46. Бурая М.А. О некоторых аспектах интертекстуального и мифопоэтического уровней в стихотворении И. Бродского «Горение» // В сборнике: XXII Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге. Сборник научных статей и материалов литературных секций. Санкт-Петербург, 2022. С. 121–135.
47. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. – 504 с.
48. Валгина Н.С. Теория текста. Москва, Логос, 2003. – 173 с.
49. Васильев Л.М. Проблемы функционирования языка и специфика речевых разновидностей. Пермь, 1985 – 143 с.
50. Васильев Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке / отв. ред. Р.М. Гайсина. Уфа: БГУ, 1996. С. 55–62.

51. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. – 38 с.
52. Ваулина С.С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект), Калининград: Изд-во Калининградск. ун-та, 1993. – 70 с.
53. Ваулина С.С. Языковая модальность в свете функционально-семантического подхода // Актуальные проблемы и перспективы филологии. Калининград: Изд-во Калининградск. ун-та, 1996. С.17–23.
54. Ваулина С.С. (а) Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. нач. трудов. / под. ред. Ваулиной С.С., Грешных В.И. Калининград: Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2009. С. 3–10.
55. Ваулина С.С., Кукса И.Ю. Модальность предложения – модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия: сборник научных трудов. Калининград: Из-во РГУ им. Канта. 2010. С. 25–34.
56. Ваулина С.С., Кукса И.Ю. Принцип поля как метод изучения модальности (на материале русской рукописной газеты «Вести-Куранты») // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: Сб. науч. ст. Ч.1. М.: Изд-во РУДН, 2011. С. 525–536.
57. Ваулина С.С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8: Филологические науки. С. 7–12.
58. Ваулина С.С. Ситуативная модальность в аспекте семантико-функционального синтаксиса. Филология на стыке научных эпох. / Сборник статей памяти доктора филологических наук, профессора

- Анатолия Михайловича Ломова. Наука-Юнипресс Воронеж, 2020. – 204 с.
59. Ваулина С.С. Многообразие терминологических определений модальности — коммуникативная проблема? Модальность. Коммуникация. Текст. Сборник научных трудов международной научной конференции. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград). 2021. – 329 с.
60. Ваулина С.С., Кукса И.Ю., Пробст Н.А. и др. Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка: монография / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 206 с.
61. Ваулина С.С., Лосева И.Э. Textoобразующая функция авторской модальности в поэзии Иосифа Бродского (на примере стихотворения «Я всегда твердил, что судьба – игра ...») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2023, № 4. С. 5–12.
62. Верхейл К. «Эней и Дидона» И. Бродского // Поэтика Бродского. Сб. статей под ред. Л.В. Лосева Tenaflu: Эрмитаж, 1989. С.121–131.
63. Верхейл К. Танец вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским. СПб.: ООО «Издательство журнала “Звезда”», 2002. – 272 с.
64. Виноградов В. А. Дейксис / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М, 1990. С. 128.
65. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
66. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
67. Вихрян О.Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина “Жизнь Арсеньева”: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. – 16 с.

68. Воейкова М.Д., Казаковская В.В. Санкт-Петербургская школа функциональной грамматики: история и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 1. С. 86–97.
69. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Издательство Независимая газета, 2000. – 328 с.
70. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
71. Галимуллина А.Р., Милютин М.Г. Инфинитивные техники в поэзии Иосифа Бродского (на примере анализа отрывков из поэмы «Зофья») // Вестник Томского государственного университета, 2019. № 444. С. 46–51.
72. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
73. Гельфонд М.М. Бродский как Баратынский: поэтика мифа и поэтика текста // И.А. Бродский: pro and contra, антология. Санкт-Петербург, 2023. С. 525–539.
74. Гельфонд М.М. Внерациональное в лирике Бродского: «Строфы» // Грехневские чтения: Сб. науч. тр. Вып. 3. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2006. С. 72–77.
75. Гин Я.И. К вопросу о построении поэтики грамматических категорий // Вопросы языкознания. 1991. С. 103–110.
76. Гин Я.И. «Неизбежная тирания материала ...» (О понятии лингвопоэтического факта и лингвопоэтического комментария) // Русская речь, 1992. № 6. С. 10–16.
77. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. Москва: Высшая школа, 1986. – 336 с.
78. Гончарова Е.А. Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном тексте // Лингвистические исследования художественного текста: Сб. ст. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 85–98.

79. Горбунова Ю.И. Семантические особенности имен прилагательных со значением меры и степени на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: Дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005. – 160 с.
80. Грудзинская-Гросс И. Милош и Бродский. Магнитное поле. Новое литературное обозрение, 2013. – 208 с.
81. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
82. Двоенко Я.Ю. Апеллятивная направленность книги И. Бродского «Пейзаж с наводнением»: безадресность на фоне множества адресатов // Поэтика Иосифа Бродского: разнообразие методологий: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения И.А. Бродского / сост. и ред.: И.В. Романова, И.В. Марусова, Л.В. Павлова. Смоленск: Свиток, 2017. С. 33–39.
83. Девина О.В., Авторская модальность в произведениях А. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2012. – 211 с.
84. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. С. 17–33.
85. Дреева Д. М. Фарниева Б.У. Оптативная модальность в публицистическом дискурсе // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 1. С. 197–209.
86. Дробышева Л.Я. Закономерности употребления личного и безличного предложений с глагольными сказуемыми типа хочу-хочется, верю-верится (на материале произведений советских авторов) // Вопросы лексики и грамматики русского языка Уч. Записки N 264. М.: Гос. пед. Институт им. В.И. Ленина, 1967. – 478 с.
87. Дымарский М.Я. Дейктический модус текста и единицы текстообразования (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. Изд-во «Наука», 2000. С. 258–280.

88. Ермолаева Л.С. Типология системы наклонения в современных германских языках // Вопросы языкознания. 1977. №4. С. 97–107.
89. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Издательство «Наука», Ленинград 1977. – 408 с.
90. Жолковский А.К. «Чужих певцов блуждающие сны» / Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 428 с.
91. Жолковский А.К. Бродский и инфинитивное письмо (материалы к теме) // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 187–198.
92. Жолковский А.К. Из записок об инфинитивной поэзии (Проблемы описания и образцы комментариев). [Электронный ресурс] URL: <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/etk/> (дата обращения: 29.04.2025).
93. Зализняк Анна А. Признаки «контроль» и «желание» в семантике предикатов внутреннего состояния // Семантические проблемы речевой деятельности. М.: Наука, 1984. С. 86–95.
94. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. 1962. №4. С. 65–79.
95. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. – 351 с.
96. Зубова Л.В. Поэтический язык Иосифа Бродского»: Статьи. – СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2015. – 196 с.
97. Зубова Л. Стихотворение Бродского «Одиссей Телемаку» [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/slo/2001/2/stihotvorenje-brodskogo-odissej-telemaqu.html> (дата обращения: 27.04.2025)
98. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. радио, 1978. – 184 с.
99. Карасик В.И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Гуманитарные технологии в современном мире: сб. материалов VII

- Международ. науч.-практ. конференции (Калининград, 30 мая – 01 июня 2019 года) / сост. : Л. М. Гончарова, Т. В. Нестерова, Э. А. Китанина. Калининград: Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. С. 22–25. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
100. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.
101. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978. – 160 с.
102. Ковалева И. Античность в поэтике Иосифа Бродского // Мир Иосифа Бродского. Путеводитель: сб. ст. СПб., 2003. С. 170–206.
103. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. Москва «Наука», 1986. – 208 с.
104. Ковтунова И.И. (а) Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания, 1986. № 1. С. 3–13.
105. Коковина Л.В. Модальные значения уверенности – неуверенности в поэме Н.В. Гоголя „Мертвые души” и ее переводах на английский язык (функционально-семантический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2013. – 24 с.
106. Колобаева Л.А. И. Бродский: работа с античным мифом // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. №2. С. 67–83.
107. Колобаева Л.А. Цикл «Новые стансы к Августе И. Бродского: ценностные начала» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2013. № 3. С. 44–56.
108. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. – 231 с.
109. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.

110. Корди Е. Е. Оптативность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / под общ. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 170–184.
111. Корди Е.Е. О значениях модальной конструкции с глаголом *de foir* в связи с лексическими характеристиками ее членов // Взаимодействие лексики и грамматики: межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1982. С. 12–27.
112. Косвинцев М.Н. Концептуальные позиции автора в творчестве И.А. Бродского: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2017. – 237 с.
113. Косвинцев М.Н. Послание к минувшему. О рефлексивных особенностях творчества И.А. Бродского // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 4. С. 51–56.
114. Кочеткова О.Л. Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в русском языке второй половины XVII — начала XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. – 24 с.
115. Краснова Т.И. Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
116. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. Ardis, Ann Arbor, 1984. – 278 с.
117. Кривенко Г.А. Модальность художественного текста как проявление авторского «я» // Вестник Павлодарского государственного университета. Сер. Филологическая. 2011, № 2. С. 47–53.
118. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: «Языки русской культуры», 2004. – 560 с.
119. Кукса И.Ю. Модальная специфика русской рукописной газеты «Вести-куранты» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 23-29. DOI: 10.18500/1817-7115-2011-11-4-23-29

- 120.Куллэ В.А. Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России, 1957 – 1972: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1996. – 246 с.
- 121.Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск. Изд-во Красноярск. ун-та, 1983. – 160 с.
- 122.Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Электронный ресурс: <https://www.rulit.me/books/vvedenie-v-teoreticheskuyu-lingvistiku-read-212930-2.html>.
- 123.Лассан Э. Плюрализм возможен, консенсус исключен. Роман Ю. Давыдова «Бестселлер» в свете «лингвистического переворота» в гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. – С. 293-311.
- 124.Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высш. шк. 1976. – 143 с.
- 125.Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М.: Московский государственный областной университет, 2007. С. 95–104.
- 126.Ломов А.М. Аспектуальные категории русского языка и их функциональные связи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1977. – 42 с.
- 127.Ломов А.М. (а) Очерки по русской аспектологии. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. – 139 с.
- 128.Лопатюк М.В. Ситуативная модальность в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испаноязычном оде (функционально-семантический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009. – 199 с.
- 129.Лосев Л.В. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М., 2008. – 448 с.

- 130.Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973. С. 227–243.
- 131.Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Искусство-СПб., 1996. – 848 с.
- 132.Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Москва: Эксмо, 2023. – 480 с.
- 133.Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск, 1986. – 230 с.
- 134.Лурье С.А. Правда отчаяния: Выступление на вечере поэзии И. Бродского в Ленинграде 6 мая 1988 года // Синтаксис. № 23, 1988. № 23. С. 104–125.
- 135.Ляпон М.В. Из истории выражения модальности в русском языке (на материале сочинений Курбского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. – 24 с.
- 136.Магдалинская Е.Н. Ситуативная модальность как функционально-семантическая полевая структура (на материале современных русского и польского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2015. – 243 с.
- 137.Максимов Л.Ю. Обращение в стихотворной речи // Современный русский язык. Учен. записки. МНПИ им. Ленина (синтаксис и морфология). Т. 236. М., 1965.
- 138.Малахов П.Н. Природа желания и воли: их источник, развитие и цели. // Современная теософская мысль, 2023-2 (16).
- 139.Малкина В.Я. Типология лирических субъектов // Новый филологический вестник, 2023. № 4 (67). С. 20–31.
- 140.Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филологические науки. №1. М., 1996. С. 80–90.
- 141.Маслова В.А. Психолингвистические аспекты восприятия подтекста // Текст в речевой деятельности: перевод и лингвистический анализ. Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 136 с.

142. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста / Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Ин-т языкознания. Отв. ред. Телия В.Н. М.: Наука, 1991. – 214 с.
143. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., 1945. – 321 с.
144. Милосердова Е.В. Прагматический аспект модальности простого предложения в современном немецком языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991. – 36 с.
145. Минеева О.Е. Категория времени в романе М. Шишкина «Венерин волос» // Вестник Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова, 2013. Т. 19. № 6. С. 90–93.
146. Мищенко Е.В. «Античный текст» И.А. Бродского: функции античных образов в поэтической системе Бродского (на примере образа Улисса) // Филология и человек, 2009. № 2. С. 123–131.
147. Небыкова С.И. Модальность предложений с зависимым инфинитивом (значения возможности и необходимости). М.: УДН, 1981. – 89 с.
148. Новоженова З.Л. Модели русских глагольных предложений // Модели в современной науке: единство и многообразие: Сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 111–119.
149. Опарина А.В. Специфика проявления авторской модальности в списках «Повести временных лет» (лексико-грамматический аспект): Автореф. дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2004. – 17 с.
150. Опарина А.В. К проблеме авторской модальности текста // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. №1 (9). С. 44–48.
151. Островерхая И.В. Средства выражения модального значения возможности в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (функционально-семантический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004. – 24 с.
152. Осьмухина О. Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия: монография. Саранск: Изд-во Мордовского университета. – 288 с.

153. Падучева Е.В. Модальность сквозь призму дейксиса // Падучева Е.В. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с. С. 463–476.
154. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. – 440 с.
155. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. № 4. М.: Наука, 1977. С. 37–48.
156. Парменова Т.В. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л, 1975. – 23 с.
157. Пете И. Типы синтаксической модальности в русском языке // *Studia Slavica*. Budapest, 1970. №3–4. S. 219–237.
158. Петрова О.Г. Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 3. С. 25–30.
159. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М.: Просвещение, 1956. – 511 с.
160. Плеханова И.И. Поэтическое осознание трагедии существования в поэзии Иосифа Бродского // *Acta Eruditorum*, 2021. № 37. С. 56–83.
161. Плуноян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. – 384 с.
162. Полухина В. Бродский глазами современников: сб. интервью. Т.1. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 1997. – 336 с.
163. Полухина В. Бродский И. Книга интервью. М.: «Захаров», 2007. – 784 с.
164. Полухина В.П. Больше самого себя. О Бродском. Томск: ИД СК-С, 2009. – 416 с.
165. Полухина В. Опыт Словаря тропов Бродского. 1995. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vavilon.ru/metatext/mj52/>

poluhina.html (дата обращения: 02.05.2025).

- 166.Пробст Н.А. Вопросительно-побудительная модальность как межполевая зона макрополя модальности в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014. – 23 с.
- 167.Ранчин А.М. На пиру Мнемозины: интертексты Бродского. Новое литературное обозрение, 2001. – 464 с.
- 168.Ранчин А.М. О Бродском: Размышления и разборы. М.: Водолей, 2016. – 248 с.
- 169.Распопов И.П. Заметки о синтаксической модальности и модальной классификации предложения // Синтаксис и интонация. Вып. 2. Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 1973. С.3–10.
- 170.Романов И.А. Лирический герой поэзии И. Бродского: преодоление маргинальности: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. – 202 с.
- 171.Романов И.А., Мурашко В.В. Образы героев мифологии в поэзии И. Бродского: актуализация античного культурного кода // Аспирант. Приложение к журналу Вестник забайкальского государственного университета, 2020. Т. 14. № 2. С. 99–104.
- 172.Романова И.В. Поэтика повторов в поэзии Иосифа Бродского // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. №3. С. 105–114
- 173.Романова И. В. Субъектно-объектная структура лирики Бродского // Иосиф Бродский: проблемы поэтики: сб. науч. трудов и материалов / ред. А. Г. Степанов, И. В. Фоменко, С. Ю. Артёмова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 34–49.
- 174.Романова И.В. Между лирикой и драмой: поэтика диалога в поэзии Бродского // Поэтика Иосифа Бродского: разнообразие методологий: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения И.А. Бродского / сост. и ред.: И.В. Романова, И.В. Марусова, Л.В. Павлова. Смоленск: Свиток, 2017. – 256 с.

175. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе: монография / под ред. Г.Н. Акимовой. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2003. – 295 с.
176. Русская грамматика: [в 2 т.] / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1–2.
177. Савватеева Т.С. Субъективно-модальные значения в египетском диалекте // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение, 2023. Т. 67. № 4. С. 117–129.
178. Савельева Е. Б. Дейксис и анафора: общее и специфическое // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2012, № 3. С. 181–188.
179. Сай С.С. Нефинитные формы сослагательного наклонения в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, 2015. Т. 11. № 1. С. 341–368.
180. Северская О.И. Язык поэтической школы: идиолект, идиостиль, социолект: научное издание. М.: «Словари.ру», 2007. – 126 с.
181. Семенов В. Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 2003. – 172 с.
182. Серебрянская Н.А. Статус дейктических проекций в художественном тексте // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 24–27.
183. Сергунина Т.А. Роль модальности в определении семантики высказывания и текста // Русское языкознание. Киев, 1990. Вып. 20. С. 108–114.
184. Сирик Д. Структура и интонация у Бродского. [Электронный ресурс] URL: <https://lib.ru/ZHURNAL/sirik.txt#2> (дата обращения: 02.05.2025).
185. Служевская И. Поздний Бродский: путешествие в круге идей // Иосиф Бродский и мир. Метафизика, античность, современность. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С. 9-35.

- 186.Смит Дж. Иосиф Бродский: взгляд иностранного современника // Иосиф Бродский: проблемы поэтики: сб. науч. тр. и материалов. М., 2012. С. 7–17.
- 187.Соколов К.С. Творчество Иосифа Бродского в контексте западной поэзии XX века. Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2021. – 152 с.
- 188.Соколова О., Захаркив Е. Прагматика и поэтика: поэтический дискурс в новых медиа / М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 328 с.
- 189.Солганик Г.Я. Основы лингвистики речи: учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2010. – 128 с.
- 190.Соловьева С.А. Система средств субъектного дейксиса в ранней прозе Б.Л. Пастернака // Научный диалог, 2022. Т. 11. № 1. С. 141–156.
- 191.Солодилова И.А., Перевалов В.В. Ценностная картина мира как объект лингвистического изучения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 2018. № 3. С. 180–183.
- 192.Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. – 361 с.
- 193.Стратийчук Е.Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2006. – 23 с.
- 194.Сухотин В.П. Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке // Ученые записки факультета языка и литературы Кабардино-балкарского государственного педагогического института. Нальчик, 1940. Вып. 1. С. 85–97.
- 195.Твердислова Е. С. Фотографичность в поэзии Бродского как событие мысли. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2021. – 288 с.
- 196.Тихомирова Е.А. О некоторых аспектах лингвистической характеристики тропа метафора-олицетворение (на примере русской и белорусской лирики начала XX века) // Веснік Беларускага

- дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. Мінск: Універсітэцкае, 1988. № 1. С. 39–42.
- 197.Ткаченко А.И. Текстоброзующая роль модалыности в газетно-публицистическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011. – 220 с.
- 198.Трофимова И.А. Субъективная модалыность в художественном тексте (на материале прозаических произведений А.П. Чехова): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004. – 191 с.
- 199.Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модалыности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 105–114.
- 200.Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М.: Сов. писатель, 1965. – 300 с.
- 201.Федотов О.И. Мотив возвращения в ранней лирике Бродского (из наблюдений над стихопэтикой) // Юность как сюжет: статьи и материалы. Изд-во Марины Батасовой, 2019. С. 304–315.
- 202.Федотов О.И. Феофанова В.С. Экзистенциальный мотив смерти в холостых сонетах Иосифа Бродского 1961-1962 годов // Acta eruditorum, 2023. Вып. 44. С. 40–44.
- 203.Холшевников В.Е. Перебои ритма как средства выразительности / В.Е. Холшевников Стиховедение и поэзия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 209–224.
- 204.Чевтаев А.А. Событийность в стихотворении И. Бродского «По дороге на Скирос»: между лирикой и эпосом // Мировая литература в контексте культуры. Пермь, 2009. №4. С. 159–162.
- 205.Чевтаев А.А. Эпика в поэзии И. Бродского: нарратив и художественный универсум // Поэтика Иосифа Бродского: разнообразие методологий: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения И.А. Бродского

- / сост. и ред.: И.В. Романова, И.В. Марусова, Л.В. Павлова. Смоленск: Свиток, 2017. С. 39–55.
206. Черняков А.Н. «Февраль» Б. Пастернака: инфинитивное письмо и его переводы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Филология, Педагогика, Психология. 2014. № 8. С. 28–32.
207. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. Монография. М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
208. Шевцова М.А. Специфика использования средств выражения модальности вынужденности в романе Э. Мендосы “Sin noticias de Gurb” // Междунар. научно-практич. интернет-конференция «Испания и Россия: диалог культур в свете современной цивилизационной парадигмы», 2011. Электронный ресурс. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/20778> (дата обращения: 21.02.2025).
209. Шестакова О.Б. Субъективное модальное значение «желания» и его актуализация в дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. – 17 с.
210. Щербакова М.И. Категория оптативности в русском языке (опыт сопоставительного анализа): Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. – 219 с.
211. Эслон П.А. Проблема разграничения модальных значений // Труды по русской и славянской филологии. Tartu, 1997. № 1. С. 234–245.
212. Якушина Р.М. Динамические параметры оценки (на материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. – 179 с.
213. Янковская Т.А. Проблема дейксиса в современном языкознании // Теоретические и методологические аспекты коммуникации: сборник научных трудов. Вып. 2. Бел. гос. экон. ун-т, каф. межкульт. экон. коммуникации. Минск: РИВШ, 2007. С. 166-172.
214. Fillmore C. J. Lectures on Deixis. University of California, Berkeley: CSLI Publications, 1971. Электронный ресурс. URL: <http://www->

- personal.umich.edu/~jlawler/FillmoreDeixisLectures.pdf (дата обращения: 21.07.2025).
- 215.Könönen M. «Four ways of writing the city»: St. Petersburg-Leningrad as a metaphor in the poetry of Joseph Brodsky. Helsinki, 2003. 340 P.
- 216.Kurilowich J. The inflexional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964. 252 P.
- 217.Lamont R. Joseph Brodsky: A Poet's Classroom // The Massachusetts Review. A Quarterly of Literature, the Arts and Public Affairs. 1974. Vol. 15. № 4. P. 564 – 565
- 218.Lyons, D. Introduction to theoretical linguistics. London: Cambridge University Press, 1968. 519 P.
- 219.Mrazek R. Syntax pracich vet rustině // Československa rusistika. 1958. № 1. S. 3-18.

Словари и энциклопедические издания

- 1.Словарь русского языка: [В 4 т.] / АН СССР Ин-т. рус. яз.; под. ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 1-4: 1985.
- 2.Словарь символов / Тресиддер Дж. / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- 3.Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / пер. с англ. Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 525 с.
- 4.Словарь синонимов русского языка / под. ред. З.Е. Александровой. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.
- 5.Стэнфордская философская энциклопедия. Теории желания. Электронный ресурс. URL: Plato.stanford.edu.
- 6.Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Источники

1. Сочинения Иосифа Бродского: [в 7 т.] / под. ред. Я.А. Гордина. СПб: Пушкинский фонд, 2001. 304 с. Том 1–4.

Приложение 1

Типология языковых средств выражения модальности желательности в языке поэзии Иосифа Бродского (корпус текстов 1957-1971 годов)

Схема 1

Схема 2

Схема 3

Схема 4

Схема 5

Значение «желания, сопряженного с побуждением». Лексические средства выражения

- наречия прочь, вперед:

*Вперед, родной. Последний мой совет:
Будь осторожен там, над проводами.*

- устойчивые сочетания:

*Остановись, мгновенье! Ты не столь
прекрасно, сколько ты неповторимо.*

- глаголы настоящего времени +
инфинитив:

*завещаю тебе навсегда обуздать
малыша.*

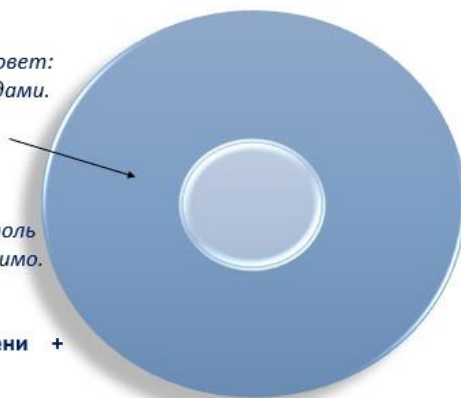

Схема 6

Значение «желания, сопряженного со значениями условия, цели, сравнения». Лексико-грамматические средства выражения

- компаратив лучше +
инфинитив:

*Я могу молчать.
Но лучше мне говорить*

- комплексно, на лексико-
синтаксическом уровне:

*<...> кучка
смуглых
вождей в измятых пестрых балахонах
ждет появления своего царя,
как брошенный на скатерти букет —
заполненной водой стеклянной вазы.*

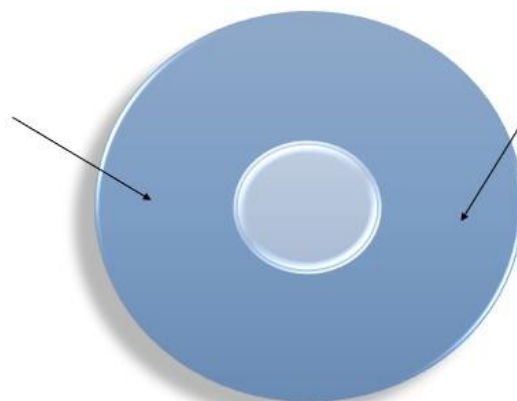

Схема 7

Значение пожелания. Грамматические средства выражения

- побудительная частица *да* + форма глагола *быть*:

*Да будет мужественным твой путь,
да будет он прям и прост.*

- формы императива третьего лица:

*Пусть же в сердце твоём
как рыба, бьётся живьём
и трепещет обрывок
нашей жизни вдвоём.*

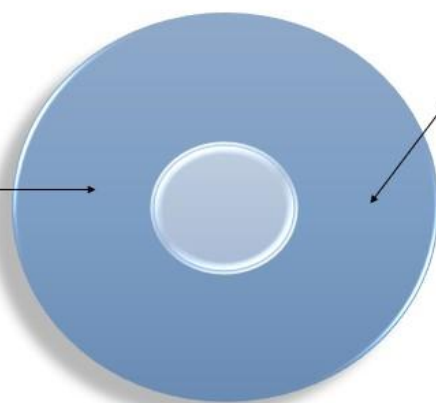
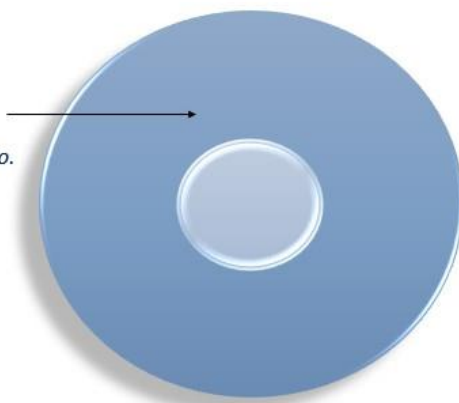

Схема 8

Значение пожелания. Лексические средства выражения

- устойчивые сочетания:

*Дай вам
Бог того, что мне ждать поздно.
Счастья, мыслю я.*

Приложение 2

Средства выражения семантических групп «собственно желание», «желание, сопряженное с побуждением», «пожелание», «желание, сопряженное с семантикой других категорий» в лирике

Иосифа Бродского

Диаграмма 1

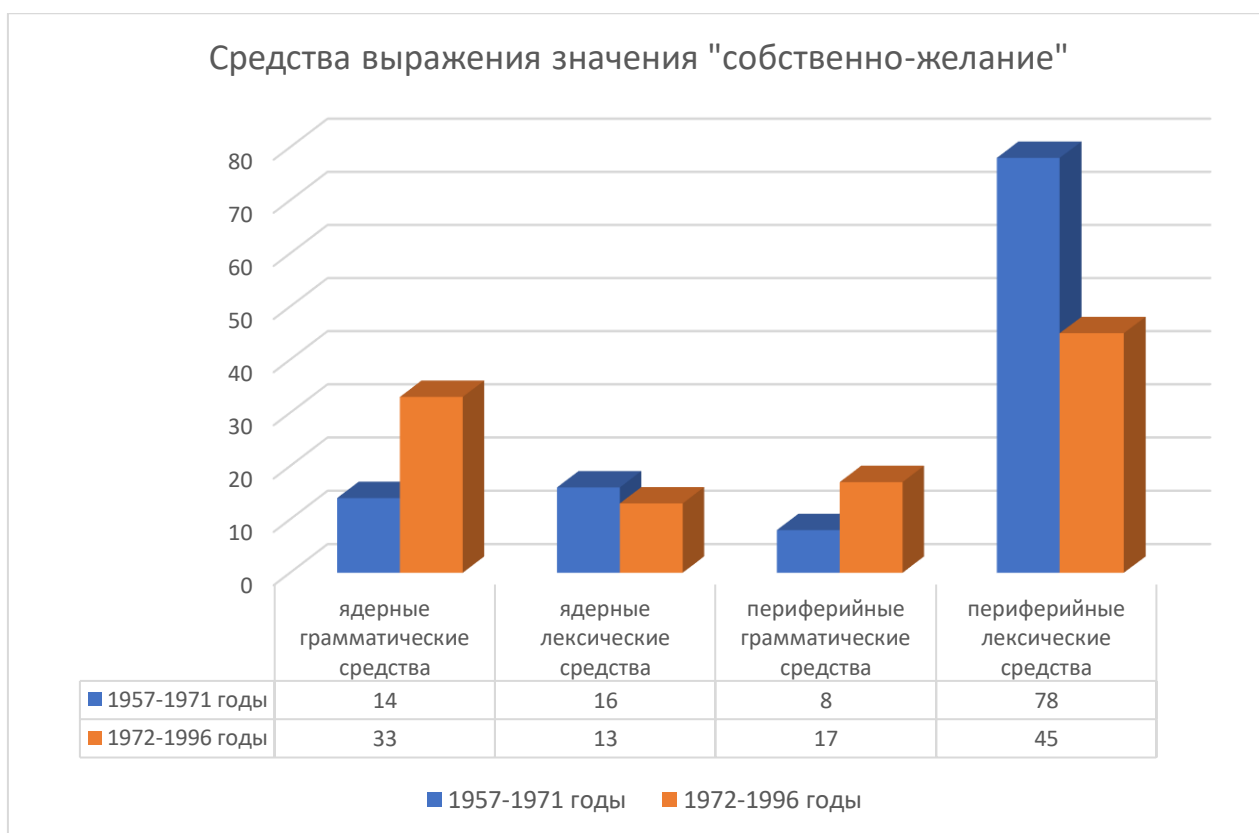

Диаграмма 2

Средства выражения значения "желание-побуждение"

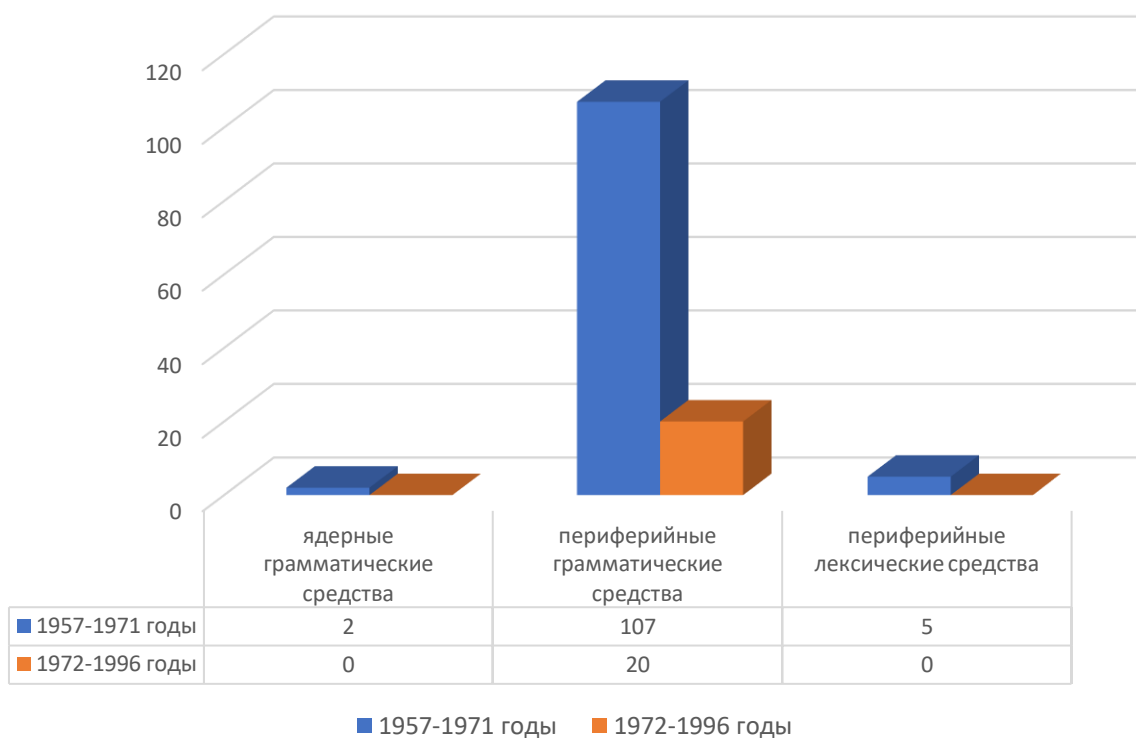

Диаграмма 3

Средства выражения значения пожелания

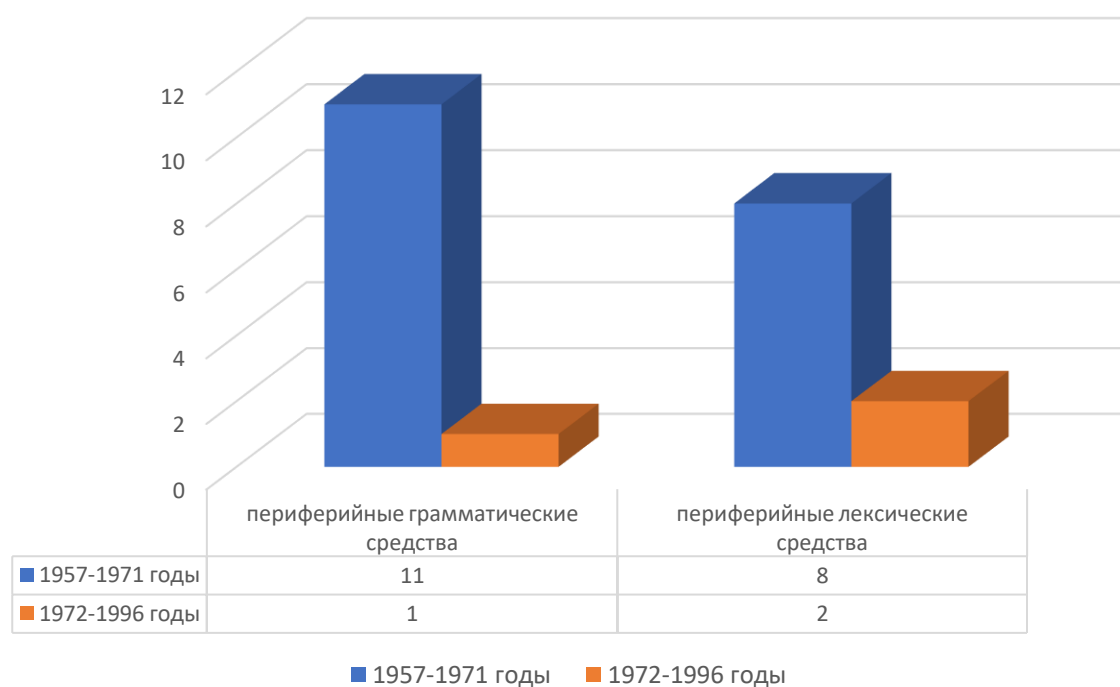

Диаграмма 4

